GEMMA MAGICA

Валерий БРЮСОВ

СПИРИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

GEMMA MAGICA

Материалы и исследования по истории магии и оккультизма

Новая серия
III

Salamandra P.V.V.

Валерий
БРЮСОВ

СПИРИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

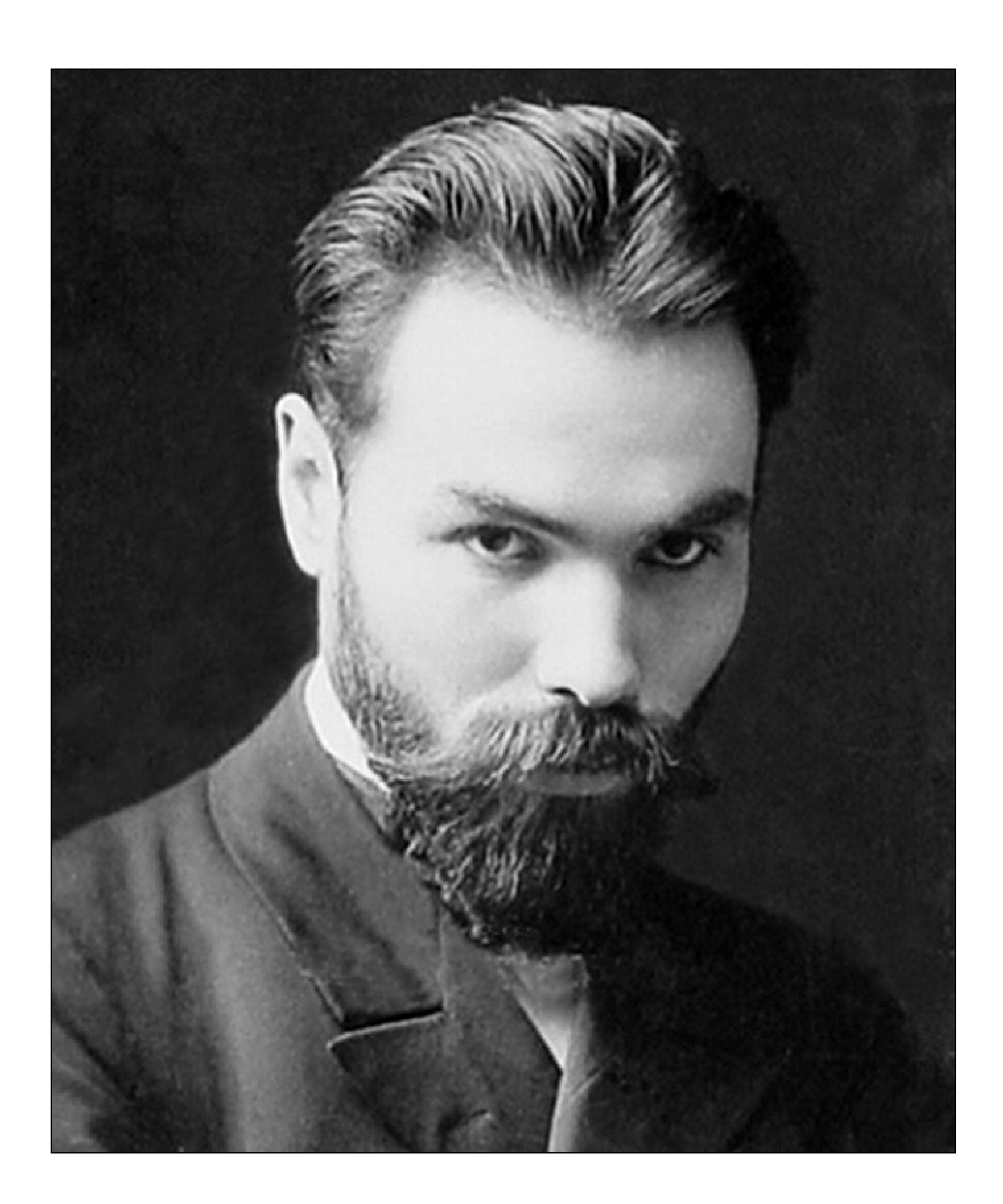
Медиумизм
и эзотерика

Salamandra P.V.V.

Брюсов В. Я.

Спиритический дневник: Медиумизм и эзотерика. Сост., подг. текстов и комм. С. Шаргородского. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 214 с., илл. — (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма. Новая серия, вып. III).

В книге собраны материалы, имеющие отношение к оккультным увлечениям В. Я. Брюсова — принципиально важной и во многом определяющей стороне его литературного и личностного облика. Впервые в полном объеме публикуются записи спиритических сеансов 1893 г., дополненные извлечениями из дневников 1892-1903 гг., касающимися спиритизма. Впервые републикованы многие статьи, рецензии и заметки, посвященные спиритизму и общим вопросам эзотеризма, в том числе цикл из пяти статей «Спиритизм до Рочестерских стуков». В книгу включены также статьи об Агриппе Неттесгеймском и работа «Предсказания Нострадама о современной войне». Издание снабжено подробными комментариями и сопроводительными материалами.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В предлагаемой читателю книге собран основной корпус дневниковых записей, статей, рецензий и заметок В. Я. Брюсова (1873-1924), посвященных вопросам спиритизма и эзотерики.

В первом разделе, «Спиритический дневник», впервые полностью публикуются записи Брюсова «Спиритические сеансы 1893 года» — протоколы сеансов января-мая указанного года в семье А. А. и М. И. Красковых. Эти записи дополнены извлечениями из дневников Брюсова 1892-1903 гг. Дневники 1892-93 гг. расширяют наше представление о происходившем на сеансах: здесь и эротические забавы под покровом темноты, и фальсификация спиритических явлений, и моменты «транса и ясновидения», как характеризовал их впоследствии Брюсов. Более поздние записи касаются сеансов с А. А. Лангом (Миропольским) и связей Брюсова с редакцией спиритического журнала «Ребус» и московскими спиритическими кружками.

В разделе «Спиритизм: Статьи, рецензии, заметки» собраны сочинения по вопросам спиритизма, опубликованные в журналах «Ребус», «Весы» и «Русский архив». Значительная часть их, включая цикл из пяти статей «Спиритизм до Рочестерских стуков», републикуется впервые.

В разделе «Эзотеризм: Рецензии. Статьи об Агриппе Неттесгеймском. Пророчества Нострадамуса» приведены рецензии из журнала «Весы» и три статьи об Агриппе — своеобразном *alter ego* Брюсова; полностью републикуется статья «Предсказания Нострадама о современной войне».

В приложениях читатель найдет некоторые свидетельства современников о спиритических и магических опытах Брюсова, отрывки из повести «Декадент», статью составителя «Тайны Офиэля: Три оккультных эпизода Серебряного века» и другие материалы.

Составитель и издательство выражают глубокую признательность А. В. Геворкяну и А. А. Степанову за предоставленные для работы копии ряда публикаций из журнала «Ребус», работникам ОР РГБ и портала «Автограф. XX век» за самоотверженный труд по оцифровке рукописных материалов В. Я. Брюсова.

С. Шаргородский

СПИРИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

тарей во время сеанса, когда мы были на противоположномъ концѣ, былъ опрокинутъ. Самъ былъ замоченъ тѣмъ, что передалъ листокъ.

Въ шкатулкѣ ничего не было написано. Въ ~~за~~ запечатанной коробкѣ красными (синими) карандашами 1,2,3,4 и на поданной доскѣ разныя фразы:

Не ищи спиритизма
а ищи духа

Итти! Наука и спир
неразрывны Да здравств

№17

Начало 9 Кн. 11
Гр. -2° Бар. 737
Снѣгъ.

17го марта. 15

Участвовали: А.А. М.И. Е.А. О.А. Я. С. Л.Ю.

Реом. -2° Бар. 737. При началѣ сеанса снѣгъ; Начали в 9 кончили в 11ч.

По просьбѣ (выраженной черезъ пѣніе и дощечкой) вещи расположены на разныхъ столахъ. Коробка съ муз. машинкой, свѣчка, трещотка etc. поставлена на полъ такъ, чтобы ее нельзя было достать рукой, не выходя

СПИРИТИЧЕСКИЕ СЕАНСЫ
1893 ГОДА

Сеансы 8 янв (пят) и 12го (втор.)[1]

Стол качался, и на близком расстоянии предметы на столе передвигались.

Сеанс 18го (пнд.)

Стол качался и раза два несколько приподымался. Некоторые предметы были сброшены со стола. В комнате слышались иногда постукивания.

По окончании сеанса было получено сообщение на английском языке от духа M'Klivi[2], сказавшего свое имя по азбуке на сеансе (стуками стола).

Сеанс 23го (субб.)

Стол качался и один раз даже совершенно определенно поднялся на воздух. Многие предметы были сброшены с (большого) стола, причем все участвующие находились на большом расстоянии. В комнате были слышны неопределенные звуки, сравнимые с капаньем дождя или треском от ломаемых роговых пластинок (китового уса).

По окончании сеанса было получено довольно длинное сообщение по-английски (этого языка никто из участвующих не знал).

27го янв. (среда)

Качания стола, приподнимание его на воздух, бросание предметов — стали обыкновенными явлениями (они повторяются на всех следующих сеан-

[1] Вставлено синим карандашом: «1893 г.». Перед началом записей нрзб. фраза.
[2] Нрзб., возможно M'Kliri.

сах (5го март.)).

Среди сеанса некоторые участвующие были завернуты сзади в платки, что лежали случайно на диване. Просили открыть ноты на замеченной странице, но открылась другая. Некоторые книги были брошены с этажерки и с рояли на пол.

(M-me Попова и M-le).

5го февр. (пятн.)

...Взято несколько нот на рояли, которая во время сеанса оставалась закрытой. Среди сеанса стуками было сказано «пишу» и было слышно движение карандаша <.> По окончании сеанса на бумаге оказалось написано непосредственно:[1]

8 февр (пнед.)[2]

В сеансе участвовало всего пятеро (я, ЕА., М.И., В., Ю.)

Едва погасили свет началось перебрасывание предметов с одного стола на другой. Карандаши, лежавшие в особой коробке на больш. столе были выброшены вверх. Столик передвинулся на другой конец комнаты (к окнам) и тогда маленькая музыкальная машинка (та лежала в той же коробке, где и карандаши) поднялась на воздух с больш. стола и начала играть над нашими головами; потом она опустилась к нам. Таким же образом была принесена к нам гремушка, гремя на высоте аршин 4 от полу. Ее положили на столик. Тогда он поднялся вверх и гремушка с него исчезла. По окончании сеанса она была найдена на ломберном столе. На рояли было взято несколько аккордов. Вскоре стуками было сказано

Книги стоят

и (по ок.<ончании> с.<еанса>) оказалось, что большая часть бывших в комнате книг расставлена по полу. В столе во всех частях были слышны определенные стуки. Некоторым казалось, что в комнате заметно мерцание.

---

[1] Оставленный в тексте пропуск не заполнен.
[2] Дата исправлена карандашом с ошибочного «8 января».

12го (пятн.)

В первой половине сеанса (я, МИ., Ю., МА., Сб.) явлений было мало. Потом, когда к участвующим присоединилась В., они усилились. Тотчас же на другом столе (противопол. конец комнаты) была раскрыта коробка с вещами <.> Затем стуками было сказано г. В.

Мы не любим тебя[1]

Почти одновременно на рояли упал пюпитр и к нам перелетела музыкальная машинка. Опускаясь она продолжала играть. Одним из участвующих была положена на ящик, стоявший в углу, связка ключей; об этом знал только он один. В середине сеанса ключи были сброшены на пол. Потом на пол была брошена коробка с вещами. Слышно было как в ней разбирались и разбрасывали вещи в разные стороны.

На бумаге непосредственно было получено

Ты не спирит

Среди двух сложенных и связанных веревочкой досок тоже было получено несколько слов. (Грифель был положен длинный в 3½ вершк.)

15го (понед.)

До начала сеанса положены были на столе 3 пары аспидных досок. Они были связаны и запечатаны облатками; концы веревок обрезаны у узла. Письменно сообщено было, что дух Елена ушел, и на вопрос, будет ли написано, получился ответ «Может быть».

[1] От слов «Затем стуками...» до «тебя» легкие карандашные зачеркивания.

Сеанс начался очень медленно (уч.<аствовали> я, МИ, М.Е, В., Е.А.) и скоро потребован перерыв на 6 мин.

После перерыва на вопрос «Напишете?» получился ответ —

Да.

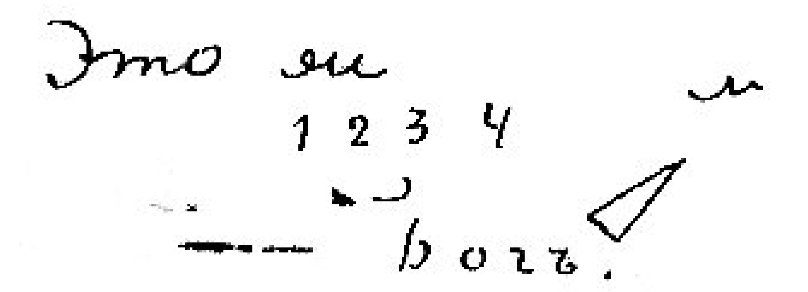
Когда?

Через 16 минут

Казалось явления прекратились когда вдруг вокруг моего пояса появилась светящаяся линия. Одним она представлялась в виде огненной ленты, другим в виде ряда звездочек или искр. Сеанс опять прервали.

После возобновления за сеансом сидели не более минут 5.

Среди запечатанных досок оказалось следующее сообщение:

16го я участвовал в другом кружке. 18го был назначен сеанс и было обещано световое явление, но сеанса не было. 19го я участ. в другом кружке на сеансе. 20[1] сеанс без меня. Сброшены предметы. Играли на гитаре. Между досок написано не было.

28 февр. (воскрес.)

На стол положено две пары запечат.<анных> досок.

В начале обычные явления. Затем сеанс прерван и к участвующим присоединился Л. (Всех[2] 8: я, Е.А., В., А.А., С., Л., М.Е.[3], В.П.)

Брошено несколько предметов. Затем по тому же направлению как столик (над кот. составлена цепь) начал двигаться самостоятельно тяжелый ломберный стол. Затем потребована азбука. Сложилось —

---

[1] Дата подчеркнута и рядом поставлен маленький знак вопроса.
[2] Нрзб.
[3] Иницалы зачеркнуты.

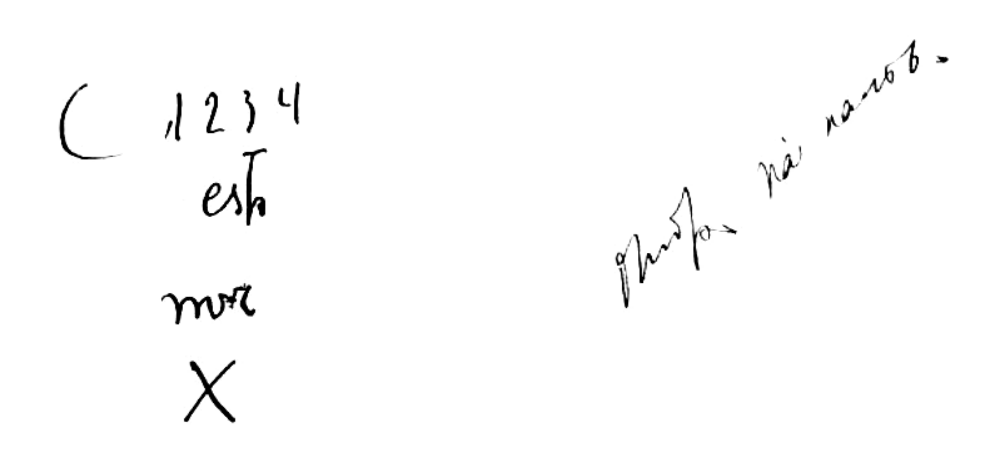
Будем писать.

В это время к сеансу хотел присоединиться М.Е., но движения столика стали недовольными и порывистыми. Когда М.Е. удалился стуками сложено было

Нам помешали.

Явления приостановились и восстановились лишь к концу сеанса. Были переданы доски в руки Л. Перенесена музыкальн. машинка, причем долгое время играла над головами. Л. чувствовал не раз прикосновения как бы длинных пальцев. ~~Когда играла машинка~~, он успел схватить ~~один раз~~ эту руку, но она тотчас же удалилась ~~разматериализовалась, «растаяла» у него в руках, по его выражению~~[1].

По окончании сеанса веревки одной пары досок оказались лопнувшими, но написано ничего не было; на другой же паре, где и веревки и печати были совершенно целы, оказалось написано —

25го (четв)

Сеанс не был назначен заранее.

Участв. я, МИ, ЕА, Л, ВА, Ю.

Столик резко передвинулся ко второй двери (у окон). Скоро над головой ЕА появились легкие искры, как бы электрические, настолько быстрые, что их видели зараз человека 2-3 и настолько определенные, что освещали ее голову. Одно время они перешли в легкое сияние, распространявшееся во-

[1] «Удалилась» вписано поверх зачеркн. «разматериализовалась».

круг. Потом они начали распространяться и наполнили все пространство над столиком.

Затем столик передвинулся ко входу. Здесь было передано несколько вещей <в> руки на столе и между прочим муз. машинка. При этом машинка была передана (материализованной) рукой, которую Л. мог чувствовать на ощупь. Однако при первом прикосновении, она (начала таять, разматериазироваться, так что скоро она) исчезла из рук Л. и у него осталась одна машинка.

После этого стол передвинулся опять к тому же месту, где происходили световые явления. Здесь они опять повторились; искры были более длинными и определенными, но само явление продолжалось меньшее время.

На досках ничего написано не было[1].

Терм.<ометр> 0°. Бар.<ометр> 735. Пасмурно. Весь день мокрый снег.

3 марта[2].

Участ. ЕА, ВА, я, АА, МИ, ВП, Сб, Л, МЕ, Чеч. докт.

На стол положены были три пары досок, одна без надписей, на другой был написан вопрос мною (quem amo?), на третьей М.Е. (вопрос начинался словами «скоро ли»). На столе было два запертых ящичка; в один из них положен рубль; в обоих бумага и разноцветные карандаши. Ключей от ящичков на столе не было. Кроме того на столе поставлена была труба из картона (рупор) и колода карт (новых) с просьбой вынуть из нее валета пик[3].

В начале сеанса столик был отодвинут и, постепенно усиливая раскачивания, начал, наконец, приподыматься. Потом столик опять придвинулся к столу с вещами, а оттуда к окнам. Затем было брошено несколько вещей и слышен странный удар, вроде того, который произвело бы падение пюпитра на рояли (но по окончании сеанса пюпитр оказался не упавшим). Затем переданы были одна за другой две карты (но валета пик среди них не было).

Далее последовал как бы некоторый перерыв, причем однако огня не зажигали. Потом явления начались с того, что на рояли взято было несколько нот. Маленький столик, с которым прежде (до этого) устраивались сеансы, был перевернут и осторожно поставлен на сомкнутую цепь рук. Г.<осподин> Ч., вынув записную книжку, положил ее на стол и просил, чтобы ему

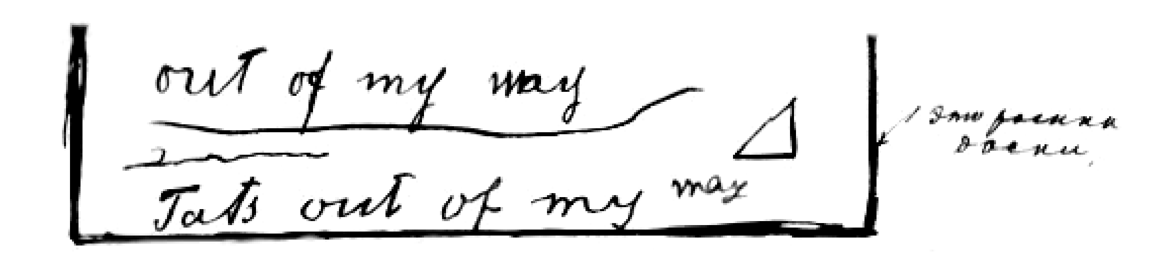
[1] Далее после зачеркнутой даты «23-го ?» в тетради зачеркнут пустой фрагмент страницы и вырван лист.

[2] Переправлено с «5 марта».

[3] Сбоку вписано: «гитара».

было написано там. Стол начал быстро подыматься, почти вырываясь из рук. Во время одного из этих поднятий (на высоту аршин 2 или 3) — книжка исчезла. Тотчас же передана папка от рисунков лежавших на ломберном столе, а на противоположном конце комнаты брошена книга. Тут же подан цветок (в горшке) стоявший у окна. После этого столик передвинулся к камину. Здесь стали появляться сначала искры, потом определенные звездочки, плававшие в высоте главным образом над головою Е.А. Величиною они были с горошину и светились синевато-желтым цветом. Видно их было 4 или 5, причем все они плыли от стола по направлению к окнам. Некоторые видели одну между мною и Е.А. — А.А. не видал ни одной. Потом была перенесена еще музык. машинка и сеанс прекратился.

С большого стола все оказалось снятым: карандаши разброшены, свеча поставлена на пол, карты перенесены на диван, ящички на кресла, труба брошена на пол. На той доске, где не было надписей, ничего и не оказалось написанным. Доски с моим вопросом были перенесена <sic> на рояль и внутри оказалась надпись по-английски —

Ответ М. Е. был написан не внутри а сверх (ответ: «не скоро»; вопросов не знал никто кроме авторов); надо заметить, что грифелей на столе не было. В ящичках не было написано ничего. Записную книжку г. Ч. нашли после на ломберном столе, причем она оказалась на той папке, которая была положена сюда уже после сеанса. В книжке было написано –

«Она обманывает тебя» (на 2ой стран.).

В продолжение сеанса двигался непосредственно тяжелый ломберный стол.

Еще были сеансы 1го (в друг.<ом> общ.<естве> участв. А. и Л.) и 6го (там же участ. я, Л, ЕА, ВА.)

7го устроен сеанс при свете. Сначала было совершенно светло и стол только слабо покачивался. Потом по настоятельному требованию затемнить — сделано было несколько темнее, настолько однако, что лица были определенно видны. Тогда столик начал подыматься вверх, но и предметы не были брошены, и на досках не было написано.

10 марта.

Участвовали (я, ЕА, ВА, М., А., Л, АА., МЕ)

На столе: три пары запечатан. досок, труба, гитара, запертый ящичек (внутри рубль), завязанная коробка и коробка с вещами (карандаши, музык. машинка, гремушки и свисток). В досках и в коробке (завязанной) лежали цветные карандаши.

Едва затемнили, тотчас в старой рояли последовал очень сильный удар, как бы тяжелой гирей. А со стола брошен карандаш. Потом начались прикосновения как бы длинных пальцев или свернутого платка или маханья легким вязаным платком с ветром. Прикасались к лицу и к рукам. Меня трогали за ухо. Движение сопровождалось легким дуновением. Потом столик передвинулся к окнам (вообще во все продолжение этого сеанса он не приближался к столу с вещами)<.> Здесь подана была одна доска причем веревки и печати были разорваны. Затем у стола раздался слабый звук свистка. Звук этот повторился в другом конце комнаты и скоро начали свистать со всех сторон, то далеко от нас, то вблизи напр. у самого уха М.Е. Столик передвинулся к камину. Здесь из сеанса вышел Л. Когда за столиком не было ни его, ни меня был перенесен карандаш. Потом я вернулся. Было взято несколько нот на рояли и продолжались свистки. Потом у потолка явилась светящаяся рука со свистком в руках, которая была видна вполне <?> определенно секунд 5; впрочем рассмотрел ее только я один. ~~Сеанс закончен был~~ <нрзб.> что перенесена музыкальная машинка и поставлен на руки маленький столик, который во время сеанса, когда мы были на противоположном конце, был опрокинут. Сеанс был закончен тем, что передан свисток.

В ящичке ничего не было написано. В запечатанной коробке красным карандашом 1, 2, 3, 4 и на поданной доске разными грифелями[1]:

Не ищи спиритизм
а ищи духа
Нет! Наука и спир
неразрывны Да здравств

[1] Фрагмент «Нет! Наука и спир неразрывны. Да здравств» записан красным карандашом.

Начато 9
Гр.<адусник> — 2°
Снег.

К<о>нч<ено>. 11
Бар.<ометр> 737.

17го марта

Участвовали: АА. МИ. ЕА. ВА. Я. С. Л. Ю.

Реом.<юр>— 2°. Бар.<ометр> 737. При начале сеанса снег. Начали в 9 ч., кончили в 11 ч.

По просьбе (выраженной через писание с дощечкой) вещи расположены на разных столах. Коробка с муз. машинкой, свистком, погремушками etc. поставлена на рояль так, чтобы ее нельзя было достать рукой, не выходя из цепи. Там же положена гитара.

Качания стола начались не сразу и усиливались постепенно. Прежде чем мы сдвинулись с первоначального положения, было что-то сброшено с камина. Тут же начались такие же прикосновения, как и в предыдущий сеанс (по рукам, по щеке, по волосам); Л. ощущал прикосновение детской руки.

Потом столик передвинулся к окнам, около которых на ломберном столе лежала запечатанная аспидная доска. Определенно было слышно писание по этой доске. В то же время у рояли (на противоположном конце комнаты) слышен был тихий звук свистка. Потом такой же звук повторился еще раз.

Столик передвинулся к рояли. Над головами пролетела одна коробка ~~что было слышно по звуку по ударам~~ (в ней лежали карандаши, которые и стучали ударяясь в стенки), однако она не упала и по окончании сеанса оказалась на том же месте, где была поставлена. Затем на пол была брошена гитара; ее подняли и опять положили на рояль. Тогда стол передвинулся к камину.

Здесь гитара начала играть над столиком и, когда Л. вставши пытался взять ее, она ушла вверх, к потолку; по его описанию, находилась она в отвесном положении, а по звуку слышно было что она находится аршинах в 3-4 от полу. Потом столик был перевернут вверх ножками (второй раз) и на эти ножки положена гитара. Тотчас же была перенесена и музыкальная машинка. Затем на присутствующих посыпались папиросы. Как оказалось, они были взяты из портсигара, что г. С. оставил на камине.

После этого столик передвинулся к большому столу и начались свистки. По просьбе присутствующих они повторились то в одном углу, то в другом, то близ кого-нибудь из участвующих в сеансе то тихо, то громко. Иногда два свистка в двух противоположных концах комнаты раздавались непосредственно один за другим, так что можно было предположить присутст-

вие здесь двух свистков. Повторились и прикосновения, но на этот раз, как бы более грубой рукой. Первые сравнивались с прикосновением платка, волос или детской руки, а эти с (слабо вы<раженными>) ударами жгутом или палкой (впрочем сильных ударов не было). В заключение был подан карандаш (с дощечкой) и свисток.

По сообщению стола на сеансе присутствовали: Елена, Ив. Ив., Елеазар, Евгений, Петр, Валерьян, Итцы...

На досках и в коробках написано ничего не было.

На бумаге (лежавшей на большом столе) оказались черты, сделанные красным карандашом.

В портсигаре г. С. оказался цветок ландыша несколько как будто увядший или примороженный; поставленный в воду он скоро оправился и распустился. В квартире ландышей не было.

20 марта субб.

Участв. АА. МИ. Л. ЕА. ВА. Ю. Я, МЕ.

Явлений было немного. Прикосновения и перенос вещей. До начала сеанса, но когда доски были уже запечатаны, попросили написать — Бог есть истина. По окончании сеанса на одной из досок (запечатанной) эта фраза действительно оказалась написанной. Добавлено было 1, 2, 3, 4. Сеанс был прерван по требованию духов на 10 м., при этом удалился МЕ.

24 марта; середа.

Начали в 9 кончили в 11.

Реом.<юр> — 1°. Пасм.<урн>. Бар.<ометр> 749.

Участв: я, АА, МИ, ЕА, А, Ю, Л., С.

Огонь потушили несколько рано, когда еще не все было готово, так что пришлось опять зажечь свечу. При этом было обнаружено исчезновение коробочки поставленной на камине. На вопрос, обращенный к духам (когда свет опять погасили)

— Вы ли взяли коробочку?

Последовал ответ:

— Нет.

Вещи были расположены на разных столах. Гитара и коробка (со свистком etc.) были поставлены так, чтобы их невозможно было достать рукой не выходя из цепи.

Начались явления легкими прикосновениями; потом столик передвинулся к окнам и на стол была брошена крышка от коробки, стоявшей неподалеку; вместе была брошена на стол и веревка, которой коробка была завязана (там лежала бумага с вопросом, предлож<енным> Л. и карандашом).

Столик передвинулся к рояли. Здесь Л стал просить, чтобы мне возвратили ключ, который я уронил в прошлый сеанс и не нашел после. Ответ был «хорошо».

Л. понадобилось встать и пойти к дверям, (чтобы погасить свет в соседней комнате). Пока Л. был около дверей был брошен ключ, оказавшийся дверным (двери на сеансе запирались). Когда Л вернулся сверху упал на стол и мой ключик.

Столик передвинулся на середину комнаты и на рояли было взято несколько нот. Слышно было, что над столом летала шкатулка с лежавшими в ней карандашами, но она не была опущена на стул. Вслед за тем над столом появилась гитара. Когда А.А. взял ее, та оказал<ась> в отвесном положении; притом определенно чувствовалось, что ее держала наверху (аршина четыре от полу) — какая-то рука. Вслед за этим начались прикосновения, как бы шерстяным платком с бахромою; некоторых на мгновение закутывали в платок, который сейчас же исчезал. В комнате платка не было.

Столик передвинулся к окнам и в рупор (стоявший у рояли) было произнесено несколько звуков. Слов разобрать не оказалось возможным.

Потом начались прикосновения рук. Длинные пальцы касались всех участвовавших, иногда нескольких сразу. По большей части руки эти гладили по голове. Здесь же раздалось несколько свистков и что-то упало на пол; это оказалось пенсне, лежавшее в соседней комнате. М.И. относила его и вернувшись не нашла своего стула. Л. пошел отыскивать его и на противоположном конце комнаты стул был с силою подан ему по воздуху в руки.

Прикосновения продолжались[1], и в воздухе раздалось несколько аплодисментов, ударов одной руки о другую. Сначала они раздавались над самым столом потом в некотором расстоянии. Перед концом сеанса стол поднялся на воздух и оставался там некоторое время после того, как был зажжен огонь, причем можно было видеть определенно руки всех участвовавших и ножки стола.

На вопросы Л. был написан ответ по-английски (этот язык знал только АА.)

Коробочка (исчезнувшая в начале) нашлась на полу близ рояли.

---

[1] К лицу Л, по его описанию прикасались губы. Некоторые прикосновения (удары) были слышны (*Прим. В. Брюсова*).

30 марта втор.

PS. Маленький сеанс без приготовления был устроен 28го, но прекращен ввиду испуга одного из новых участников. Явления начались сразу, несмотря на то, что было много новых лиц.

Начали после 9.

Участвовавшие (АА, МИ, Я, Л, С. ЕА. ВА., Ю. МА.)

В начале сеанса движения стола были очень порывистыми и быстрыми. Когда стол отодвинулся к окнам, он был перевернут вверх ножками и стал быстро раскачиваться; некоторые пытались его удержать, но это оказалось невозможным. Затем столик передвинулся к столу и к нам был брошен дверной ключ. Затем начались прикосновения, как и в прежних сеансах; по словам Ланга, его тянули из цепи. Здесь же появились в комнате искры; по словам М.А. был даже целый рой огоньков; огоньки плыли от стола к дверям к камину. После этого стол передвинулся к дверям, и здесь Л. был поднят на воздух вместе со стулом. В некотором испуге он спрыгнул со стула и тогда тот опустился. Затем над столом появилась гитара, рука перебирала струны, потом гитара опустилась. Порывистые движения столика продолжались, и АА вышел из цепи (он сел на диван). Явления прекратились; А.А., не предупреждая других, зажег спичку (все перепутали свои места, и ему хотелось дать возможность опять рассесться); в момент, когда загоралась спичка, с потолка упал рупор. Хотя темнота возобновилась, но явления прекратились. Сеанс был прерван.

Доски на этот раз были не завязаны и запечатаны, а заклеены с обеих сторон. Внутри было написаны С-ым вопросы, которых никто, кроме него, не знал. На них были получены ответы.

Вопросы: — Вернуться?
Когда?
Почему?
Ответы: — Скоро
Вернут. . .
. . . . . . (непонятно).

Между другой парой заклеенных досок, где было написано:

«Христос Воскресе!»

никакого ответа написано не было.

Приблизительно через ¼ часа сеанс был возобновлен. Начались явления прикосновениями. Потом из-под В.А. был выдернут стул. Л. несколько раз заявлял, что его тянут по направлению к дивану и что он чувствует тяжесть в веках, желание заснуть. Наконец он перешел на диван и лег там. В комнате раздался шорох; был пододвинут к дивану стул, точно на него кто садился. Л. был несколько испуган и думал возвратиться, но его стул уже исчез, но оказался на месте, между тем диван стучал ножкой и несколько раз ударялся о стену, как бы для выражения неудовольствия. Тогда Л. возвратился и опять лег на диван. За столиком и в комнате явления прекратились. Около дивана послышался некоторый шум и потом звук поцелуя. Ощущения Л. записаны им самим в тот же вечер и прилагаются здесь. Сидевшие же за столиком слышали поцелуи и слова, произносимые Л. Следует отметить, что иногда и то и другое (поцелуй и слова Л.) раздавались одновременно. Разговор был более длинным чем он описан у Л. Сначала он обратился с вопросом:

Кто ты?

Потом как бы отвечал:

Благодарю, что ты пришла.

Потом еще раз произнес: «Милая Елена» и лишь после этого начал прощаться.

Прощай. Благодарю тебя.

Кроме того Л иногда обращался к нам с просьбами быть потише. Многие из участвующих за сеансом при этих явлениях смеялись. Л. сам окончил сеанс словами: «Теперь зажигайте огонь», — и попросил воды.

Мой первый транс[1]

Уже несколько раз, во время предыдущих сеансов, я чувствовал внутреннее желание удалиться от общего столика и прилечь на диван. Дерганье за рукав в одном направлении (к дивану), приподнятие моего стула только укрепляло мое намерение, но я еще не решался заявить это нашему обществу. Наконец сегодня я почувствовал такое неотразимое влечение прилечь и чувствовал такую усталость, что боялся заснуть за столиком, свалившись на моих соседей и предупредил это удалившись на диван. Только я лег, всем слышно, подвинулось ко мне кресло. На кресло кто-то сел (шаги были всем слышны) и положил на мою голову свою руку. Рука в высшей сте-

[1] Два листа с отчетом Ланга вклеены в тетрадь после л.18, заканчивающегося словами «Благодарю, что ты пришла»

пени странная, несколько мягкая и несколько холодная; ее кожа показалась мне тканью, никак не кожей. Потом я начал ощущать частые прикосновения другой какой-то руки, мягкой похожей на женскую. Она была теплая. Прикосновения шли сверху вниз и были похожи на обычные движения гипнотизера. Затем меня начали целовать в лоб, губы, щеку. Горячее дыхание обдавало мое лицо. Я чувствовал затем прикосновение цельной фигуры, которая сидела рядом со мною на диване, близко наклонившись ко мне, ласкала меня. Потом я услышал непонятный шепот, он становился для меня яснее и наконец я понял приблизительно следующие фразы:

«Зачем ты не приходил раньше; я тебя ждала; другие не понимали мои требования; но зачем ты не поступал так, как сам хотел»

Я спросил: <«>Кто ты?»

«Елена, твоя Елена», ответило мне.

«Приходи завтра опять ко мне. Ну до свидания, мой дорогой Саша!»

Во все время поцелуев, прикосновения и разговора диван со мною с силой двигался или летал по комнате, причем я ясно чувствовал что чьи-то сильные руки держали его за ножки. Когда остальные говорили о посторонних вещах и мешали мне с Еленой, моя грудь страшно болела, непонятною для меня до сих пор болью, но Елена меня тогда более ласкала, словно утешая меня. Поцелуи были всем слышны. Полного транса, кажется, не было, так как я, хотя невнятно, но все-таки слышал посторонние разговоры. После транса был сильно взволнован, но чувствовал себя совершенно здоровым.

Москва.

Александр Ланг

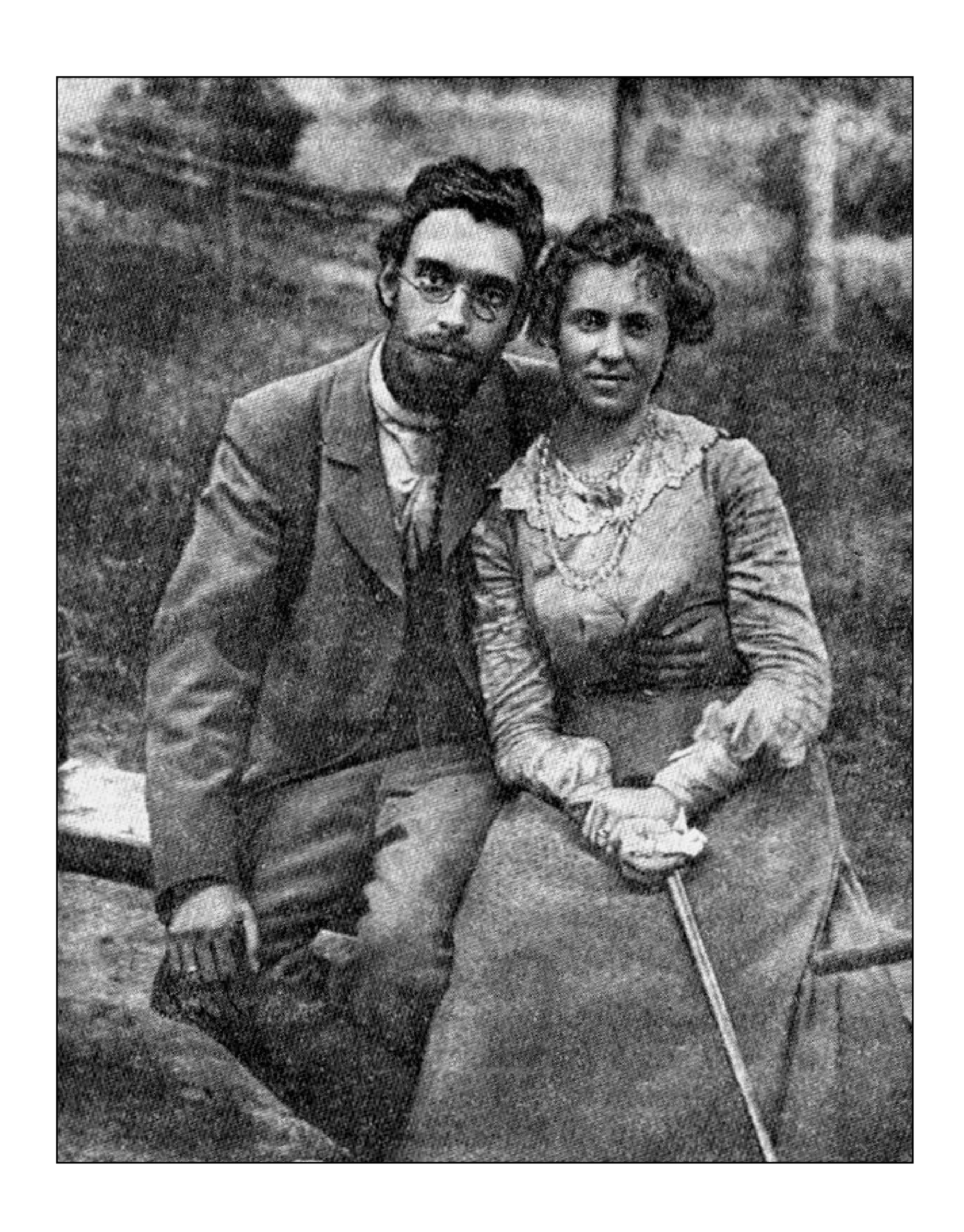
31 марта

Участв. АА, МИ., ВА., Я, Л., В. А. П., Mlle X, Ю.

Явлений почти не было. После того, как В.А.П. почувствовала прикосновение руки она попросила прекратить сеанс. В нем не участвовала медиум ЕА.

В 11 ½ час. сеанс был возобновлен с ЕА, но без ВАП и Mlle X. Явлений было очень мало. На доске снаружи было написано

«Очень поздно».

А. А. Ланг и его жена А. П. Ширяева
(1895)

3 апр. (субб.)[1]

Участв. АА, М. И., ЕА, ВА, Я, Л, С, В.Б.

Явлений почти никаких не было. Передана была коробочка; было несколько прикосновений.

7 апр. (среда)

Сидели в новом порядке. Участв. АА. МИ, ЕА, Я, Л, С, В. Б., Ю, МЕ, Н.В, ВА.

Явлений было очень мало. Прикосновения. Брошена коробка. В середине сеанса я удалился из цепи на диван. После этого Ю. почувствовала сильный удар по голове, как бы летящим камнем.

10 апр. (субб.)

Сидели в порядке прежних сеансов. Уч. АА, МИ, Я, ЕА, ВА, ВБ, Л, НВ, МЕ, Ю.

Сеанс распадается на три части.

1) Была брошена на пол коробка с вещами, стоявшая так, чтобы ее нельзя было достать рукой не выходя из цепи (на рояли) <.> Притом когда она была брошена столик находился на противоположном конце комнаты. Чтобы осмотреться здесь на минуту мы зажгли спичку.

2) Начались свистки во всех концах комнаты и (по просьбе участвующих) очень близко от нас; один свисток был у самого уха Л., а другой на самом столике, так что М.Е. ощущал струю воздуха на руке. (Кстати: в прошлом сеансе, 7 апр., по рукам чувствовалось дуновение.). Здесь из сеанса удалился АА.

3) На пол был сброшен рупор (из картона). Потом начались звуки, произносимые в этот рупор. Слова не всегда можно было разобрать. Приблизительно говорилось следующее:

---

[1] Здесь и далее в записях от 7 и 10 апреля исправлено ошибочное «марта».

Молчите (к М.Е.).
Это я.
У-у-е... (Будет? Guten Tag?)
Да... (на вопрос)
Теперь это я... (Елена?)
(Adieu?) Будет.

На этом сеанс прекратили.

Все время столик продолжал двигаться по комнате и от времени до времени были прикосновения. На запечатанной доске ничего написано не было, но на бумаге красным карандашом было написано

Елена... не достает (?)[1]

PS. Впоследствии нашли в запечатан. паре досок слабо написанные буквы красным карандашом

14 апр. (среда)

Участв. АА. МИ. Я. ЕА. ВА. МА. Л. Ю. С.

Кроме прикосновений и бросания вещей наибольший интерес представляли следующие два явления.

1) Уже в середине сеанса была принесена гармония. Сначала она играла на высоте, потом опустилась ниже и наконец была положена на стол. Л. хотел принять ее, но гармония была вырвана у него из рук и тотчас же отброшена в сторону от стола. Высказывались предположения, как это бывало и прежде, что бросил ее кто-нибудь из участвующих. С. ходил искать гармонию, чтобы положить ее на стол, но не нашел. Через некоторое время гармония опять появилась над столом и, по словам ЕА, ударила ее по голове. Затем она была передана в руки и сеанс вскоре прекращен.

2) После прекращения сеанса замечено было другое интересное явление. В прежние сеансы АА. часто прикреплял себе на спину кусочек белого картона с привязанным к нему карандашом; потом его начали вешать на

[1] Слова «не достает» слабо зачеркнуты карандашом, сверху вписано карандашом: «не хватает».

стену. В тот раз А.А. прикрепил его довольно высоко над столом, где лежали вещи. Булавка (которой он был приколот) оказалась осторожно вынутой, а картон приколотым на спину мне. На нем было написано

My mind to me a kingdom is.

На запечат. досках и в коробках написано не было.

17 апр. (субб.)

Участв. Я, ЕА, ВА, АА, МИ., Ю, Л., В.Б.

Сеанс происходил при фонаре с красным стеклом. Сначала он был приоткрыт, так что было два света — красный и белый. Потом оставили один красный.

Сначала стол постоянно отодвигался в более темные углы комнаты. Тут же была передана одна пара досок. Ее отнесли в другую комнату. Потом начались прикосновения; на этот раз не сзади, как обыкновенно, но к лицу. Кроме того столик несколько раз приподнимался.

После этого столик передвинулся и было сказано стуками «пишу». Несколько раз потом требовалась азбука, но слов сложить не удавалось. Наконец решились повернуть фонарь в другую сторону. Тотчас же раздались в противополож. конце комнаты свистки. Место, где лежал свисток знали только АА, МИ и Ю. Затем столик придвинулся к самому фонарю и здесь была передана коробка. Здесь же у меня был вырван стул и пытались выхватить его у ВБ. (сидела рядом со мной) и у Л (сидел от меня через один стул). После этого стол опять удалился в темный угол и было сказано «adie» т. е. «adieu». Сеанс однако не прекращали. Тогда столик начал порывисто рваться и несколько раз как бы пытался вовсе улететь, поднимаясь высоко над полом. Этим сеанс закончили и зажгли огонь. Одна пара досок (где прежде писалось «Христос воскресе») была распечатана и в ней написано

Воистину

На других досках (которые были отнесены в другую комнату) оказалось написано сверху.

Елена. Мы привыкнемъ [illegible].

21го (среда)

Участв АА МИ ЕА В Л Я Ю пот.<ом> С.

В этот раз вещи были не разложены по столам, а подвешены на бечевочках к гвоздям близ потолка; свисток был повешен посреди комнаты на крюке. Из всех этих предметов (гитара, колокольчик, гремушка и свисток) — воспользовались только свистком. Свистели в него шесть раз в разные моменты сеанса. Кроме того были брошены две запечатанных коробки, стоявшие на рояли и одна пара досок перенесена на другой стол. Было несколько прикосновений и у Л. вытащили стул. Несмотря на просьбы присутствующих в рупор ничего сказано не было.

На досках были написаны просьбы сделать какое-нибудь сообщение; на заклеенной паре — просьба Елене, на запертой (замком) — Ив. Ив. Среди сеанса было сообщено, что Еленою написано, а Ив. Ив. напишет в следующий раз.

Вопрос: — почему не теперь?

Ответ (стуками): — много писано; ~~устали...~~

Еленою оказало написано (внутри запечатанных досок)

Я люблю — Елена (и еще несколько непонятных черт).

Внутри одной заклеенной коробки: —

«Все слишком высоко»

В этой же коробке лежала визитная карточка А.А., которая после сеанса оказалась в другой коробке. Это явление можно отнести к разряду проникновения материи сквозь материю.

PS. Сеанс был начат при фонаре, но потом он был погашен. Только после этого и происходили явления.

24 апр. (суббота)

Сеанс темный. Участв. Я МИ АА. ЕА. В. С. Л. М.Е. Ю.

Вещи подвешены. На вопрос исполнит ли Ив. Ив. обещание, данное в прошлый сеанс, сообщено, что его здесь нет.

Снача<ла> столик передвинулся по всей комнате и остановился близ стола, где лежали запечатан. коробки. Затем М.Е. был подан листок бумаги. Затем столик передвинулся в другую сторону и здесь над нами стала летать коробка (как потом оказалось не та, что лежала на столе, около которого мы только что были, а лежавшая близ окон на втором маленьком столике). Летания эти возобновились несколько раз и наконец по просьбам присутствующих она была передана в руки Л. Этот просил, чтобы у него ее опять взяли, но просьба исполнена не была. Тогда М.Е. положил ее (не просьбу, а коробку) себе на голову. Тут она и лежала некоторое время, но потом внезапно сильным ударом была сброшена с головы на пол; впрочем коробка не была продавлена. После этого инцидента стол передвинулся к стене. Слышно было два слабых свистка. Затем Л. заявил, что ему к спине прикалывают картон (см. сеанс 23 — 14го апр.). Было еще несколько незначительных явлений и наконец в рупор над нами было сказано

Адьё. (грубым голосом)

На запечатанных досках не оказалось напис.<ано> ничего. В запертых было несколько непонятных штрихов, как бы букв или коротких слов, написанных неразборчивым почерком.

Бумага поданная М.Е. оказалась взятою из коробки (не той, что летала над нами). Коробка найдена была нераспечатанной. В ней было до сеанса два листка — белый и зеленый; белый и был подан, а на зеленом была написано «Я» (в коробке карандаша не было). Кроме того в коробке же оказался кусок малахита, как бы от броши или запонки. Кроме того можно упомянуть, что запертые доски оказались перенесенными на другой стол, а рупор брошенным на пол. Свисток остался висеть, хотя участвующие просили передать его в руки.

28 апр. (среда)

Сеанс темн.<ый>. Уч. Е. А. Я МА. АА. М.И. В. С. Л. Ю. пот. М.Е.

Вещи подвешены. Положены кроме обычного: коробка в запечатанном конверте и другой запечат. конверт с вопросом, но на этот раз ни в коробке, ни на конверте ничего написано не было.

Наиболее интересными надо считать следующие три явления:

1) Довольно высоко над столом начала носиться коробка. По просьбе присутствующих передана прямо в руки Л. (темнота полная).

2) В то время как столик приподнялся и оказался в воздухе горизонтально, на его место поставлен другой столик (за которым сидели на первых сеансах).

Перед этим слышны были стуки (2). Насколько можно судить по звуку, раздавались они на расстоянии аршин двух от столика и вполне походили на удары ножкой (столиком). Этими стуками давались ответы на предлагаемые вопросы, причем как и всегда 2 удара означало «нет», а 3 удара — «да».

Кроме того слышен был свисток.

Сеанс был закончен в этот раз рано по требованию, выраженному стуками (аддио).

Ни на досках, ни на бумаге ничего написано не было.

1го мая (субб.)

Сеанс тем.<ный>. Уч. АА., М. И., ЕА., ВА., Я, Л., С., М. Е., М. А.[1]

Вещи разложены. Никаких явлений кроме прикосновений не было. Впрочем стол много качался, двигался и не раз приподнимался вверх.

На запечатанной паре досок оказалось написанным (внутри)

Plato — Бог — Париол

и еще несколько черточек.

Картонка была повешена на стену, но после сеанса ее нигде не нашли.

PS. После ее нашли зацепившейся на стуле. На ней написано:

Вдруг. Любовь не мыслитъ зла.

3го мая (понед.)

Последний сеанс в Москве (до осени).

Сеанс темный, но в другой комнате (там же, где сеанс 28го).
Участв. АА. М. И. ЕА. МА. Л. и я (только 6)
Мои руки и руки Е.А. держал А.А.

---

[1] Сбоку приписано: «и В. А.?»

После раскачивания стола и некоторых прикосновений была поднята на воздух гремушка, где она и гремела.

Потом в столе, стоявший <sic> сзади меня, начались стуки. Ими отвечали на предлагаемые вопросы. Вскоре с этого стола была сброшена скатерть-клеенка; с него упала коробка с вещами и подсвечник, у которого откололась ручка. После слышно было, что со стола упали еще доски; значит скатерть была быстро выдернута из-под них.

В лежащих на полу вещах разбиралась чья-то рука, как это было в   сеансе   [1].

Кроме того столик несколько раз поднимался на воздух. Этим сеанс и закончился.

---

[1] Оставленные промежутки не заполнены.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ДНЕВНИКОВ
1892-1903 гг.

23.10.92

Мы клялись в любви, не веря,
Целовались, не любя;
Мне — разлука не потеря,
Мне — свиданье для тебя.
Не зови его ошибкой,
Встанет прошлого туман,
И припомним мы с улыбкой
Обаятельный обман.

Поводом этого стихотв.<орения> послужил пустой случай. Вчера был у Краск<о>в<ы>х, пригласил их участвовать в спектакле <...>. У них сеанс. Мрак и темнота. Я сидел рядом с Ел. Андр., а Вари не было (уехала в театр). Сначала я позвол<ил> себе немногое. Вижу, что при<нимаюсь> благопол<учно>. Становлюсь смелее. Наконец <?>, перехожу границы. И поцелуи и явления. Стол подымается, звонки звенят, вещи летят через всю комнату, а я покрываю чуть слышными, даже вовсе неслышными поцелуями и шею и лице и, наконец губы Ел. Андр. Она мне помогает и в том <и> в другом. Все в изумлении (понятно насчет явлений). Потом пришел М<и>х Евд., но и это не помешало. Наконец зажгли огонь, сеанс кончился. Я и она оба держали себя прекрасно. <...>

4.1.93

<...> Решили в будущем <проводить> сеансы. <...>

10.1.93

Хрон.<ология>

<...> 8 <.>. Веч.<ечером> сеанс. <...>

Третьего дни был сеанс (я теперь всюду твержу о спиритизме). Почти то же, что и 23.10.92. Только поцелуи мне уж очень приелись. Надо изобрести свидание, но это в будущем. <...>

Татьянин день (12 я<нваря>)

Сегодня сеанс, а я в мрач.<ом> настр.<оении> духа: на лбу выскочил большой прыщ.<...>

Вот только прыщ меня смущает. Я уже совсем приготовился щупать Верочку.

13.

Вчера на сеансе у меня сердце опять задрожало.

Еще бы.

Ел. Андр. перегибалась совершенно и ложилась мне на грудь или на шею, а я обняв, давил ей груди. Гм.

Надо однако изобрести новые способы ласки. <...>

19 втор.

<...> Вчера сеанс. <...>

21

Хронология

12. Сеанс <...>

18. Пн. Веч<ером> сеанс. Стуки и писание по-английски.

30 янв. 93

Писать есть много о чем.

В среду был сеанс. Целовались. Была Попова. Писали по-английски.

1.2.93

Хронология.

27 ср. Веч. сеанс <…>

6.2

Вчера был на сеансе

С Ел. Андр. стал нагло дерзок. Это хорошо. Щупал ее за ноги, чуть не за пизду. Хватать ее за груди для меня уже шутки.

Сели за столом я с ней, а она отталкивает руки. Я еще, она опять. Тогда я хладнокровно отодвигаюсь к Верочке и начинаю ее щупать. Она рада; впрочем я больше делал вид, что щупаю. Потом поворачиваюсь к Е. Андр. Она смирилась, и я повел <…>[1] нее. Безобразничал до беспредельности.

16.2.93

Вчера Андр Андр решил изловить нас. Принесли чистых досок. Лично он связал их и одну залепил печатями. Кончики узлов отрезал.

Мы (я и ЕА) впали в уныние.

~~Сели за сеанс, а~~ Раньше сеанса писали. По писан<ию> вышло, что Елена (дух) ушла… Конечно утешение, а все ведь скажут:

— Гм… Как надо было показать себя, она и ушла…

Сели за сеанс. Явление пишет . . . . . .

. . . .

— Напишете?

Духи отвечают уже определенно

— Да. Через 16 минут.

Вдруг ужас. — Огонь! Огонь!

На мне блещет синеватое пламя.

Я в ужасе, в смущении.

— Зажгите свечку… (это я) — Нет… что вы!

— Зажгите! Зажгите… И я сам зажигаю <.> Светло. Меня успокаивают. Приносят воды. Зовут Андр Андр. Все поражены даже ЕА.

Опять сели. Стучит.

---

[1] Нрзб.

Засветили. Пошли смотреть. Печати целы — пусто. А в другой незапечатанной, но завязанной — веревки целы, а внутри написано. Третья пуста.

Еще более поражены. <…>

Протокол сеансов.

8 янв. Столик под.<ымался>. Перелет предм.<етов> близко.
12 янв. Стол. Перелет предмет.<ов>
18. Ст<ол>. Перелет на расстоянии. Спирит и писание по-английски.
23 (?). <…>[1] Писан<ие> по-английски.
27го. Завязывание в платки.
5го февр. Непосредств<енное> писание на бумаге.
8го. Расставлены книги.
12го. Писание между двух досок.
15го. Искра. Писан<ие> между запечат.<анных> досок.

____

<..> 15 Сеанс у Краск<о>в<ы>х. <…>
16 <…> Сеанс дома <..>
18 <…> У Крас.<ковых> сеанса нет. <…>
19 Веч. сеанс. <…>

С<еанс>. 21. <…> у меня Никольский, читал свои стихи, пот.<ом> сеанс у Крас.<ко-вых>. Был Ланг. Писание между досками и летан<ие> предметов и движение тяжел.<ого стола>.

22. <…> Веч. у нас сеанс.

1 марта 93.

<…> Хронология

С<еанс>. Чтв. 25 В сеансе случаи. Ланг <.> Сияние и подавание предметов <…>

С<еанс>. В<торник?> 23. Веч сеанс. Ланг у Красков<ых>. С<еанс> 24. Дома.

Писан<ие> между досками.

---

[1] Нрзб.

2.

<…> Вчера все в душе <?> были потрясены фиаско сеанса с Н<…>[1] кот. расстав.<ил> книги так, чтобы бросать их оказалось невозможным. Я пот<ом> устроил скандал, ругал его и все тому подобное

4 м<а>р<та>. 93

Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало. Надо выбрать иное. Без догматов можно плыть всюду. Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу их: это декадентство и спиритизм. Да! Что ни говорить, ложны ли они, смешны ли, но они идут вперед, развиваются, и будущее будет принадлежать им, особенно если они найдут достойного вождя. А этим вождем буду я!

Да Я! И если у меня будет помощником Елена Андреевна. Если! Мы покорим мир.

Кстати. Вчера был сеанс. Мне пришлось выдержать трудную борьбу и эта победа одна из лучших моих побед. ЕА не хотела говорить со мной, да, прямо не отвечала. Шаг за шагом боролся я, поступал верно, не обращая внимания на Верочку (ЕА воображал<а>, что я буду мечтать <об> ухаживаниях за этой), не терял бодрости и… и в конце сеанса мы обнимались. Вперед! История с портмоне и с писанием. Был Чечулин. <…>

Хрон<ология>. 1 Веч. сеанс <…>

4. <…> Веч. читаю «Соврем.<енная> жрица Изиды».

<…> 10. <…> Веч. У Краск.<овых> сеанс.

<…> 17. <…> Веч. сеанс у Кра.<сковых>

18.

Вчера зашел за границы. Щупал на сеансе ЕА за ноги до колен и выше из-под юбок. Нет! это слишком. <…>

23

1 Корнелий Агриппа; 2 Парацельс; 3 Magia Adamica — Евг<.> Филалета;

[1] Нрзб.

4 J E Mirville Des esprits et de leurs manifestations diverses

30

Нового мало. Хватаю за пизду ЕА., но это уже не ново.

Хронология

<…> 22 Веч. сеанс <…>

1.4.93

<…>30. Свидание [день ничего не было]<.> Безумный сеанс. Поцелуи Елены (духа) и Ланга.

31. В 5 час. у Краск<овых>. Читал. Пот<ом> ЕА ушла. ½ сеанса с По<…>[1] ужас <?> и 2ая ½ сеанса. Француженка mademoiselle

<…>

Хронология

<…> 10 суб. Веч. у Краск<овых>. Сеанс <…> Свист<ки>. Руп<ор>.

21

<…> Сеанс. Подвешено. Свисток. Брошен<ные> вещи. Ланга трогают и тащат стул. Написано «Я люблю. Елена <…>» и <…>[2] Карто<чка> из 1 запечат<анной> кор<о>б<ки> в друг<ой>.

26

<…> 24 Веч. сеанс. Мило. АА обругал меня за ужином

[1] Фамилия нрзб.
[2] Два слова нрзб.

28

Не то я сам себя расстроил, не то расстроен в самом деле, но я в отчаянии <...> Ты, Ты! Кто Ты? Помоги!..

В борьбу! Быть может...

X 27. Свидание. У Ланга. Похищение яда. Ланг у меня в 11 час.

Возможно, что вечером в пятницу меня уже не будет существовать на свете.

вечер 28

Только что с сеанса <...>

30

<...> 28 Веч. сеанс. <...>

5 <мая>

<...>В субб. 1 <..> Веч. у Крас<ковых>. Сеанс.

<...> 3 Веч. у Краск<ковых>. Сеанс etc.

12

<...> Хронология

11 <...> В 11 час. на сеансе у некоих людей. <...>

28го.

<...> Во вторник вечером пошел к Красковым. Там я встретил самое неприязненное настроение. Все были против меня и обвиняли меня в подделке явлений на сеансах. Мне пришлось выдержать серьезный разговор с М. Ив., где мы оба расплакались и я сказал ей много такого, чего говорить не следовало. В результате мне пришлось навсегда покинуть семейство Красковых. Кроме того на мою <...>[1] повлияло то, что Ланг предложил мне

---

[1] Слово нрзб.

совместное самоубийство. Его слабые нервы не выдержали всего, он разрыдался однажды и изобрел это. Я согласился, зная, что он откажется и он действительно отказался. Между прочим и ему придется прекратить свои посещения Красковых.

1899

Январь

<…> иной раз захожу к Лангу «писать с духами» <…>

[1900 г.]

Сентябрь.

Усердно посещаю спиритические среды. Проповедую, поучаю и имею некоторое влияние. Когда однажды вышли мы с такой среды, тамошние неофиты начали благодарить меня.

— При вас многое изменилось. А то ведь это было одна пропаганда христианства. Нам целыми часами твердили, что такое флюид, когда он отделяется от тела. А теперь вас боятся.

Сговорились мы с этими людьми устроить сеанс. Но Ал. Ив. прознала про это и на следующую же среду, отозвав нас поодиночке, читала нам внушение... Однако разрешение на сеанс дала, хотя и с разными оговорками.

Сеанс устроился у Писарева Б. Н. (сына известного писателя) и был очень удачен. Были даже Самборовские продевания стульев.

Вообще, среды — одно из любопытнейших пристаниц. Собираются там все истерички Москвы, все духовидцы, все сбитые с пути люди.

Девушки, вбегающие <?> к А. И., целующие ее руки, умоляющие: «Ради Бога скажите, милая, хорошая, не скрывайте, принадлежите ли вы к розенкрейцерам?» Медиумы, подделывающие все явления, со злобой, нарочно, а потом приходящие рыдать и каяться. Студенты, трепещущие пред Вельзевулом. Барышня, с которой всегда «хвост из чертей». И Боже, кого тут нет!

<…>

Октябрь.

<…> В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени «рассудочный», что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень. <…>

Поездка в Петербург.

<…> Я заговорил о спиритизме. М<ережковск>ий завопил: Это — неинтересно.

[1902 г.]

<…> Февраль

Поездка в Петербург. <…>

В понедельник ездил в Царское Село, но Прибыткова не застал, он был в Петербурге. <…>

[1903 г.]

<…> Янв. 1903

<…> Из мелочей: На похоронах Аксакова говорил я речь; московских спиритов почти не было. <…>

СПИРИТИЗМ

Статьи, рецензии, заметки

...ЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

...ЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

„*Человѣкъ — ближайшій и труднѣйшій изъ ребусовъ*“.

1902 года.

№ 11—1054

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Отъ городскихъ подписчиковъ въ конторѣ редакціи (Книжный магазинъ Мартынова, Спб., Александринская площадь, д. № 5—7. Иногородные подписчики высылаютъ деньги и всю корреспонденцію, адресуя: **Царское Село, редакція журнала „Ребусъ“**...

...АЯ ЦѢНА: ...съ пересылкою. ... 5 р. ... 3 » ... 1 » 50 к. ... Безъ пересылки: 4 р. 2 » 50 к. 1 » 50 к.

...коп.

...И ОККУЛЬТИЗМЪ.

...атья Руксела.

(...Лавровой и Миролюбова).

Предисловіе.

...образованнаго общества до сего ...уютъ разнообразныя и зачастую со- ...понятія о спиритизмѣ. Даже люди ...склонные разсматривать спири- ...суевѣрія,—легко отно- ...

...они ищутъ, или чтобы добыть болѣе серьезныя св... дѣнія о вещахъ и людяхъ, о которыхъ они говор... Точно также не имѣютъ они возможности держат... на высотѣ движенія общихъ идей и въ особенн... идей метафизическихъ и трансцендентальныхъ.

Впрочемъ, здѣсь есть и другая сторона. Чит... мелкой злободневной прессы и не предъявляю... всѣ требованій о глубинѣ и точности. Было бы... забавно, было бы интересно — вотъ главное! Во... или почти все, что требуетъ отъ газеты совр... общество, члены котораго получаютъ офиціальн... званіе во всевозможныхъ дарованіяхъ и обяза... ...ихъ и хотятъ воспользоваться пріобрѣтен... ...по возможности, безъ ... работы для нихъ ...

КО ВСЕМ, КТО ИЩЕТ

Я хочу говорить здесь о спиритизме. Когда мне случалось поминать о нем в беседе с людьми, причастными новому искусству, мне возражали: «Это неинтересно». Интересен Ницше, импрессионизм, пожалуй, даже лунатизм, а спиритизм нет. Читают Плотина, прочтут записки святой Терезы, может быть, о процессах ведьм, но не станут читать ничего из библиотеки по спиритизму: ни Аксакова, ни Дю-Преля, ни Целльнера, ни Ходжсона, ни Барадюка.

Спиритизм для деятелей недавнего прошлого был нестерпим, потому что говорил о душе, для новых мистиков он ненавистен, напротив, потому, что все порывается к опытным наукам. Еще он подозрителен тем, что когда-то имел внешний успех, притом в мещанской среде, в пошлых гостиных, увлекшихся столоверчением. Все слыхали, что спириты сидят в темноте и вызывают умерших родственников, а те стучат и сообщают приторные сентенции. Легко улыбнуться самодовольно, вспомнив это, но ведь ясно, что не может этим одним быть наполнена вся литература спиритизма. Странно и смешно спорить против новой поэзии, потому что не понимаешь ее. Разве не позорнее отвергать спиритизм, не зная его?

Самое ценное в новом искусстве — вечная жажда, тревожное искание. Неужели их обменяют на самодовольную уверенность, что истина найдена, что дальше идти некуда, что новая истина уже не может оказаться ложью. Неужели и «новые люди» с высоты своей мудрости будут судить все, просто прикладывая готовую мерку: не подходит? значит, и не нужно или неинтересно. Это будет не освобождением, а новым видом рабства. Довольно безразлично — железные цепи или деревянные колодки. Отрицать и отвергать — всегда слабость. Истина во всем и везде — ее нет только в неподвижности. Созидателям нового, искателям обетованных стран нечего прятаться за окопы и укрепления. Что, если камень, отвергнутый строителями, и есть тот самый, который надо было положить во главу угла?

———————

Современная наука, т. е. наука трех последних столетий, впитала в себя при своем возникновении идеи Бэкона и Дэкарта, рационализм и механическое миропонимание. Из этого создался фон современного знания, особое «научное мировоззрение», атмосфера, вне которой наука не может дышать.

Формулировав свои «законы природы», наука порешила, что ими определяется всякое существование. Мир науки — это особый замкнутый мир, вовсе не адекватный бесконечной вселенной, хотя и вместивший туманные пятна. В этом своем мире люди науки орудуют очень искусно, делают открытия и подводят итоги, но они слепы ко всему, что совершается за пределами их области. Они поставили на своем знамени: факт! но сами на каждом шагу отворачиваются от фактов только потому, что они противоречат их предвзятой теории. Неудивительно поэтому, что люди науки встретили спиритизм отрицанием*.

Но господство позитивной науки проходит. Ее недавнее торжество было последней вспышкой пламени, прежде чем угаснуть. Позитивная наука, «положительное знание» сведены с неправо занятого ими трона, и им указано их место — в прихожей и на улице: пусть они зажигают там электрические лампы и катают вагоны. Речь Брюнетьера о банкротстве науки свидетельствует, что это сознание разлилось уже повсюду, даже опошлилось. Люди поняли, что позитивизмом жить нельзя. Все более страстно, все более жадно стали они порываться к иным знаниям, к непознаваемому, к тайнам.

Эпиграфом ко всему нашему поколению можно поставить стихи Фета о «ласточке стрельчатой над вечереющим прудом»:

Вот понеслась и зачертила,
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.
И снова то же вдохновенье
И та же темная струя...
. . . .
Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной
Стремясь хоть каплю зачерпнуть!

---

* Приятно, однако, назвать несколько имен среди них, принадлежащих людям, у которых хватило стойкости добросовестно рассмотреть факты спиритизма и после того открыто свидетельствовать об них: Гаспарен, Роберт Гер, де-Морган, Варлей, А. Р. Уаллес, У. Крукс, И. К. Целльнер, М. Перти, Ульрици, А. М. Бутлеров, М. В. Остроградский, Н. П. Вагнер, Даркиес, Фламмарион, Скиапарелли, Ломброзо, Сабатье, Лодж, Ю. Охоровнч, Ходжсон, А. де-Роша, Ш. Рише, Жибье — вот довольно случайный перечень их. Напротив, деятели чистой мысли, которая со времен Декарта далеко шагнула вперед, не затруднились признать спиритические факты. Они привыкли созерцать более широкий горизонт, чем кругозор в области науки. Назовем А. Гелленбаха, Фехнера, Фихте-младшего, Гартмана, дю-Преля, у нас П. Д. Юркевича, Вл. Соловьева, Л. М. Лопатина.

Все мы порываемся за пределы, все мы жаждем вздохнуть чуждой стихией. Нам стало тесно, душно, невыносимо. Нас томят условные формы общежития, томят условные формы нравственности, самые условия познания, все, что наложено извне. Нашей душе потребно иное, иначе она умрет. Все ясней сознается, что если в мире есть только то, что видимо есть, — жить незачем, не стоит. Мы принимаем все религии, все мистические учения, только бы не быть в действительности. Даже успех антимистических учений гр. Л. Н. Толстого и Ницше объясняется той же жаждой. Толстой изнемог в подобных исканиях и сказал себе: «Найти нельзя, нечего и искать; все просто: перед тобой рукоять и качай ее, а что выйдет, знает хозяин». Все изнемогшие пошли за Толстым. Ницше объявил себя врагом всему мистическому, даже духовному и идейному, как декадансу. Но еще с большей яростью напал он на все современное. Он даже отказался от искания истины, потому что современная истина, та, которая теперь доступна человеку, ему неинтересна. Ницше поставил себе цель за пределами современности — сверхчеловека. И вот мистики пошли за Ницше, врагом мистицизма, ради этой сверхчеловеческой цели.

Мальчики прошлых времен зачитывались трезвым Плутархом, потом Дон-Кихотом и Робинзоном, но мы еще на школьной скамье упивались Жюлем Верном, Фламмарионом, Райдером Гаггардом, Уэльсом, еще детьми мечтали о жизни на иных планетах. В зрелую пору нашими любимыми поэтами (любимыми, хотя, может быть, других мы ставим выше) оказались Эдгар По и Достоевский, Тютчев и Фет. По и Достоевский близки нам именно тем, что показывают возможность иных чувствований, словно уже отрешенных от условий земного. Тютчев и Фет дороги нам своим ощущением «двойного бытия» и «двойной жизни»[1]. Мы жадно исследуем все таинственное и странное, что нашли в своих душах, спускаемся во все ее глубины, чтобы хоть там «коснуться мирам иным». Мы опять обратились к сумрачным страницам «Критики чистого разума». Кант окружил познаваемое стальной стеной, и силой вернул голубя, порывавшегося лететь в безвоздушное пространство, но этим только сделал искусительнее искушение. Увидав

---

[1]
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!
(Тютчев).

Как будто чуя жизнь двойную,
И ей овеяны вполне,
И землю чувствуют родную
И в небо тянутся оне.
(Фет).

отчетливо, что познаваемое имеет грани, что за ними есть непознаваемое, мы уже не можем не сгорать от жажды прозреть в те недоступные миры.

И первое, о чем мы гадаем, это — «о тайнах вечности и гроба».

Я помню, конца мы искали порою,
И ждали, и верили смертной надежде,
Но смерть оказалась такой же пустою,
И так же мне скучно, как было и прежде.[1]

И еще:

Не плачь о неземной отчизне
И помни: — более того,
Что есть в твоей мгновенной жизни,
Не будет в смерти ничего.[2]

Или:

И в час, как победу мой ум торжествует,
Твой шепот злорадный мне шепчет вдали:
А вдруг ты ошибся, о мудрый земли,
И грозное «там» существует?[3]

И вот нам говорят, что есть связь между нами и иным бытием, что Гамлет ошибся, назвав «ту страну» такой, «откуда не возвращался ни один путник». Нам говорят, что есть возможность вступить в общение с духовными личностями, бытие которых вне нашего времени и пространства, мышление которых не обусловлено категорией нашей причинности. Нас зовут прислушаться к их голосу на самую грань нашего мира, куда уже падают тени инобытия. Неужели все мы не поспешим туда, готовые тысячу раз ошибиться ради одной молнии такой надежды? Люди науки не хотят идти, ослепленные и отягченные вековыми предрассудками; что же медлят борцы против всех предубеждений? Неужели, прочтя эти мои строки, пусть неубедительные, но упорные, можно остаться столь же спокойным, как вчера, хотя по-прежнему не попытавшись приблизиться к тайне? неужели можно удовольствоваться тем же ответом: «Это спиритизм? это Аллан-Кардек? это неинтересно!» О власть слов, о бессмертие предрассудка!

———————

[1] З. Гиппиус.
[2] Д. С. Мережковский.
[3] Н. М. Минский.

Те таинственные явления, которыми занят спиритизм, в разных формах отмечались во все времена и во всех странах. Если это и — исключения, то из неверного правила. Вера в стихийных духов, в леших, русалок, домовых — или наяд, дриад, фавнов — не скудеет в массе народа и до наших дней. Доныне встречаются люди, одаренные особой способностью духовидения: величайшим духовидцем после Сведенборга надо признать Андрю Дэвиса, который еще жив. Можно составить громадную библиотеку из описаний явлений призраков, пророческих снов, сбывшихся предвещаний и т. п. В средние века различные гадательные науки и магия — учение о сношениях с демонами — образовывали обширные, разработанные области знания. Хорошо известны также те странные непроизвольные явления, которые совершаются в так называемых непокойных домах. Пусть, наконец, каждый повнимательнее присмотрится к своей жизни и припомнит рассказы лиц, которым доверяет: можно быть уверенным, что все при этом столкнутся с рядом событий, обычно считаемых «таинственными».

В 1848 году «Рочестерскими стуками» было положено начало современному спиритизму или науке о медиумизме. Впервые после «века просвещения» люди знающие и мыслящие обратили внимание на область таинственного. К сожалению, на первых шагах вся деятельность поборников новой науки была направлена на самые неблагодарные и наименее важные ее стороны. Воспитанные в духе позитивизма, они бывали так поражены самым фактом медиумических проявлений, что все свои силы полагали на доказательство их подлинности. Было потрачено много ума, было построено много остроумных приборов, чтобы только установить существование явлений, наблюдавшихся бесконечное число раз во все века. Прискорбно, что эта непроизводительная трата сил продолжается и теперь, хотя казалось бы вдвойне нелепым доказывать вновь — уже неоднократно доказанное. Вместе с тем, первыми исследователями медиумизма делались по большей части лица, специальностью которых было естествознание. В новые свои работы они вносили привычные методы и интерес к фактам определенного порядка. Между тем, сущность медиумических явлений есть проявления некоего духа. Применение к их изучению методов физики не могло дать успешных результатов. Так же, неуместным было предпочтительное изучение физических проявлений медиумизма (каковы: стуки, движения, видимые образы). Знакомя нас с частными и, так сказать, случайными сторонами медиумической силы, они менее всего могли нам сказать о ее существенных и основных свойствах.

Но за последнее время в науке о медиумизме произошел важный и благодетельный переворот. Внимание исследователей от физических явлений обратилось к их духовному содержанию. Истинным объектом науки о медиумизме стали те сообщения, который получаются медиумическим путем, т. е.

через непосредственное или через автоматическое письмо, через речь при трансфигурации, типтографией и целым рядом других способов. Не говоря уже о том, что сущность разумной духовной силы скорее можно надеяться познать из ее духовных проявлений, медиумические сообщения должны быть предпочтены и на чисто методологических основаниях. Все физические явления совершаются однажды во времени; а так как в спиритизме возможно лишь наблюдение, а не эксперимент (т. е. мы не можем вызвать любое явление по собственному хотению), то исследователям либо приходится тратить годы на личные наблюдения, либо полагаться на описания. Отсюда постоянные жалобы на то, что явление наблюдалось или описано неверно, что чувства наблюдателя были обмануты — темнотой, напряженным вниманием, внушением и т. д. Напротив, сообщения являются фактом длительным. Собранные в книге, они представляют исследователю объект, который он может исследовать в любое время и сколько угодно раз.

Что же мы находим в сообщениях? Целый мир индивидуальностей, резко очертанных, обособленных, самостоятельных, отличающихся и внешними признаками (слогом, почерком, характером ударов при типтографии и т. д.), и своим миросозерцанием, понятиями, интересами, черпающих каждая из своего источника воспоминания. Проявляясь последовательно, эти индивидуальности сохраняют отличительные черты своего характера, полнее раскрывают их, развивают с течением времени — одним словом, в своей личности вполне соответствуют людям. Иные из сообщающихся достигают высокой степени просвещенности, действуют вполне сознательно, поучают, сообщают много нового, помогают исследователю. Другие находятся на низкой степени развития, заняты земными делами, мелочами своей прошлой жизни, интересуются оставленным ими имуществом. Третьи справляются о судьбе лиц им близких. Четвертые не понимают ясно происшедшего с ними, и сами просят у нас помощи и руководства. Иногда сообщения бывают сбивчивы, иногда прямо лживы. Объясняется это частью разнообразием характеров проявляющихся, частью сложностью самого процесса сообщения[1].

В науке о медиумизме господствует в настоящее время следующая теория для объяснения сообщений. Сообщающиеся находятся в иной сфере бытия, нежели мы, быть может, в пространстве иных измерений. Чтобы вступить с нами в сношения, они устанавливают некоторого рода телеграф, роль которого играет медиум, так сказать, живая машина. Медиум — это человек, способный воспринимать влияния, токи из той области бытия, где находятся сообщающиеся, и в то же время проявлять их в нашей области. Способы пользования этими живыми телеграфами многообразны и, по-видимому,

---

[1] Примеры см. у А. Аксакова (Материалы для суждения о автоматическом письме, СПб., 1899), Р. Ходжсона (по-русс.: О некоторых феноменах транса, СПб., 1901), Стентона Мозеса (по-франц: W. Stainton Moses. Enseignements spiritualistes, Paris, 1899) и в спиритических журналах.

весьма сложны. Сообщающиеся лишь постепенным упражнением, особой тренировкой, длящейся часто годами, достигают умения полно и отчетливо передавать нам свои телеграммы. Неумелость сообщающегося путает сообщение. Кроме того, можно заключить, что на сообщающегося приближение к нашей области бытия действует ошеломляющим образом, заставляет его наполовину терять сознание. Далее, в живой телеграф попадает не только то, что прямо предназначалось для него, но и отзывы, которыми обменивается сообщающийся с другими существами своей области. Да еще к этому примешиваются мысли и индивидуальные черты самого медиума. Неудивительно, что медиумические сообщения так противоречивы и сбивчивы. Но исследователю надо не смеяться над этой спутанностью, а объяснить ее и распутать ее.

Наблюдения и наследования последнего времени расширили наше представление о свойствах человеческого духа и о взаимоотношениях духа и вещества. Теперь поставлена вне всякого серьезного сомнения возможность для духа непосредственно влиять на вещество, без содействия телесных органов: изменять вес предметов, двигать их, вызывать химические реакции (экстериоризация двигательной способности[1]), вместе с тем и возможность выносить за пределы тела восприимчивость ощущений (экстериоризация чувствительности[2]). Несомненно также, что человеческое тело испускает особые лучи, которые могут быть видимы особо сензетивными личностями и восприняты фотографической пластинкой в темноте[3]. Гипнотизм, чтение мыслей, все роды телепатии изменили наши понятия о отношении духа к духу[4]. Нам уяснилось, что сознательная жизнь духа составляет ничтожную часть всего нашего духовного бытия, что в некоторые мгновения душа наша может обнаружить запас сведений и воспоминаний, которых сознательно мы не обретаем в ней[5]. Факты раздвоения личности, сомнамбулизма, лунатизма, изучение психологии обмороков и сновидений разрушили в основании прежнее представление о личности, как идентичной с тем, что человек мыслит о себе.

Эти явления наводят на мысль, не есть ли все медиумические явления новое проявление способностей нашего духа, т. е. духа живых людей. Эта теория, в своем общем значении, получила название анимизма и была в недавнее время с большой ловкостью защищаема Гартманом. Несостоятельность ее пытались раскрыть А. Н. Аксаков[6], д-р Р. Ходжсон[7] и проф. Хейс-

---

[1] Опыты и наблюдения А. де-Роша.
[2] Он же.
[3] Он же, Барадюк и раньше Рейхенбах.
[4] Рише, наблюдения Лондонского Психологического Общ. и др.
[5] Дю-Прель.
[6] А. Н. Аксаков: «Анимизм и спиритизм». Изд. 2. СПб., 1901.
[7] См. выше.

лоп[1]. Даже если б мы допустили, что все обычные условия телепатии и сомнамбулизма (раппорт, сон и т. под.) не существенно необходимы, спиритические явления оказались бы в противоречии со всеми данными опыта о действиях духа живых. Но еще важнее то, что нет никакой причины, почему бы наше «я» стало упорно распадаться на тысячу сублиминальных, подсознательных «я», упорно лгать, называя себя чужими именами, иногда именами лиц, нам лично известных, в совершенстве подражая их ухваткам и характеру, выдерживая их роль, ведя себя именно так, как стали бы они себя вести в таком положении. Особенное же доказательство в пользу спиритической гипотезы представляют ошибки и неудачи проявлений: они такого рода, что могут быть объясняемы лишь при допущении самостоятельности сообщающихся, их полной отдельности от личности медиума. Все медиумические факты образуют строго систематизированное целое, если в основание его положить проявление личностей умерших, и напротив, взяв для объяснения исходной точкой духовные силы живых людей, мы получаем беспорядок, хаос, не подчинявшийся систематизации. Разумеется, однако, что принятие той или другой теории, анимизма или спиритизма, не умаляет нисколько важности и значения самых фактов спиритизма, ни от какой теории не зависящих.

Из наблюдений, уже сделанных, можно составить некоторое предположительное понятие о том состоянии, в каком находятся сообщающиеся. По-видимому, все, что в нашей духовной жизни образует наиболее ощутимое и важное, какова вся жизнь отвлеченной мысли, все чувства, порождаемые ощущениями внешних чувств, отходит на дальний план. Мир воспринимается иначе, а восприятие его нашим способом становится случайностью и исключением. Напротив, то, что нами пока считается случайным и исключительным, — то, что мы смутно знаем из предчувствий, вещих снов, симпатий, что почитается темной, бессознательной стороной нашего духа, — становится основой всего бытия. Те отношения между душами, которые здесь затемнены и бессильны — внушение, чтение мыслей, сомнамбулические угадывания и лунатическая уверенность — становятся единственными и господствующими. Невозможно точно дать себе отчет, сколь иной открывается тогда вселенная, и собственное существование, и все наши мыслимые отношения к себе, к другим, к Богу. Познавание этих условий бытия может и должно ускорить шаг человечества по пути к совершенству.

1901.

[1] M. Sage, M. Piper, Paris, 1902. (Подл: Proceedings of the Society for Psychical Research. Part. XLI).

СПИРИТИЗМ ДО РОЧЕСТЕРСКИХ СТУКОВ

Статья I

В 1528 году в Париже была издана книга под заглавием: «Удивительная история духа, появившегося с недавних пор в женском монастыре святого Петра Лионского», в высшей степени поразительная, как это можно увидать из чтения этой книги, составленной Андриеном де Монталамбергом, священником короля Франциска. Значительная часть этой книги перепечатана в издании де Планси «Dictionaire Infernal» под заглавием «Alice de Telieux». Мы передаем здесь ее содержание, сохраняя, по возможности, целиком неправильности и тяжелые обороты старинного языка.

В женском монастыре святого Петра Лионского, находящемся на берегу Роны, до его преобразования (1513 года) все жили как кому хотелось, и не было ни священника, ни игуменьи или епископа, кто бы водворял порядок в управлении монахинь. Они блуждали днем и ночью по городу, где им было угодно; запросто приглашали к себе кого вздумается, плохо соблюдали обряды, скучая и злобствуя. А когда пришли другие, истинные монахини, которые жили свято, то первые монахини захватили, что могли, и ушли.

Между ними была монашенка по имени Алиса Тельё, заведовавшая ризницей аббатства; у ней были ключи от мощей и церковной утвари. Эта женщина, совершенно сбившаяся с пути, была собою довольно хороша. Она ушла из монастыря в столь несчастную минуту, что никогда в жизни туда не возвращалась.

Похитив кое-какие украшения из алтаря, она заложила их за некоторую сумму. Не желал бы я рассказывать ни за что, какую жизнь повела она с этих пор. Она продолжала жить в свое удовольствие, и в возмездие за то нажила себе опасных болезней. Бедное ее тело до такой степени было в их власти, что во всех частях болело и было покрыто язвами.

Господь по своей доброте призвал к себе несчастную, явил ей свое милосердие и внушил ей обратиться к его Вечноблаженной Матери. Хорошо бывает послужить иногда Господу, ибо он за это вознаграждает и именно в тот час, когда в этом наиболее нуждаются. Бедная сестра Алиса вздыхала, плакала и набожно молила блаженную Матерь Божью быть ее предстательницей пред Ее Возлюбленным Сыном. Она испустила дух не в монастыре и не в городе, но покинутая всеми в маленькой деревушке, где и была погребена без всякого торжества, без обрядов, без молитв, как самое презренное существо. Едва только два года прошло со времени ее погребения и уже ни в чьей памяти не сохранилось никакого воспоминания о ней.

Но в том аббатстве была молодая монахиня, лет восемнадцати приблизительно, по имени Антонина Гролле, из знатной семьи, родом из Дофинэ; девушка воздержанная, умная для своих лет, набожная и простая. Однажды ночью, когда она, одна у себя в комнате, лежала в своей постели и спала не слишком крепким сном, ей показалось, что что-то приподняло ее чепчик и осенило ее лоб крестным знамением, а потом поцеловало в губы. Девушка тотчас же проснулась, не слишком испуганная, но только изумленная, размышляя сама с собой, кто мог бы ее поцеловать и осенить крестным знамением. Кругом не замечалось ничего, и она не знала, что ей делать. Наконец, она решила, что это было во сне, и никому о том не сказала.

Некоторое время спустя, она стала слышать близ себя какие-то звуки и легкие удары под ногами, как если бы кто стучал палкой под полом или под ступенями; она несколько раз слышала эти странные стуки, стала удивляться и с ужасом рассказала все доброй игуменье, которая сумела ее успокоить. Названный дух — ибо звуки эти производил дух — выказывал великую радость во время божественной службы и когда говорили о Боге, будь то в церкви или в другом месте. Но его никогда не было слышно, если здесь не присутствовала девушка, ибо он сопровождал ее день и ночь и не покидал ее, где бы она ни была.

Слух об этом разнесся по всему городу Лиону, куда собралось множество мужчин и женщин. Девушку допросили, что она думает об этом происшествии; она отвечала, что не знает, что о нем и думать, если только это не сестра Алиса, заведовавшая ризницей, ибо со времени своей смерти она часто являлась ей в сновидениях. Под заклинаниями спросили духа, кто он. Он ответил, что он дух сестры Алисы и дал этому явное доказательство. Игуменья послала разыскать тело покойной, для чего осведомились у духа, хочет ли он, чтобы его тело было похоронено в монастыре. Дух дал знак, что хочет этого, тогда добрая игуменья послала вырыть тело и перевезти его приличным образом. Дух тем временем производил стуки вокруг девушки по мере того, как тело приближалось все ближе и ближе. Когда же оно было у дверей церкви, дух пришел в исступление и стучал еще сильнее под ногами молодой монахини.

В субботу, февраля шестнадцатого дня тысяча пятьсот двадцать седьмого года, викарный епископ города Лиона и я выехали в аббатство сколь возможно тайным образом. Народ нас заметил; и быстро собралась толпа числом до четырех тысяч мужчин и женщин и следовала за нами, не отставая. Когда мы приехали, давка была настолько сильна, что мы не могли взойти в церковь. Монахини были уведомлены о нашем прибытии, и тотчас явился к нам их духовник, которому было поручено открыть маленькую дверку, чтобы нам пройти через алтарь. Народ заметил это и силой хотел войти. Игуменья была окружена монахинями и они со смирением стали на колени и приветствовали преосвященного и его спутников. Мы ответили на при-

ветствие и они нас повели в свой церковный капитул; тотчас же епископу представили девушку. Он спросил ее, как она себя чувствует; девушка ответила: Благодаря Богу, хорошо. Затем он спросил ее, что за дух следует за ней; тотчас упомянутый дух застучал под коленями девушки, как бы желая что-то сказать. Много было говорено касательно освобождения этой бедной души. Мы решили, что сначала помолимся Богу за нее; епископ встал и начал: De profundis. Все время, пока он произносил этот псалом, молодая монахиня стояла перед ним на коленях, и дух стучал перед ней без перерыва, как если б он был под землей.

По окончании псалма и молебствий спросили у духа, лучше ли ему. Он сделал знак, что да. По общему совету поручили мне составить обряды и различные заклинания, какие подобает, чтобы узнать чистую правду об этом духе, а именно, действительно ли это душа покойной или какой-нибудь злобный дух, притворяющийся добрым, чтобы обмануть монахинь.

В пятницу, в праздник святого Петра, двадцать второго февраля тысяча пятьсот двадцать седьмого года, мы вновь прибыли в монастырь. Епископ, исповедавшись, облачился в епископскую мантию. Все присутствующие приготовились к этому дню. После молебствия епископ взял эпитрахиль, надел ее на плечи и освятил воду; все сидели; он же встал и начал всюду кропить святой водой, громким голосом взывая к божественной помощи. После моления он снова сел, как раньше. Игуменья и одна из прежних монахинь привели девушку, которую дух преследовал. Она стала на колени, а епископ громко сказал присутствующим:

«Братья мои! известно, что дух тьмы часто принимает вид ангела света и разными хитростями обольщает и обманывает простодушных людей. Чтобы, случаем, не занял он места среди этих благочестивых женщин, мы хотим удалить его, если он здесь. И для сего подобает нам отсечь духовным мечом его ужасающую голову, дабы он нам не мешал и не смущал нас ни в чем». После этого епископ восстал на злого духа, произнося против него целый ряд заклинаний по-латыни, по окончании которых все сказали: аминь. Тогда в знак проклятия были погашены свечи, в знак отвращения звонили в колокол, а епископ, ударив каблуком несколько раз по земле, заклинал дьявола, отлучал его и изгонял, если только он находился близ девушки. Взяв святой воды, епископ покропил ею на воздух, на нас и на землю, провозглашая: Discedite omnes qui operaramini iniquitatem! Не довольствуясь этим, послал трех священников в полных облачениях кропить святой водой по всему монастырю, произнося громко: Discedite etc. ... Им было сказано не бояться и быть мужественными, ибо так подобало.

Они долго были заняты своим трудом, так как место было довольно обширное. И как только они вошли со святой водой в спальню монахинь, произнося: Discedite, то какой-то бес, злой дух, убегая из спальни женщин, изгнанный оттуда теми, что несли святую воду, овладел молодою монашен-

кой, еще только послушницей, из знатной семьи, помещенною сюда родителями против ее воли. Нечего и говорить, что злой дух мучил ее; страшно было смотреть на нее. Все до ужаса были испуганы и потрясены, и не нашлось такого храбреца, который не пожелал бы быть подальше. Бедные монахини побледнели в неописуемом страхе, жались друг к другу, как овцы в стаде, на которое внезапно накинулся волк. Бедная девушка защищалась как могла, ужасно извиваясь, как принуждал ее к этому злой дух, ибо он еще не находился совсем внутри ее тела, но был в некоторой его части, жестоко ее муча. Я приказал, чтобы взяли тотчас три ораря и связали ее ими. Когда наши три священника вернулись, я поручил им беснующуюся.

Епископ облачился во все свои облачения, чтобы отслужить обедню. Во время приношения девушка, преследуемая духом, встала и подала белый хлеб и сосуд с вином, каковая жертва и была тотчас принесена пред Господней любовью. Мы все сидели, а четыре человека внесли останки вышеупомянутой сестры Алисы в деревянном гробу, покрытом покровом. Как только злой дух, который находился в теле послушницы, заметил эти останки, он, не волнуясь нисколько, сказал: «А, несчастная, ты здесь?» После чего он совсем успокоился[1]. Между тем, епископ приготовился заклинать душу покойницы, останки которой находились здесь. Все присутствующие, желая слышать ответы названного духа, как бы сговорились не нарушать полной тишины, и не нашлось бы никого в этом обществе, кто бы произвел малейший шум, но с напряженным слухом все устремили глаза на девушку.

И прежде всего задан был вопрос: Скажи мне, действительно ли ты душа давно умершей сестры Алисы? Она отвечает, что да. — Скажи мне, твоего ли тела принесли сюда останки? Отвечает, что да. — Скажи мне тотчас ли, расставшись с телом, стала ты следовать за этой девушкой? Отвечает, что да. — Скажи мне, нет ли с тобой какого-нибудь ангела? Отвечает, что да, есть. — Скажи мне, ангел этот из числа блаженных? Отвечает, что да. — Скажи мне, сопровождает ли тебя этот ангел повсюду, где тебе приходится быть? Отвечает, что да. — Скажи мне, не тот ли этот ангел, который был дан тебе божественным Провидением, как ангел-хранитель? Отвечает, что да. — Скажи мне, как имя этого ангела? Ответа не было. — Скажи мне, первой ли иерархии этот ангел? Ответа не было. — Скажи мне, не второй ли он иерархии? И на это тоже она не пожелала ничего ответить. — Скажи мне, третьей ли он иерархии? Отвечает, что да. — Скажи мне, не расстался ли этот ангел с тобою тотчас же, как ты умерла? Отвечает, что нет. — Скажи мне, покидал ли он тебя по временам? Отвечает, что нет. — Скажи мне, укрепляет ли и утешает ли тебя твой ангел в твоих скорбях и печалях? Отвечает, что да. — Ска-

[1] Адриен де Монталамбер в этом месте говорит, что в другом труде он расскажет об одержании этой молодой беснующейся, но этот другой труд не появился, а дальше он рассказывает только о сестре Алисе.

жи мне, можешь ли ты видеть других ангелов, кроме твоего, и видаешь ли ты их? Отвечает, что да. — Скажи мне, нет ли с тобою злого ангела? На это ничего не отвечала.

— Скажи мне, не видаешь ли ты дьявола? — Отвечает, что да. — Скажи мне, заклинаю тебя именем Бога, существует ли действительно некоторое особое место, называемое чистилищем, в котором могут быть все души, осужденные на то Божьим правосудием? Отвечает, что да. (Этим ответом, замечает автор, уничтожается и осуждается пагубное утверждение еретиков-лютеран[1]. — Скажи мне, не видала ли ты наказание души в чистилище? Отвечает, что нет. — Скажи мне, не видала ли ты в чистилище кого-нибудь из тех, кого знала в этом мире? Отвечает, что да. — Скажи мне, есть ли на этом свете горе и печаль, которые можно бы сравнить с муками чистилища? На это ничего не пожелала ответить. — Скажи мне, не давался ля тебе отдых в Великую пятницу, в память страстей Господних? Отвечает, что да. — Скажи мне, имела ли ты отдых в день Пасхи, в память светлого Воскресения? Отвечает, что да. — Скажи мне, дарован ли был тебе отдых в Вознесение? Отвечает, что да. — Скажи мне, а в Троицын день? Отвечает, что да. — Скажи мне, отдыхала ли ты в день Рождества? Отвечает, что да. — Скажи мне, давался ли тебе отдых в честь Пресвятой Девы Марии, в дни ее празднеств? Отвечает, что да. — Скажи мне, получила ли ты облегчение в день всех святых? Отвечает, что да. — Скажи мне, знаешь ли ты, когда будешь освобождена от своих мук? Отвечает, что нет. — Скажи мне, можешь ли ты быть освобождена через посты? Отвечает, что да. — Скажи мне, можешь ты быть освобождена через молитвы? Отвечает, что да. — Скажи мне, а будешь ли ты освобождена чрез подаяния? Отвечает, что да. — Скажи мне, избегнешь ли ты мук через паломничество? Отвечает, что да. — Скажи мне, имеет ли силу папа освободить тебя своей папской властью? Отвечает, что да[2].

Следует заметить, что при каждом ответе да или нет, у епископа были чернила и бумага, чтобы отметить и записать, что отвечал дух. Окончив торжественный обряд расследования и допроса, епископ сказал: «Сестра моя, это почтенное и благочестивое общество собралось, чтобы молить Господа Создателя, да положит он конец твоим скорбям и страданиям и да благоугодно будет ему принять тебя в сонм блаженных ангелов и святых в раю».

Когда епископ говорил эти слова, стуки раздавались очень сильно. После того епископ встал и сказал громко: «Сестры мои и дочери мои, говорю вам, что наша сестра Алиса не может быть в покое, если предварительно вы не простите ее от всего сердца». Едва он это произнес, как вот девушка

---

[1] Известно, что «сообщающиеся» продолжают придерживаться тех воззрений, в каких были воспитаны при жизни.

[2] Таким образом, «сообщающаяся» сестра Алиса без всяких изменений повторяет католические догматы, в которых была воспитана при жизни.

подымается и, говоря от лица покойной, падает к ногам игуменьи. Жалостно благодаря ее так: «Достопочтенная матушка, сжальтесь надо мною во имя Того, Кто был распят за нас на кресте». Добрая игуменья отвечала ей: «Дитя мое, я вас прощаю и согласна на отпущение ваших грехов». После того девушка падала к ногам каждой из монахинь, умоляя простить ее и согласиться на отпущение ее грехов. Когда она получила прощение от всех, епископ встал с своего кресла и сказал вслух: «Да разрешит тебя, сестра моя, Господь наш Иисус Христос в святом и благом милосердии своем и по заслугам божественных страстей своих. Я же в силу порученной мне апостольской власти разрешаю тебя от всех твоих грехов и преступлений и от всех твоих прегрешений, как бы велики и тяжки они ни были; даю тебе полное и общее разрешение, освобождаю тебя от мук чистилища, возвращаю тебе ту первую невинность, которую ты получила через крещение, поскольку на то дают власть ключи нашей святой матери церкви. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Девушка отвечала громким голосом: аминь, и все разошлись с миром.

Монталамбер рассказывает дальше, что освобожденная душа испытывала великую радость в монастыре, что она встречала его с веселием, когда он приезжал, что она продолжала стучать, но уже не под землей, а в воздухе. Она сообщила, что теперь уже находится не в чистилище, но что по неизвестным ей причинам она еще не принята в сонм блаженных. Она являлась девушке еще несколько раз, но в одежде монахини со свечою в руке.

Несколько дней спустя, душа сестры Алисы распрощалась при великом шуме, и более не слыхали ее и не видали в этом мире.

Статья II

В книге Дель-Рио «Магические изыскания» (Disquisitionum magicarum libri sex), в первом издании, в 1599 году, несколько глав посвящено явлениям призраков. Большей частью, это характерные средневековые истории о демонах, взятые автором из вторых и третьих рук. Известно, что они значительно отличаются от фактов современного медиумизма. Но есть у Дель-Рио небольшое число рассказов о событиях, случившихся уже в его время, на его памяти. Они совершенно иного рода и описанное в них находится в полном согласии с спиритическими явлениями, наблюдаемыми в наши дни. Особенно замечателен в этом отношении рассказ об индианке Катерине. В нем, со слов очевидцев, рассказаны факты, случившиеся в одной христианской миссии в Перу, в 1590 году.

В одном доме этого городка, — рассказывает Дель-Рио (D. M., ed. Venetiis anno 1640, pagina 201 sqq.), — жила, как служанка, девушка-индианка лет 16-ти, взятая в плен на войне и при крещении нареченная Катериной. С возрастом ее поведение становилось все более и более легкомысленным, хотя хозяйка часто ее упрекала и наказывала. Она дошла до такого падения, что тайно сходилась с разными порочными юношами. Не уклоняясь вовсе от исповеди, она, однако, об этом последнем грехе умалчивала, боясь, чтобы к ней не стали относиться, как к потерянной женщине.

В начале августа 1590 года она тяжко захворала и позвала к себе священника, чтобы открыть ему грехи своей совести. Но сделала это не чистосердечно, и, когда священник ушел, она со смехом, несмотря на свою болезнь, призналась присутствовавшим тут слугам, что некоторые пороки утаила. «Что я ни делала, все было грехом», говорила она, прибавляя к этому еще бесстыдные и неприличные слова. Некоторые из служанок, оскорбленные этим до глубины души, донесли хозяйке о таких речах Катерины. Та начала бранить Катерину, но после, изменив голос и выражение лица, стала спрашивать ее, в чем же именно не пожелала она покаяться перед духовником. Катерина призналась во всем, нисколько не упорствуя, и прибавила следующее: когда она хотела во время болезни очистить себя покаянием, ей казалось, что стоит около нее с левой стороны кто-то, лицом похожий на негра, и убеждает ее не признаваться в некоторых грехах; по правую же руку являлась ей Мария Магдалина, уговаривавшая выложить откровенно пред духовником все, что было.

Хозяйка вторично позвала священника и рассказала ему случившееся. Но он тщетно разными способами пытался убедить Катерину, чтобы она раскрыла пред ним совесть до конца. Чем более он уговаривал ее, тем она становилась упорнее. Когда же в другое время ей подали распятие, она спро-

сила с явным раздражением и с великим пренебрежением: «Ну хорошо, что вам от меня надо?» — «Обратись ко Христу, — сказала ей хозяйка, — который отпустит тебе совершенные прегрешения, если ты с раскаянием прибегнешь к Нему». — «Прошу вас, оставьте меня в покое», — возразила Катерина. Когда хозяйка ушла, она начала неумолчно болтать, рассказывая про свои бесстыдные поступки и любовные приключения. Так продолжалось несколько дней.

Но однажды ночью Катерина призвала к себе хозяйку и служанок и сказала им: «Мучусь и страдаю духом потому, что несколько раз осквернила таинство исповеди». С этого часа и до середины ночи все тело ее одеревенело, так что ее сочли мертвой и уже подумывали о погребении. Когда же она пришла в себя и к ней еще раз позвали священника, она опять проявила свое прежнее упорство. Часа через три после того, перед самой кончиной Катерины, слуги уговаривали ее призвать имя Господне, взяв в руки церковную свечу и распятие. — «Кто такой Иисус? — возразила она. — Я Его не знаю». Отодвинувшись в глубь постели и присев, она начала разговаривать с кем-то незримым. Другая служанка, лежавшая больной в той же комнате, с отчаянием умоляла хозяйку перевести ее в отдельное помещение: здесь, по ее словам, виделись ей какие-то наводящие ужас черные тени.

В ночь, когда Катерина испустила дух, по всему дому распространился нестерпимый зловонный запах, так что пришлось выставить труп на открытое место. В ту же ночь брат хозяйки был за руку вытащен из постели, а одна из служанок получила удар по плечу, словно пяткой ноги, и несколько дней после того у нее оставался знак от удара. Лошадь, бывшая в доме, смирная во всех отношениях, бесилась всю ночь, кидалась на стену и металась туда и сюда. Дворовые собаки тоже всю ночь выли и бегали в разные стороны. Наконец, когда одна из служанок вошла в комнату, где лежало тело, на нее был брошен стоявший на полке сосуд, хотя в том помещении более никого не было.

Затем по разным направлениям, тысячи на две шагов вдаль, стали летать, с шумом и грохотом, кирпичи и черепицы; это уже видели многие в городе. Между тем, в доме вовсе не было ни кирпичей, ни черепиц, а покрыт он был, как большинство зданий того города, пальмовыми листьями. Одна из служанок, на глазах многих зрителей, была протащена за ногу на довольно далекое пространство, а того, кто ее тащил, не было видно. Седьмого октября другая служанка вошла в комнату, где висела одежда, чтобы достать себе какое-то платье; перед ней явилась Катерина. Служанка бросилась бежать, а Катерина, схватив какую-то посудину, швырнула ее с такой силой, что, ударившись о стену, она разбилась на тысячу кусков. На следующий день в этой комнате повесили рисунок, изображающий распятие, но он, в присутствии нескольких лиц, был сразу сорван со стены и разорван на три части.

В тот же день, восьмого октября, когда хозяйка обедала в саду[1], брошенный кем-то кирпич попал в самое блюдо и опрокинул кушанье. В то же время четырехлетний сын хозяйки принялся кричать: «Мамочка, мамочка! Катерина меня душит». Едва удалось спасти его, возложив ему на шею одеяния, взятые от мощей святых. Все это побудило хозяйку переменить квартиру. Она переехала к своей двоюродной сестре, а стеречь дом оставила нескольких служанок.

Десятого числа того же месяца одна из служанок шла на фабрику к управляющему и вдруг услыхала, что Катерина трижды зовет ее. Она страшно испугалась, но остальные стали уговаривать пойти на голос, призвав на помощь Господа Бога и возжегши церковную свечу. Служанка позвала с собой двух других, которые казались похрабрее прочих, но Катерина потребовала, чтобы она отослала своих спутниц и бросила свечу, так как свеча причиняла ей страдания. Служанка осталась с Катериной наедине. По ее словам, тело Катерины изо всех своих сочленений испускало свет и нестерпимое зловоние. Голова и ноги ее светились; опоясана она была светящейся перевязью в восемь или десять дюймов шириною, падавшей до полу. Катерина сказала, что тяжко страдает за свои грехи, и убеждала никогда ничего не утаивать на исповеди. «Убеждаю вас в этом, — говорила Катерина, — ибо мне так приказано». Затем она отступила и исчезла.

Я поместил этот рассказ на последнем месте, — говорит Дель-Рио, — так как в нем соединяются разнообразнейшие виды явлений призраков. Атеистам есть над чем посмеяться, если они не хотят подумать о возмездии, ждущем за гробом, и о бессмертии души. Может быть, они не захотят верить? Ну, пусть для них будет созданием воображения кирпичи и черепицы, брошенные откуда-то издалека, на глазах целой толпы; пусть будет сонным видением, что мужчина был выброшен из постели и что женщина в присутствии свидетелей была опрокинута на землю и протащена по земле; даже то, что сосуд был кинут в стену и разбился вдребезги. Для этого надо предположить обман со стороны взрослых. Но как же быть с четырехлетним мальчиком? Этот возраст неспособен на обман, чтобы выдумать, будто его душит умершая служанка.

[1] Октябрь в Перу — весенний месяц.

Статья III

В книге Ланглэ-Дюфренуа «Recueil de Dissertations sur les apparitions etc.», изданной в 1752 году, находим следующий рассказ о медиумических явлениях, имевших место на пасхе 1700 года в доме некоего г. Види, сборщика податей в Дурдане.

В отдаленной и обособленной комнате дома стали раздаваться стуки; в то же время одна из служанок заявила, что слышит близ себя чьи-то стоны, словно голос страдающего человека, хотя никого не было и видно. Эта служанка скоро захворала и проболела полгода. Когда ей стало лучше, она отправилась на родину, в деревню, где и пробыла с месяц; потом вернулась к г. Види. Ее положили спать отдельно, и она опять жаловалась, что слышит в своей комнате стуки. Дня два спустя случилось ей пойти в сарай за дровами; там она почувствовала, что кто-то тянет ее за юбку. В тот же день к вечеру ее послали в церковь; выходя из церкви, она почувствовала, что невидимая рука держит ее так крепко, что она не в силах ступить шагу. У входа в дом та же рука ее еще раз дернула за платье и притом настолько сильно, что послышался треск: оказалось, что сломалась одна из застежек, прикреплявших ее кофточку к юбке. Г-жа Види, увидав это чудо, вся задрожала от страха.

Было это в пятницу вечером. В ночь с воскресенья на понедельник эта девушка, как только легла в постель, услыхала в своей комнате чьи-то шаги; немного спустя словно кто-то лег рядом с ней и положил ей на лицо холодную руку, как бы желая приласкать ее. Она схватила свои четки и положила их себе на горло. Ей было сказано, чтобы она, если опять услышит что-нибудь необыкновенное, закляла духа именем Господним и попросила бы его сказать, чего и он хочет. Девушка и сделала это мысленно, потому что от страха не могла произнести ни слова. Тогда она услыхала, что кто-то бормочет ей что-то на ухо, но не могла разобрать слов.

Часам к четырем утра в комнате послышались такие страшные удары, что казалось, будто весь дом разрушается. В комнату прибежали, чтобы посмотреть, что случилось. Служанка лежала, покрытая холодным потом. Ей помогли одеться, но нигде не могли найти ее чулков. Она пошла в комнату хозяев и, когда она входила туда, за ней тянулся какой-то туман или облако густого дыма, растаявшее почти тотчас. Служанка рассказала все, что с ней было. Ей посоветовали прийти в себя, а после пойти на исповедь и причаститься. Чулки, положенные за кроватью, оказались повешенными высоко на стене, так что пришлось их снимать длинной палкой. Башмаки разыскались на окне, поставленные носок к носку. Заметили, что одна половинка окна была открыта.

На другой день девушка пошла на исповедь. Когда она стала на колени перед барьером, где принимают причастие, она увидала рядом с собой свою мать, умершую одиннадцать лет тому назад. А после причастия мать стала перед ней на колени и сказала ей: «Дочка, не пугайся — я твоя мать». При этом она рассказала своей дочери, что ее маленький брат сгорел во время несчастного случая около Этампа. Хотя она и не была виновата в этом, однако просила священника наложить на нее какую-нибудь эпитимию. Священник указал ей носить два года волосяной пояс, что она, однако, не исполнила по причине разных своих болезней. Теперь мать просила дочь выполнить вместо нее эту эпитимию. Дочь обещала. Мать еще просила ее поститься на хлебе и воде четыре пятницы и четыре субботы до ближайшего Вознесения; заказать в Гомервилле обедню и заплатить некоему Анье, лавочнику, 26 су, которые она осталась ему должна за нитки. Кроме того, мать указала дочери, что в погребе того дома, где она умерла, спрятаны ею под третьей ступенькой лестницы деньги — 27 ливров.

На следующий день девушка заказала обедню, во время которой незримая рука передвигала ее четки. В тот же день такая же незримая рука погладила ее, лаская, по плечу и по руке. Через два дня девушка опять увидала свою мать рядом с собой, около буфета; когда вошел слуга, призрак исчез. Г. Види, заметив, что лицо служанки покрыто потом, спросил ее, что с нею; она отвечала, что видела свою мать. Хозяева убеждали ее поторопиться исполнением обещаний, данных матери. Девушка отправилась в Шартр, где заказала три обедни, опять причащалась и исповедовалась. Когда она выходила из церкви, мать ей явилась еще раз и спросила ее: «Дочь моя! исполнишь ли ты все, что я тебе указала»? Девушка отвечала, что исполнит. Мать сказала ей еще: «Я освобождаюсь от своих обязательств и возлагаю их на тебя. Говорю тебе — прощай, но ты мне не говори того же: я возношусь к вечному блаженству».

После того, девушка не видала и не слыхала более ничего необыкновенного. Волосяной пояс, как указала ей мать, она носила днем и ночью в течение двух лет.

Статья IV

В книжке «Le livre des prodiges», которая вышла в Париже в 1821 году 5-м изданием, помещен следующий рассказ о спиритических стуках, повторенный De Plancy в его Dictionnaire infernal.

В начале ноября 1620 года, в городе Оппенгейме, умер один из видных местных граждан — содержатель гостиницы Гумберт фон Бирк. В первую субботу после его похорон[1] стали раздаваться своеобразные стуки в том доме, где прежде он жил с своей первой женой. Овдовев, Гумберт фон Бирк женился второй раз и перешел жить в новое помещение, в прежнем же его доме хозяином остался брат его первой жены. Слыша странные стуки, он догадался, что они могут иметь связь с кончиной его родственника, и громко сказал: «Если ты Гумберт, мой зять, то постучи в стену трижды». Тотчас раздалось три удара, обыкновенно же бывало их подряд гораздо большее число[2]. Сходные стуки раздавались еще около колодца, где брали воду. Все соседи были напуганы. Дух проявлял себя не только сильными стуками, но также стонами, жалобными криками и звуками свистка. Эти явления продолжались около полугода; потом внезапно все прекратилось.

Через год, вскоре после годовщины смерти Гумберта, те же стуки стали снова раздаваться, но с гораздо с большей силой. Хозяин дома и наиболее отважные из слуг спросили духа, что ему нужно. Послышался голос, глухой и тихий, который сказал: «Позовите в субботу священника и моих детей». Священник был болен и мог прийти только в понедельник; с ним с пришло в дом немало любопытствующих. Гумберт, уведомленный об этом приходе, начал давать разумные и совершено понятные ответы на задаваемые ему вопросы. У него спросили, не желает ли он, чтобы в память его служили обедни. Он попросил, чтобы их отслужили три. Спросили, не желает ли он, чтобы от его имени раздали бедным милостыню. Он попросил, чтобы раздали восемь мер хлеба. Гумберт просил также изменить кое-что в распределении его наследства, в общем на сумму до 20-ти флоринов. Его заставляли прочесть «Отче наш» и «Богородице, дево», но ему это было трудно. По его объяснению, ему мешали злые «духи», которые вообще не давали ему сказать многое из того, что он хотел.

Приходской священник (назначенный на это место уже после смерти Гумберта) был из августинцев и принадлежал к аббатству Всех Святых. Он отправился 12-го января 1621 года в свой монастырь, чтобы получить указа-

---

[1] По некоторым соображениям, 11-го ноября.

[2] Таким образом, попытка *вступить в сношения и в беседу* с незримыми посредством стуков была сделана задолго до 1848 года.

ния от настоятеля, как поступать в данном случае. Настоятель дал ему на помощь трех монахов и посоветовал вновь пойти в дом Гумберта со Святыми Дарами. Стуки, между тем, все продолжались, так как ничего из того, что просил Гумберт, не было исполнено. В присутствии духовенства хозяин дома попросил Гумберта постучать в стену. Раздался довольно тихий удар. «Возьми камень и постучи посильней», — сказал хозяин дома. Тотчас раздался сильный удар. Хозяин дома, который, по-видимому, привык обращаться с духом, сказал своему соседу на ухо, очень тихо: «Я хочу, чтобы он постучал семь раз». Раздалось семь ударов. Дух постоянно выказывал глубочайшее уважение к духовным лицам и отвечал им гораздо менее смело, чем мирянам. Священник обещал Гумберту на другой же день отслужить требуемые им три обедни; было также обещано совершить паломничество, указанное им, и раздать милостыню.

Когда все желания Гумберта фон Бирка были исполнены, проявления его прекратились.

Статья V

Джон Ди, первый спирит

До последнего времени сведения о Джоне Ди оставались погребенными в старинных малодоступных сочинениях. Только в 1893 году его биографией занялся Карл Кизеветтер, известный историк оккультизма, результатом чего была его работа «John Dee, ein Spiritist des XVI Jahrhunderts». Кизеветтер показал, что Ди, которого считали алхимиком и магиком, был первым *спиритом* в современном смысле слова, спиритом в XVI веке.

Родился Джон Ди 13-го июля 1524 года в Лондоне и происходил из старинного дворянского рода. Воспитание он получил в Кембридже. Как ученый, Ди с ранних лет пользовался общим признанием. Королева Елизавета приблизила его ко двору. С 1554 года Ди поселился в Мортлэке, местечке близ Ричмонда, летнего местопребывания королевы. В Мортлэке у Ди образовалась обширная библиотека и замечательное собрание астрономических инструментов, которые были столь известны, что многие нарочно приезжали осматривать их. Ди издал несколько книг, имевших успех; между прочим, к английскому переводу Эвклида он написал предисловие, в котором проводил мысль о четвертом измерении пространства.

Приблизительно в 1581 году, уже почти шестидесятилетним старцем, Ди был натолкнут на спиритические наблюдения. 8-го марта этого года, как записано у него в дневнике, он слышал между 10-ью и 11-ью часами вечера в своей спальне необъяснимые постукивания — «very strange knocking and rapping in my chamber». Эти стуки повторялись и в следующие ночи. Наблюдения, предпринятые Ди, были успешны, потому что он сам был медиумичен. Но особое развитие его сеансы получили лишь после того, как он близко сошелся с неким Эдуардом Кели, человеком малоученым, но выдающимся медиумом. При его посредстве Ди удалось наблюдать почти все явления современного спиритизма, среди них полную материализацию, непосредственное письмо. Но преимущественное внимание Ди обращал на сообщения, получаемые от «духов»; он надеялся через них узнать тайны природы, в частности, секрет философского камня.

Лучше всего с сеансами Ди могут познакомить выдержки из его протоколов, которые он вел очень аккуратно и подробно. Заметим, что сам Ди и Кели были кристалломантами, так что на сеансах они пользовались различными кристаллами, смотря в которые, Кели видел лица «сообщающихся» и картины иного мира. Кели был также говорящим медиумом и в трансе (а иногда и в трансфигурации) говорил от имени этих «сообщающихся». Ино-

гда он произносил целые речи на латинском и греческом языке, которых не изучал никогда.

Из протокола 28-го мая 1583 года

По моей молитве (пишет Ди) явилось духовное существо, наружностью вполне напоминавшее пригожую девочку лет 7-9. Волосы ее спереди вились, а сзади были довольно длинны. Она была одета в шелковое платье, цвет которого отливал из красного в зеленый, со шлейфом. Она ходила взад и вперед между грудами моих книг и при этом казалось, что книги расступались и давали ей дорогу.

Ди. Что ты за девочка?

Дух. А ты что за человек?

— Я слуга Господа... Но скажи мне, кто ты?

— Прошу тебя, дай мне еще немного поиграть с тобой; после я скажу тебе, кто я.

— Скажи мне это во имя Иисуса Христа.

— Радуюсь имени Христа, а я — бедная маленькая девочка Мадини; я предпоследнее дитя моей матери и дома у нас есть еще грудной младенец.

— Где же твой дом?

— Я не должна говорить, где живу, иначе меня побьют.

— Тебя не будут бить, если ты скажешь правду тому, кто любит правду; вечной правде должны быть послушны все создания.

— Уверяю тебя, что я хочу быть послушной. Мои сестры говорят, что они должны прийти жить к тебе.

— Я желал бы, чтобы те, кто любит Бога, жили у меня, а я у них.

— Я люблю тебя, так как ты говоришь о Боге.

Мадини стала у Ди тем, что теперь называют духом-руководителем. Другие сообщающиеся называли себя большей частью разными восточными именами — Элимер, Гальва. Некоторые выдавали себя за ангелов. В сообщениях бывало много намеков на политические обстоятельства того времени и предсказаний, часто, впрочем, не сбывавшихся.

Из протокола 26-го июня 1583 года

Кели заявил, что видит над головой Ди белое облачко. Оно обратилось вскоре в человекоподобное существо, назвавшее себя добрым ангелом Иль.

Кели. Вот я вижу некое могущественное существо, мужчину, которого,

однако, нелегко распознать. Его глаза как два горящих, чудно сверкающих карбункула; его голова — золотая; рот широк; его голова странно подвижна и словно отделена от плеч; остальное тело, как из мрамора.

Голос. Работаешь ли ты?

Кели. Голос говорит с ангелом Иль.

Иль. Я работаю. Молитесь, ибо будет сказано великое.

Ди. Кто должен молиться?

Иль. Ты и князь (присутствовавший на сеансе польский князь Ласкии), и слушай, что я тебе (Кели) скажу.

Тот — грозный дух. Чего хотите вы, сыны человеческие?

Ди. Хотим очиститься от грехов и быть просвещенными божественной мудростью.

Кели. В воздухе свет; он впивает этот свет.

Иль. Скажи — буди милостив к моим грехам.

Кели. Буди милостив к моим грехам, Господи!.. Тот великий становится все необъятнее, его уже нелегко озирать.

Тот. Чего хотите вы, сыны человеческие?

Ди. Истинной мудрости.

Тот. О дети и сыны человеческие, чего вы хотите?

Ди. Истинной мудрости в Боге и во имя Бога.

Тот. Слушайте, ибо я есмь правда и истина, так говорит Господь. Не предпринимайте ничего без Бога злого и несправедливого. Ибо всякий раз, как вы сотворите злое, из нерадивости или неведения, из непослушания или излишней доверчивости, то дадите вы власть «духам» лжи... Вы те, кого я избрал, чтобы объявить свою волю и утвердить свое могущество. (Вся речь занимает более страницы).

С физическими проявлениями на сеансах Ди может ознакомить следующий случай. 24-го апреля 1588 года явилось в большом кристалле яркое пламя; потом из южного окна подул неожиданный ветер, и некое «духовное существо», взяв в руку кристалл, подняло его так высоко, что он исчез из виду. Почти через месяц после того Ди с Кели и его сыном Артуром (тоже медиумом, заменявшим иногда на сеансах отца) гуляли в городском саду. Артур увидал здесь, на берегу ручья, «два духовных существа», которые спорили между собой, причем один упрекал другого за то, что тот похитил кристалл, а этот отвечал, что положил кристалл накануне под изголовье больной жены Ди. Кристалл там действительно нашелся. Другой раз «сообщающиеся» приказали Ди сжечь его протоколы, что он и исполнил; но через некоторое время сожженные тетради были ему возвращены невредимыми.

Ди вообще беспрекословно подчинялся указаниям «сообщающихся». Самый резкий пример этого относится к 1587 году. На сеансе проявилась Мадини и много говорила о новом завете, который скоро даст Господь. Потом Кели увидал в кристалле белую колонну, а на ней четыре головы: свою

собственную, Ди и их жен; головы были увенчаны сверкающей короной, а тела сливались в колонну. На вопрос, что это значит, Мадини отвечала, что так, т. е. общими, они должны иметь отныне своих жен. Пораженный Ди спросил, не идет ли это повеление против божеских законов и не должно ли понимать его в смысле единения душ. Кели в трансе отвечал: de utraque loquor (я говорю и о том и о другом). Ди еще продолжал колебаться, но Кели заявил, что видит белый крест, на котором написано: «Если я говорю человеку: поди и убей своего брата, и он не исполняет, он сын греха и смерти, ибо для избранных все возможно и дозволено». После этого Ди покорился...[1] Прежние биографы Ди подозревали Кели в обмане, но Кизеветтер берет его под свою защиту, решительно отвергая мысль, по крайней мере, о *сознательном* обмане.

Последние два случая относятся уже к жизни Ди на континенте. Он принужден был покинуть Англию в 1584 году. Вскоре после отъезда Ди его дом с библиотекой и лабораторией был разорен толпой. Пять лет Ди и Кели провели в Европе, преимущественно в Германии и в Польше. Им пришлось терпеть при этом всякого рода лишения и нужду. Они долго тщетно искали покровительства у иностранных монархов, особенно у императора Рудольфа II и у Стефана Батория. Спиритические сеансы они продолжали беспрерывно, но главное внимание обращали на алхимию, упорно добиваясь от сообщающихся тайны философского камня.

Легенда, связанная с именем Кели, утверждает, что эти старания увенчались успехом. «Духи» доставили ему философский камень в виде небольшого количества порошка, пользуясь которым, Кели доказал императору свое умение делать золото. Но количество порошка было ограничено, а сам Кели производить его не умел; когда весь запас вышел, разгневанный император посадил Кели в тюрьму. Так легенда объясняет факты. В дневнике Ди есть записи, по-видимому, подтверждающие эти рассказы. Под 28-ое сентября 1588 года записано: «Я передал Кели половину всей anima (anima solis, по алхимической терминологии, — существенный элемент золота); она весила 20 унций, я сам свешал ее в своей комнате». Под 4-ое февраля 1589 года записано, что Ди послал Кели в Прагу «порошок, книги, стекло и камень».

Ди покинул Германию 11-го марта того же года. Многие полагают, что сам Кели постарался избавиться от своего сотоварища, ставшего ему ненужным. В декабре Ди был уже в Мортлэке. В начале следующего года Кели прислал ему денежный подарок. Ди титулировал его в письмах: «сир Эдуард Кели, рыцарь императорского двора». Но в том же году Кели уже был в тю-

[1] Избави Бог от такого поучения. Подобное отношение к спиритизму не выдерживает критики здравого рассудка. *Ред. <«Ребуса»>.*

рьме. Император впоследствии освободил его. Скончался он в августе 1595 года.

Ди продолжал в Англии спиритические наблюдения с другими медиумами. Королева Елизавета дала ему в 1595 году место при Манчестерском коллегиуме, но Иаков I отнял его. Ди опять впал в нужду и опять, в 1604 году, вернулся в Мортлэк. Местное население относилось к нему подозрительно, как к чернокнижнику. На сеансе 7-го сентября 1607 года явился ему Рафаил, сказал, что скоро откроет ему секрет философского камня и все сокровенные тайны, и приказал ему покинуть неблагодарную родину. Ди сослался было на старость и болезни, но Рафаил строго повторил приказание. Ди стал покорно готовиться к отъезду, а через несколько дней его постигла смерть.

МЕТОД МЕДИУМИЗМА

У большинства исследователей медиумических явлений замечается стремление изучать их теми же приемами, как в естествознании изучаются явления физические и химические. Многие видят даже особое торжество в том, чтобы целиком перенести в медиумизм методы естествознания. Присяжные ученые так часто относились к медиумизму с презрением, так упорно повторяли, что все медиумические явления — или обманы чувств, или фокусы, что его исследователи, естественно, не столько стремились развивать науку дальше, сколько защитить ее, укрепить ее основания. Им казалось, что всего вернее это будет достигнуто, если медиумизм будет введен в семью естественных наук, которые очень для многих являются образцом всякого знания. Не надо забывать и того, что медиумизму посвящали себя большей частью представители опытного знания; в новую область своих занятий они переносили знакомые им приемы.

Научно могут быть изучаемы все явления, в которых замечается повторность, т. е. которые подлежат сравнению. В явлениях, изучаемых естествознанием, такая повторность бросается в глаза: не единственный раз в вечности произошло солнечное затмение, это повторялось многократно. Кажущееся отсутствие такой повторности давало повод некоторым мыслителям выключать историю из числа точных наук, но они были не правы. Новейшие исследования указали целый ряд сходных явлений, повторявшихся во всемирной истории. Таково — явление родового быта, общего всем первобытным племенам; таков — феодализм, наблюдавшийся в Европе в средние века, но ранее существовавший и в древнем Египте, и в до-Солоновской Греции. Повторность сходных явлений замечается и в медиумизме; следовательно, они могут быть изучаемы научно. Но из примера астрономии и истории ясно, что это еще не предрешает вопроса о *методах* изучения. Особенностям отдельных наук соответствуют и своеобразные приемы их разработки. Никому не приходит в голову применять естественнонаучные методы к наукам гуманитарным, изучать политику, как оптику.

При первом взгляде медиумические явления ближе всего подходят к фактам, изучаемым физикой и психологией. Медиумические явления затрагивают *физические* свойства тел: вес, движение, свет; с другой стороны, в медиумизме проявляются те свойства, которые мы привыкли приписывать *духу*. Но уже то самое, что медиумизм равно приближается и к физике, и к психологии, побуждает отличать его от той и от другой. Дальнейшее же рассмотрение неизбежно показывает, что целый ряд фактов, наблюдаемых в медиумизме, противоречит самым основным предпосылкам физики и психологии. То, что в физике невозможно, немыслимо, оказывается совер-

шившимся в медиумизме; точно так же некоторые духовные медиумические явления совершенно необъяснимы с точки зрения нашей психологии.

Не касаясь частных отличий, достаточно указать те противоречия данных медиумизма с опытными науками, которые касаются их существеннейших положений. Все явления естествознания — механические, физические, химические — мыслимы лишь в трехмерном пространстве. С допущением многомерности пространства падает первая аксиома естествознания: закон сохранения энергии, т. е. учение о неизменяемости количества материи в природе. Выведение предмета за предельное измерение всегда должно казаться для наблюдателя исчезновением, обращением в ничто. Но что же останется от медиумизма, если отнять от него все явления, объяснимые лишь четвертым измерением: проникновение вещества сквозь вещество, завязывание узлов на бесконечном ремне и т. п.? Не ограничиться же одним столоверчением!

В научной психологии закону о сохранении энергии можно уподобить учение о последовательности психических явлений. Если теория познания и решается утверждать, что психические явления в сущности вневременны, то психология, как наука, рассматривает их исключительно в их временной смене. С ее точки зрения даже необъясним и невозможен тот общеизвестный факт нарушения временной последовательности, когда мгновенная причина пробуждения создает сон, в котором сама является заключительным звеном. Напротив, в медиумизме мы особенно часто сталкиваемся лицом к лицу с вневременностью явлений духа. Иначе нельзя истолковать такие факты, как предвещания, повторение вторично или многократно прежде совершавшегося события (напр., убийства), появление давно умерших в том же виде, даже в той же одежде, как их видели при жизни.

Эти два основных противоречия проводят достаточно резкую грань между медиумизмом и опытным знанием. Опыт возможен только в нашем пространстве и времени, — это его условия. Новейшие психологи (школы Вундта), желая расширить в психологии область опыта, принуждены подчеркивать именно временной характер психических явлений. Напротив, факты медиумизма, которые столь явно выходят за пределы нашего пространства и времени, тем самым не подлежат опыту. Это теоретическое соображение подтверждается и на практике. Сеанс ни в каком случае нельзя счесть опытом: он только устанавливает условия, при которых естественнее всего ожидать появления медиумической силы. Мы лишены всякой возможности направлять ее деятельность по своей воле, и тем сеанс отличается от опытов в физике и химии. Даже наблюдение в медиумизме значительно отличается от наблюдения, напр., в астрономии или метеорологии. В медиумизме приходится наблюдать лишь проявления неизвестной причины, причем ее *modus operandi* лежит не только за пределами нашего исследования, но, пожалуй, и за пределами нашего понимания.

Следует обратить серьезное внимание на то недоверие, с каким всегда встречали и продолжают встречать медиумические явления. Никогда недоерие к фактам, указанным наукой, не держалось так долго и так упорно. Если в Саламанке когда-то и осмеяли Колумба, если Наполеон усомнился в силе пара, если и глумились над Гальвани, — то теперь, я думаю, никто не станет сомневаться в существовании Америки, в возможности парохода, в гальваническом токе, даже в икс-лучах. Мало того, гипнотизм, который на первых порах был встречен с таким же недоверием, как и медиумизм, давно дождался признания и читается как наука с университетских кафедр. А медиумизм и теперь остается у присяжных ученых под таким же сомнением, как пятьдесят лет тому назад, по-прежнему говорят о мошенничествах и галлюцинациях. Хранители запретных знаний в средние века таили их от непосвященных; наш демократический век сделал из них достояние всех: но многие ли пожелали им воспользоваться!

Неужели такое обособленное положение медиумизма не побуждает изучать его не по общим избитым приемам, а по особым, ему одному свойственным методам? Ведь даже геральдика имеет свои методы, а у медиумизма хотят отнять и то немногое, что он самостоятельно выработал, требуют опытов без медиума, без цепи, без темноты. К чему можно прийти по такой дороге? Разве не может случиться вот чего: мы уничтожим ряд условий, при которых возможны важнейшие явления медиумизма, и оставим лишь такие, при которых возможны явления одного какого-нибудь порядка, — напр., объясняемые психической силой участников. И неужели, объяснив происхождение этих явлений, мы будем вправе торжествовать, неужели мы скажем, что задача решена, и вычеркнем как невозможное все, чему сами не дали проявиться!

Грустно подумать, до чего мы дошли в нашей боязни обмана. Неизвестная сила, проявляющаяся на сеансах, требует темноты; мы оставляем свет. Мы связываем медиума веревками, припечатываем их, соединяем его руки с проводами от электрических батарей, становимся ему на ноги. До такой степени упорно думаем об обманах, что сами гипнотизируем медиума, внушаем ему обманывать нас! А в конце концов противники медиумизма кричат, что все-таки что-то было упущено, что все медиумы все-таки фокусники. Впрочем, чего и ждать от связанного и припечатанного человека! Если такое отношение к делу и возникло из весьма почтенных побуждений, — из желания доказать подлинность медиумических явлений, — то не пора ли считать ли эту задачу выполненной? Не довольно ли собрано фактов, чтобы в явлениях медиумизма не могли сомневаться все те, кто хочет смотреть и слушать?

Пусть даже необходимо оставить контрольные сеансы для проверки каких-то фактов и для предварительной оценки некоторых медиумов, но не в них должно быть средоточие всей работы. Важнее и более нужны сеансы,

на которых было бы допущено все, что может им способствовать. Приборы, употребляемые на таких сеансах, должны быть приспособлены не к тому, чтобы изобличать мошенничество, а чтобы облегчать проявления медиумической силы и отмечать все происходящее точнее, чем то могут невооруженные чувства. (А ведь нам случалось брать для сеанса нарочно такой стол, который покачнуть невозможно!). На свободных бесконтрольных сеансах есть даже надежда получить результаты более доказательные, чем с запечатанным медиумом. Скептик всегда может возразить, что печати были искусно сняты, но что возразит скептик, если ему *теперь*, в самый момент его сомнения, покажут узлы, завязанные на бесконечном ремне, сделанном из целого куска, или два не склеенных кольца из дерева разных пород, вдетых одно в другое?

Прежде же всего надо отказаться от притязания управлять медиумическими явлениями. Ко всем другим фактам природы мы относимся, как повелители: мы производим опыты в физике и химии, мы наблюдаем, когда и как хотим, явления астрономии и метеорологии. В медиумизме, напротив, мы должны стать учениками неизвестных нам интеллектуальных сил, конечно, не учениками-рабами, которые iurant in verba magistri (подобные примеры уже бывали у спиритов), но разумно и свободно оценивающими речи и поучения учителя. Во всем, что касается способов сношения с силой, проявляющейся в медиумизме, мы должны подчиняться, а не требовать, потому что самые условия ее существования недоступны нашему уму. Медиумизм дает знания, быть может, наиболее значительные, наиболее важные для людей среди всех знаний. Зачем же пытаться втиснуть изучение этой науки в рамки, ей несвойственные и слишком узкие? Перенесение в медиумизм методов естествознания может только затормозить ход его развития надолго, на целые столетия.

ЕЩЕ О МЕТОДАХ МЕДИУМИЗМА

Моя заметка («Ребус», № 30), в которой я пытался поставить на очередь вопрос о приемах при изучении медиумических явлений[1] вызвала маленький спор на страницах журнала (№№ 32, 34, 37). Это показывает, конечно, только то, что время беспорядочного накопления материалов по медиумизму подходит к концу. Работы последнего полустолетия собрали громадный запас наблюдений. Стремясь осмыслить это подавляющее количество фактов, разобраться в них, мысль ищет феноменам медиумизма теоретических объяснений. Оказывается, однако, что для построения объединяющей теории собранные факты не дают достаточно материала, потому что в большинстве случаев при наблюдении обращалось внимание на второстепенные стороны дела (напр., на доказательство реальности происходящего), а не на сущность явления. Из этого положения и возникает лихорадочное стремление пополнить собранный материал новым запасом наблюдений, сделанных уже по методам, широко и всесторонне обдуманным.

К медиумизму можно подходить с разных сторон. Некоторые ищут в нем способа сохранить сношения с дорогими для них лицами, вышедшими из пределов видимого мира, или вообще способов сношения с индивидуальностями, находящимися в отличной от нашей сфере бытия. Другие подходят к медиумизму с целью узнать, что ожидает нас за дверями могилы, чтобы из этого знания извлечь нравственные уроки для своего поведения здесь. Третьи ждут поучений, во многих вопросах доверяя голосу, доходящему до нас медиумическим путем, более, чем рассудочным выводам учителей, живущих среди нас. Но сколько бы ни были естественны, основательны и даже желательны все такие отношения к медиумизму, — они отличаются от строго научного исследования, имеющего свои определенные цели, а именно: выяснить характер медиумических явлений, отличив их от явлений другого рода, и найти для них удовлетворяющее мысль объяснение.

Никакое опытное научное исследование не может иметь притязаний на безусловную (абсолютную) истинность своих заключений. Неоспоримость выводов чистой математики происходит именно от того, что это наука не опытная; математика, в сущности, есть лишь раскрытие присущих нам созерцаний (Anschaungen) времени и пространства. Но даже свою уверенность в математических истинах мы должны ограничивать указанием на то, что она имеет значение лишь для нашего ума. Во всяком же случае, достоверность

[1] Разумеется, вопрос этот был поднят много раньше, почти с самого начала научного исследования медиумических явлений. Он был прекрасно формулирован г. Охоровичем в 1895 г. (Русск. изд.: «Обман в области медиумизма» СПб., 1899). См. главу: «Новый метод».

математических истин не есть *степень*, на которую могут быть возведены путем усердных изысканий другие науки. Имея своим предметом данное в опыте, они по существу своему никогда не достигнут в своих выводах всеобщности и необходимости. Так, напр., нет никакой возможности утверждать, что правильность закона Бойль-Мариотга не будет окончательно опровергнута для человеческого ума, тогда как такую возможность мы имеем хотя бы по отношению к геометрической теореме о сумме углов в треугольнике.

Сообразно с этим мы не можем надеяться, чтобы даже когда бы то ни было опытное изучение медиумических явлений привело нас к такому их объяснению, которое было бы непререкаемой истиной. Мы можем верой принимать то или другое учение о них, но в области строгой науки такие учения никогда не могут стать обязательными для всех исследователей. Если так дело обстоит относительно отдаленного будущего, когда — предполагаем мы — наука о медиумизме достигнет своего полного развития, то тем более теперь, при незначительности и неустойчивости наших знаний, должно нам в своих работах прежде всего остерегаться всяких предубеждений. Держаться той или другой теории в медиумизме есть дело личного убеждения, а не научной добросовестности. Предвзятость мнений, пренебрежение к работам другого только потому, что тот держится иной теории, — в медиумизме непростительны. Они страшно суживают кругозор наблюдателя и показывают ему факты с очень произвольно выбранной точки зрения.

Это, однако, не значит, чтобы мы решительно ничего не могли утверждать о медиумических явлениях. Приходится различать разумную терпимость к чужим мнениям от бессмысленного безразличия к ним. Научно еще не решено, какова та сила, которая проявляется в медиумизме, находится ли ее источник в нас или вне нас, имеем ли мы дело с индивидуальностями или нет, и притом подобными нам или иными. Но мы имеем право определить эту силу отрицательно: она не стоит в ряду физических сил, последовательно переходящих одна в другую, — движения, света, электричества. Правда, температура, освещение и степень насыщенности электричеством имеет, по-видимому, влияние на медиумические явления, но они никогда не бывают их причиной. Медиумическая сила сказывается и в физических явлениях (изменение веса, перенос предметов, материализации), но способ ее приложения остается столь же недоступным нашей мысли, как переход нервного раздражения в явление сознания. Мало того, целый ряд медиумических явлений противоречит самой основной предпосылке физики — закону сохранения энергии. Все это дает нам право утверждать, что в медиумизме мы имеем дело с проявлениями *духа*, с явлениями того же порядка, как наша внутренняя духовная жизнь, тоже в известной степени испытывающая влияние из внешнего физического мира и тоже влияющая на него

посредством нашего тела (а может быть, и непосредственно). Это убеждение должно быть краеугольным камнем науки о медиумизме.

Конечно, признание медиумических явлений деятельностью духа не есть априорное знание в том смысле, как математические аксиомы; но все же в некотором отношении оно предшествует опыту, так как основывается на том делении, которое обусловливает самую возможность нашего мышления: делении мировых явлений на парные понятия — мертвого и жизнедеятельного, свободы и необходимости, добра и зла. Замечательно при этом, что общее бессознательное воззрение на спиритизм основано на том же убеждении. Никому не приходит в голову объяснять медиумизмом достаточно загадочное явление зодиакального света — потому именно, что здесь явно не может быть речи о духовной деятельности. Вряд ли качание стола на сеансах подало бы повод к образованию новой отрасли знаний, если б в этих качаниях не сказалась разумность. Самое слово «таинственный», которым обычно означаются в разговорном языке проявления медиумизма, применимо только к духовной деятельности. Если мы говорим, напр., о таинственном доме, то разумеем не самое здание, а происходящие там события.

Итак, допуская с точки зрения научной доказательности все основные теории, выставленные серьезными исследователями медиумизма, мы имеем право отвергать объяснения, даваемые ему философским материализмом. Признание изначальности, самобытности духа составляет основное условие для изучения медиумических явлений — подобно тому, как только зрячий может изучать гармонию красок. Теории, сводящие сознательную деятельность на бессмысленный процесс, совершающийся по законам механической причинности в мире атомов, — несовместимы с занятиями медиумизмом. Смысл его в том, что здесь проявляется творчество свободного духа; как же может оценить эти явления тот, кто еще не признает ни духа, ни свободы? Все его наблюдения будут ложно направлены и в громадном большинстве бесполезны; все его выводы будут построены на песке. Но, с другой стороны, все исследователи, ищущие в медиумизме проявлений духовной жизни, могли собрать и действительно собрали важные материалы для суждения о нем. Материалы эти получили даже тем большее значение, что исследователи шли по разным путям, имея в виду разные гипотезы, пользуясь разными методами. Благодаря этому, вопрос оказался освещен с целого ряда сторон.

Методы, которые применялись до сих пор этими исследователями, можно свести к трем типам:

Во-первых — наблюдение человеческого духа. Этого приема ни в каком случае не должен избегать исследователь медиумизма. С одной стороны, приходится иметь в виду теорию, объясняющую медиумические явления скрытыми силами нашего собственного духа. С другой, если б эту теорию и можно было совершенно отвергнуть, — изучение человеческого духа мо-

жет иметь значение как метод приближения. Весьма полезно бывает для выяснения характера каких-либо явлений изучать близкие к ним. При разнообразных трудностях изучения медиумизма наблюдение хотя бы только сходных явлений в человеческом духе может объяснить многое. В этом направлении особенно замечательны работы Роша и Барадюка.

Во-вторых — непосредственное духовное общение с силой, проявляющейся медиумически. Общение это достигается разными путями. Средневековые магики достигали его посредством *заклинаний*. В наши дни нечто подобное совершается при *полной материализации*. Заменой ее может быть *трансфигурация*, когда медиум заменяет собой личность неведомого деятеля, вступающего в общение с наблюдателем (опыты Ходжсона с м-с Пайпер). Некоторые лица обладают способностью постоянно находиться в таком общении, независимо от каких-либо способов (Сведенборг, Девис). Более обычным способом служит получение сообщений посредством *писания* (непосредственного, автоматического, через указание букв и т. п.). Показания свидетелей и наблюдателей и собрание прямых сообщений, полученных этими способами, составляют материал, по объему своему — громадный.

В-третьих, наконец, — наблюдения как бы со стороны различных проявлений медиумической силы. Сюда относятся такие факты, как появление призраков, непокойные дома, физические явления, происходящие на «сеансах» в узком смысле слова и т. п. Эти наблюдения должны пополнить и во многом изменить наши сведения об отношении между духом и материей. С сущностью медиумической силы они знакомят мало, но выясняют условия ее бытия и ее modus operandi. Сообразно с этим, научная задача сеансов — получить по возможности *разнообразнейшие* проявления медиумической силы. По поводу сеансов обычно заходит речь об обманах со стороны медиума, хотя обман и симуляция столь же возможны и при других приемах исследования (напр., при автоматическом письме). Всего естественнее отличать «подлинное» явление от «поддельного» по его внутренним свойствам. Факты действительного проникновения материи сквозь материю не могут быть подделаны медиумом; если же является сомнение, кто качает стол, то вопрос этот не стоит и расследовать (ибо факты движения предметов под влиянием медиумической силы уже наблюдались, и еще один подобный факт не прибавит ничего нового). Кроме того, возможно изучение самих фактов обмана; оно может пролить свет на вопрос о доли участия в медиумизме *внушения*, исходящего ли от участников сеанса или от незримых деятелей.

Из этих трех типов исследования самым существенным, основным — должно признать второй, принимая во внимание, что все наше знание о медиумической силе сводится к признанию ее духовности. Этот второй тип исследования застает дух в наиболее свойственной ему деятельности — соз-

нательном общении с другим духом. Если в научной психологии преимущественное обращение к физиологическим фактам и пренебрежение к чисто духовной жизни человека (напр., к данным художественного творчества) составляет, так сказать, первородный грех, то тем более должно этого опасаться в медиумизме, так как есть все основания полагать, что медиумическая сила еще менее тесно связана с физическим миром, чем наша душа. Наблюдения физических проявлений медиумизма могут служить дополнением и пояснением к данным, добытым на других путях, но ни в каком случае не самодовлеющим делом. Исследователь медиумизма не должен никогда забывать, что его конечная цель — знакомство с *духом*. Хотелось бы поэтому верить, что каковы бы ни оказались методы, которыми будет пользоваться наука о медиумизме в своем дальнейшем развитии, — они будут вести к подобным же результатам, каких достигаем мы автоматическим письмом, сообщениями при трансфигурации и т. п.

Конечно, кроме научного изучения медиумизма, может идти речь о доказательстве подлинности медиумических явлений; многие выдвигают на первое место физические явления именно с этой точки зрения. Не пора ли, однако, перестать хлопотать о доказательстве медиумической силы? Ее существование доказано давно, зачем же бесконечное число раз делать то, что уже сделано? Доказательных фактов собрано серьезными наблюдателями вполне достаточное количество. Если же кто-нибудь, ознакомившись с литературой предмета, продолжает упорствовать в своем отрицании медиумической силы, — ясно, что он не хочет убедиться или просто не может по самому складу своего мышления. Какую пользу принесут ему новые сеансы, которые дойдут до него все в той же форме книги? Нельзя же обратить сеансы в опыты и показывать их всякому желающему воочию убедиться в существовании медиумической силы; нельзя — по известной капризности медиумических явлений (т. е. их произвольности). Сеанс устанавливает условия, при которых скорее всего возможно ожидать проявлений медиумизма, но ни в каком случае не делает их необходимыми.

Вряд ли вообще физические явления медиумизма могут служить особенно сильным доказательством существования особой медиумической силы. В этом отношении в материале автоматического письма можно указать факты гораздо более убедительные (напр., все случаи установленной самоличности сообщающегося). Может быть, эти факты не столь поражают воображение, зато они и менее возбуждают недоумения и глубже захватывают предмет. Физические явления медиумизма, после первого изумления, всегда будут вызывать нарекания в своей малой одухотворенности, в своей сравнительной бессмысленности. Они всегда будут соблазнять наблюдателей объяснять их чисто физическими причинами, т. е. явно увлекать на ложный путь. Физические явления медиумизма получают свой истинный смысл только в свете данных, полученных иными путями, а потому начинать зна-

комство с медиумизмом физическими явлениями — крайне нецелесообразно. Оставим физические явления работникам-специалистам, ученым, которые сумеют в них разобраться, а начинающим, тем, кого влечет к медиумизму не пустое любопытство, а потребность души, — дадим то, что́ в нем есть ценного и возвышенного, что́ выражает его сущность: разумные духовные сообщения из иной области бытия.

В. Я. Брюсов и А. А. Ланг среди спиритов, группировавшихся вокруг журнала «Ребус», среди них: М. В. Кисилёва, Е. И. Олимпиев, П. А. Чистяков, А. И. Боброва и ее сын С. Д. Бобров. 1900-е гг. (ОР РГБ, Ф. 368, к. 13, ед. хр. 5).

НОВОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Жан Брие в последнем сентябрьском № журнала «Mercure de France» разбирает ряд новых книг, появившихся во Франции, по спиритизму и оккультизму. Воспроизводим здесь — в извлечении — некоторые из его характеристик, возлагая, конечно, на него и всю ответственность за высказываемые суждения.

Максвель, ученый, уже давно известный своими работами по вопросам психизма, издал новую книгу, плод десятилетних трудов, под названием «Психические феномены» (Maxwell. Les Phénomenès psychiques. Ed. Alcan. 5 fr.). Максвель не примыкает no убеждениям ни к спиритам, ни к оккультистам, ни к теософам. Их теории он считает недостаточно обоснованными на фактах; ему кажется также, что при наблюдении самих фактов не были принимаемы все необходимые предосторожности против ошибок и обмана. Сам Максвель наблюдал много медиумов и участвовал в длинном ряде сеансов. С особым вниманием исследовал он физические явления, в частности — движения предметов без прикосновения, которые он признает особо доказательными и наиболее поддающимися изучению. Но он наблюдал также и чисто психические феномены, автоматическое письмо, речь при трансфигурации, непосредственное письмо, видение в кристаллах, телепатию, транс, экстаз. Нельзя сказать, чтобы критические замечания Максвеля против спиритической теории были совершенно лишены основания. Его книгу с равным интересом прочтет и приверженец позитивной науки, и спирит. Первому она откроет новые для него области знания, второго научит быть осторожнее в своих выводах и утверждениях. Того и другого заставит думать. Предисловие к книге написано Шарлем Рише[1].

Подобно Максвелю, не примыкает ни к какой теории М. Саж, издавший книгу «Сон и гипноз» (M. Sage. Le Sommeil naturel et hypnose. Ed. Alcan. 3 fr. 50). В книге описаны разнообразные факты гипноза, внушения, диэстезии (ясновидения, яснослышания), телепатии, панэстезии, предвидения будущего и т. д. Саж решается формулировать две гипотезы, которые, по его мнению, могут объяснить эти факты: 1) Душа существует отдельно от тела. 2) Тело не только не способствует проявлениям и деятельности души, но ограничивает их и мешает им. «Повторяю, это только гипотезы, — оговаривается Саж, — а не истины. Если завтра новые факты опровергнут их, я их тотчас покину. Я ставлю очень высоко — быть духом, и притом бессмертным, но я ставлю еще выше быть свободным и мыслить, как нахожу правильным».

---

[1] Перевод этой книги будет печататься в нашем журнале.

Под заглавием «Феноменография» (T. Falcomer. Phénomènographie. Ed. Leymarie. 1 fr. 50) Т. Фалькомер, профессор королевского института в Венеции, дает отчет in extenso (протокольный) о сеансах с молодым медиумом, г-жей Нильдой Ренарди. На сеансах происходили разговоры типтологией, поднятие столов и движение мебели (как с прикосновением, так и без прикосновения), перенос предметов, изменение их веса, отпечатки рук, непосредственное писание, прикосновения, аппорт; появление световых пятен и силуэтов, различных звуков и т. д. Книга иллюстрирована.

«Наука алхимия» Жоливе-Кастело (Jollivet-Castelot. La Science Alchimique. Ed. Chacornac. 5 fr.) дает историю алхимии и очерк ее доктрины. Автор показывает, что многие из утверждений алхимиков подтверждаются открытием радия и N-лучей.

Брие говорит еще о книге Лизере «Les Mystères de Cérès et de “Les vrais secrets de la Magie”» и о двух книгах, только что появившихся во французском переводе: «Les Phénomènes odiques" барона Рейхенбаха и «La Vallée des bienheureux» Леопольда Энгеля.

ПРИЗНАКИ МЕДИУМИЧНОСТИ

В двух последних №№ (8 и 9) «Revue d'etudes psychiques» Ж. Максвель разбирает процесс г-жи Роте и в заключение высказывает пожелание, чтобы производилось как можно больше наблюдений над явлениями медиумизма.

«Я знаю, — пишет Максвель, — что для такого рода наблюдений необходим прежде всего медиум, а его нелегко найти. Но я хочу сообщить читателям факт, подмеченный мною. Предоставляю им первыми воспользоваться им. Я знаю несколько медиумов. У всех тех из них, которых мне приходилось исследовать за последние месяцы, — было пятнышко на райке глаза (на темной части глаза вокруг зрачка). Я не хочу этим сказать, что все люди с пятнышком в глазу — медиумы. Я говорю только, что у всех лиц, медиумические способности которых я мог проверить, была эта особенность. Это наблюдение любопытное, но вовсе не новое. Уже в древности утверждали, что у волшебниц Фессалии и Вифинии — особые значки в глазу. В Средние века тоже находили дьявольские значки в глазах колдуний. Старухи в деревнях узнают ведьм и лиц, "имеющих дар", по их глазам. Я имею основания думать, что это старинное верование, от которого народ до сих пор не отказался, соответствует действительным фактам. Волшебницы, колдуньи и ведьмы были, вероятно, просто медиумами.

Итак, может быть, особая "примета" медиумов действительно существует. Я не утверждаю этого прямо. Надо достоверно знать, чтобы утверждать что-либо, а я этого не знаю достоверно. Но если читатели будут делать опыты, они, может быть, скорее найдут медиума среди лиц, имеющих примету, которую я описал, чем среди других».

LÉON DENIS. Dans l'invisible. Spiritisme et médiumnité. Traité de spiritisme expérimental. P. 1904. P. Leymarie 2 fr. 50.

Книга написана отнюдь не талантливо, но обстоятельно и со знанием дела. Что особенно дорого, в ней использованы новейшие данные — работы де-Роша, Барадюка, Ходжсона и Гейслопа. В настоящее время книга Л. Дени — лучшая для первоначального ознакомления с той отраслью естествознания, которая получила имя спиритизма. В сносках дан ряд библиографических указаний, раскрывающих все богатство спиритуалистической литературы. К числу недостатков книги надо отнести боевой тон некоторых страниц. Автор все старается д о к а з а т ь реальность спиритических фактов. Пора бы это оставить. Эти факты уже доказаны столь неопровержимо, как например явления x-лучей. Кто предпочитает не верить открытию Рентгена, того надо предоставить его добровольному невежеству. Напрасно также автор преобладающее место отводит физическим проявлениям медиумизма. В медиумических явлениях мы имеем дело с силами некоего духа, и различные психические проявления гораздо полнее и вернее могут выяснить его свойства.

АЛЛАН КАРДЕК. Книга Медиумов. Изложение и обзор спиритических явлений. Перев. с французского. Редактировал Асгарта. Изд. М. В. Попова. СПб. 1904 г. 2 р. 50.

Нельзя не радоваться, что классическое сочинение Аллана Кардека, известное до сих пор русским читателям лишь в изложениях, переведено наконец на наш язык полностью. «Книга Медиумов» появилась в 1861 и потому учение спиритизма изложено в ней в его примитивной форме. Кардек выставляет только самые общие его положения, опровергает только самые грубые возражения против спиритизма. Достаточно сказать, что в ту эпоху еще совершенно не было наблюдений над таким важным феноменом, как полная материализация. Но все основоположения заложены в этой книге необыкновенно прочно, начальные истины, аксиомы спиритизма формулированы с побеждающей ясностью. «Книга Медиумов» особенно полезна для лиц, только начинающих знакомиться с спиритизмом. Наши спириты, под влиянием оценки А. Н. Аксакова, до последнего времени относились к Аллану Кардеку свысока, как к человеку, будто бы пренебрегавшему факта--ми и слишком много места уделявшего поспешным обобщениям и шатким гипотезам. Это несправедливо. В его теориях много спорного, но они плод осторожного изучения фактов и домыслы сильного ума. Очень многие из объяснений Кардека до сих пор остаются наиболее правдоподобным истолкованием явлений, ошибочно называемых «таинственными». Кроме того, в «Книге Медиумов» много ответов, полученных медиумическим путем, которые имеют всю ценность документальных данных для суждения о спиритизме. Будем ли мы соглашаться с этими ответами «по существу» или нет, но самое существование их есть факт, отвергать который нельзя и объяснить который необходимо,

Приведем здесь несколько отрывков из первых страниц книги: «Многие знают о духах только из фантастических сказок, которыми их убаюкивали, как некоторые знают историю только из романов... Было бы столь же безрассудно видеть весь спиритизм в вертящемся столе, как видеть всю физику в некоторых детских игрушках... Знание всякой науки приобретается только временем и изучением; спиритизм, который обнимает в одно время человека физического и человека нравственного, составляет сам целую науку, философию, которая так же не может быть изучена в несколько часов... Многие скажут, что не имеют свободного времени, чтобы посвятить его занятиям этой наукой.. Никто их к этому не принуждает. Но когда не имеют времени изучить какой-либо предмет, то не должно браться и говорить о нем, а тем менее судить, если не желают быть обвинены в легкомыслии...» Перевод книги в лучшем случаи сносен, а местами совсем слаб.

Д-Р КАРЛ ДЮПРЕЛЬ. Спиритизм. Перевод с немецкого М. С. Аксенова. Мск. 1904. Ц. 1 р.

«Спириты и их противники, — пишет Дюпрель, — смотрят друг на друга с изумлением. — Как можно отрицать такие очевидные факты, говорят первые. Как можно верить в такие нелепости, думают последние». Дюпрель ставит себе целью показать, что спиритизм и остальные ветви человеческого знания вовсе не так разъединены, как это кажется с первого взгляда, как это думают люди «науки», а подчас и сами спириты. Между наукой и спиритизмом, по выражению Дюпреля, существуют, хотя и мало кому известные, пути сообщения. С берега науки можно добраться до берега спиритизма, не застряв в болоте суеверия. Между ними, как нейтральная полоса, лежат явления сомнамбулизма и все оккультное знание. Оккультизм есть только неведомое естествознание. («Я сам, — говорит Дюпрель, — исходил из астрономии и дарвинизма и отделяющее их от оккультизма пространство не перескочил, а прошел шаг за шагом»). Спиритизм постулируется естествознанием, он необходимый вывод из естествознания. К спиритизму необходимо приводить путь логического мышления. Если бы даже весь ныне известный спиритизм оказался не чем иным, как обманом, где-нибудь да должен бы был существовать настоящий, неподдельный спиритизм. Развитию и обоснованию этих мыслей посвящена первая глава книги Дюпреля, в которой столь же побеждает громадная и разносторонняя эрудиция автора, как увлекает его тонкое остроумие и мастерство изложения. Вторая глава, не очень тесно связанная с предыдущим, посвящена преимущественно критике Гартмана, именно его ответа на известную книгу Аксакова «Анимизм и спиритизм». Третья, заключительная глава совершенно самостоятельна и говорит о миланских спиритических сеансах 1892 года, на которых Дюпрель участвовал вместе с Ломброзо, Скиапарелли, Эрмакорой и другими учеными. Перевод г. Аксенова, на наш вкус, не передает всего изящества языка Дюпреля.

ИЗ ПРОШЛОГО

В «Русском архиве» последних лет печатаются весьма замечательные выдержки из писем А. Я. Булгакова к его брату К. Я. Булгакову, относящиеся к первым десятилетиям только что миновавшего века. К. Я. Булгаков был петербургским почт-директором, а А. Я. Булгаков постоянно жил в Москве. Между братьями существовала нежная любовь, доходившая до страсти. Почти каждый день, за исключением тех месяцев, когда им случалось бывать вместе, они обменивались письмами.

Среди пестрого отчета о праздниках, балах и беседах, среди обсуждений светских сплетен, повышений по службе и государственных событий, в письмах А. Я. Булгакова нередко встречаются сообщения о фактах совершенно иного порядка, которые мы привыкли называть медиумическими. Как верный летописец, А. Я. Булгаков рассказывает о вещих снах, о сбывшихся предчувствиях, о явлении призраков, о непокойных домах, о магнетических исцелениях и т. п. Уже одно довольно значительное количество таких рассказов, относящихся ко времени в два-три десятилетия и к сравнительно узкому кругу наблюдений, заслуживает внимания. Полная откровенность, с какой А. Я. Булгаков писал брату, и совершенно частный характер переписки, вовсе не предназначавшейся к печати, ставят вне всякого сомнения отсутствие фальши и придуманности в этих рассказах. Конечно, мы получаем их из вторых рук, но сам А. Я. Булгаков далеко не был мистиком и склонен был скорее относиться ко всем таинственным явлениям с сомнением, так что вносил он из них в свои письма только то, что особенно настоятельно требовало упоминания.

Обращая внимание всех, интересующихся медиумизмом, на «Письма А. Я. Булгакова», мы приводим из них несколько рассказов. Один из них (о княжне Шаховской) имеет значение для весьма важного вопроса по теории медиумизма: способны ли сомнамбулы разговаривать на языках, которым они не учились[1], хотя, конечно, этот рассказ не решает его окончательно: произнести молитву, которую можно заучить наизусть, не то же самое, что вести беседу на незнакомом языке. Другой рассказ указывает на случаи «видений». Третий относится к области предсмертных предчувствий.

Первый из приводимых здесь отрывков был уже напечатан в № 1 «Русск. Арх.» за текущий год; два другие взяты нами, с любезного позволения издателя «Русск. Арх.», из писем, еще не появлявшихся в печати.

Валерий Брюсов.

---

[1] См. у А. Н. Аксакова подробно: «По поводу сочинения Дасье», стр. 106 и след.; менее подробно: «Анимизм и спиритизм», 1-е изд., стр. 427 и след.

I

Москва, 17-го января 1821 г.

Младшая из княжон Шаховских[1] подвержена нервическим припадкам. Доктор Левенталь ее магнетизирует. Намедни он ее усыпил, и она в сомнамбулизме проговорила словами, коих никто не понял; потом мать спросила, что ты говорила? Молитву, маменька! — Да по-каковски? Мы никто не поняли! — По-латыни (а она, родясь, этот язык не знала). Мать засмеялась, а дочь взяла перо и написала всю молитву по-латыни; мать все утверждает, что она написала вздор, но больная тотчас перевела эту молитву по-французски. Приехал доктор, княгиня дала ему прочесть латинскую молитву. Connaissez-vous cela? — Non, mais c'est une prière. — Elle est bien ecrité? — Très bien et sans aucune faute. — Lisez ceci. — Mais, reprit le docteur, e'est une traduction très-bien faite de la prière, que vous venez de me donnez. — Et bien, e'est compose, ecrit et traduit par ma fille pendent le somnambulisme[2]. Посылаю тебе эту молитву, т. е. французский перевод. Мне все это кажется сверхъестественно; не будь это княжна Шаховская, я было думал, что доктор с нею сговорился. За нею смотрит мамушка. Княжна в сомнамбулизме говорит, что мамушка теперь в такой-то комнате, вяжет чулок, и точно правда. Другой раз бредит; ее спрашивают, позвать ли мамушку? — Нет, не трогайте; она, бедная, устала, спит лицом к улице, и вышло точно так. Княжна сама говорит во сне, какое ей дать лекарство, и назначает препорцию, унциями, и все по-латыни. Все это рассказывала ее мать, которая совсем не лжива. У княжны такие были припадки прежде, что она билась головою об стену, и комната ее вся обита матрасами. Она в декабре объявила, что 17-го будет при смерти (и была), что 25-го генваря совсем выздоровеет; ей 14 лет, она очень расслаблена.

II

Москва, 8 и 9 февраля 1827 г.

Много делает шуму болезнь С. С. Апраксина, который очень плох; и подлинно, в его лета не шутка нервическая горячка. Вчера он исповедался и

[1] Речь идет о семье князя Александра Михайловича, в то время уже покойного. У него было восемь дочерей.

[2] Знаете ли вы это? — Нет, но это молитва. — Правильно ли она написана? — Вполне правильно, без единой ошибки. — Теперь прочтите вот это. — Но, возразил доктор, это не что иное, как перевод, и прекрасный, той молитвы, которую вы мне дали. — Ну вот, все это сочинено, написано и переведено моей дочерью в сомнамбулическом состоянии.

причащался и сам просил, чтобы его маслом соборовали, что он и исполнил ночью; нарочно, чтобы никто об этом не знал. Что более делает вреда больному, это видения; их было уже несколько у него, а последнее его поразило. Il ne s'en explique pas; но когда Волков ему заметил, что находит его лучше, то он отвечал таинственно: мне будет лучше, когда ты пришлешь спросить обо мне, и тебе скажут, что меня нет в доме. Впрочем, он очень тверд, дал разные отпускные и награждения людям, вчера велел себя перенести в другую комнату, говоря: не хочу тут умереть, а на постели. С. С. давно уже иначе не ездил со двора, как с кем-нибудь в карете. Он имел два видения в разные эпохи жизни; второй раз старик, который ему представлялся, сказал, что в третий раз явится объявить ему о кончине, и подлинно, старец дней десять тому назад явился Апраксину для сдержания слова своего, и это чрезмерно испугало и встревожило больного[1].

III

Москва, 26 марта 1828 г.

Странное было происшествие вчера. Есть одна старая княгиня Оболенская, живущая в Страстном монастыре. Она была долго больна. В последнее время имела она видение или сон, что умрет в ту минуту, как запоют Христос Воскресе. Чем ее испугать, это предвещание ее обрадовало; она стала говеть, исповедовалась, причастилась, велела себя везти к заутрени в приход, где был дом ее отца, тут распростилась со всеми знакомыми. К концу службы стала ослабевать, а как запели Христос Воскресе, то она села на стул, с коего привстала было, чтобы перекреститься — и умерла! Теперь нет иного разговора, как о странной этой смерти. Конечно, пораженное воображение, действуя над ослабевшим телом, могло произвести эту кончину, которая многим кажется чудесною.

[1] Степ. Степ. Апраксин скончался в тот же день, 8 февраля, в 5 час. пополудни.

ОТЗЫВЫ В. С. СОЛОВЬЕВА О СПИРИТИЗМЕ И О РЕНАНЕ

В августовской книжке «Вестника Европы» 1902 года напечатаны письма В. С. Соловьева к князю Д. Н. Цертелеву за 1874-1878 годы. Кроме житейских сообщений и философских споров, в этих письмах много места отведено спиритизму. «Я все более и более убеждаюсь, — сказано в письме от 8 января 1875 года, — в важности и даже необходимости спиритических явлений для установления настоящей метафизики, но пока не намерен высказывать этого открыто, потому что делу это пользы не принесет, а мне доставит плохую репутацию».

В письме от 19 июня 1876 года находим резкий отзыв нашего философа о Ренане. «Относительно твоего поручения[1] — пишет Соловьев, — я мог спросить только у Ренана. Он сказал мне, что писать на академическую премию могут только французы. Может быть, он соврал, потому что вообще он произвед на меня впечатление пустейшего враля».

---

[1] Какое это поручение? П. Б.<артенев>.

ЭЗОТЕРИЗМ

Рецензии. Статьи об Агриппе Неттесгеймском. Пророчества Нострадамуса

АГРИППА
НЕТТЕСГЕЙМСКІЙ

ПАПЮС. Первоначальные сведения по оккультизму. Перевод с 5 издания. СПб. Изд. Г. Пожарова и Л. Дохмена. Ц. 3 р.

Как древний Восток, так и классическая древность Эллады и Рима знала два ряда наук: внешних, явных, и тайных, скрытых. Каждой явной науке соответствовала, как ее высшая ступень, — тайная: химии — алхимия, астрономии — астрология, медицине — герметическая медицина и т. д. В Средние века, при глубоком упадке всех вообще знаний, в Европе продолжали тлеть и даже медленно развиваться обе отрасли наук, и явные и тайные. С эпохи Возрождения начинается быстрый рост точной науки, которая в начале XVШ и в XIX веке, наконец, как бы совсем заглушает, подавляет тайные, запретные, оккультные знания. Но тогда же, в середине XIX века, появляется целый ряд сильных умов, которые всю свою энергию направляют на восстановление тайного знания древности.

Новые завоевания истории, прочитавшей гиероглифы и клинообразные письмена, обнародовавшей тайные книги индусов, сделавшей известными книги майев, — дал им в руки могучие средства для восстановления утраченных человечеством знаний. И вот на наших глазах возникает новый оккультизм, вооруженный всеми силами современной положительной науки и стремящийся создать новую алхимию, новую астрологию, новую магию, новую психургию... В широких кругах общества это движение, конечно, не замечено, — да и не могло быть иначе, потому что дело идет о возрождении знания тайного, оккультного, эзотерического, предназначенного для небольшого круга достойных посвящения. Только на малый отдел психургии, именно на некромантику, одно время случайно наткнулось современное общество и занималось им около полустолетия под нелепым названием «спиритизма». Успех «спиритизма», столоверчения и разговоров с духами посредством медиумического письма или разного рода типтографий — имеет очень немного общего с истинным возрождением оккультных знаний, которое совершалось в замкнутых кругах искателей.

Папюс принадлежит к числу выдающихся писателей по оккультизму, хотя гораздо более как компилятор, чем как автор самостоятельных исследований. В «Первоначальных сведениях» (озаглавленных в подлиннике «Элементарный трактат по оккультному знанию») не надо, однако, видеть какого-то «разоблачения» всех тайн запретных наук. Книга ни в каком случае не имеет в виду популяризировать оккультное знание, что само по себе нелепо; она предназначена не для любопытного, а для начинающего. Она дает первоначальную ориентировку в мире «тайных» знаний, знакомит с их задачами и целями, разъясняет основные их приемы, наконец, истолковывает термины и дает библиографические указания. Вот и все. Самое «тайное знание» надо искать уже за пределами трактата Пашоса. Поэтому мы

не считаем существенным недостатком некоторую поверхностность, какое-то французское легкомыслие, с каким она написана, и даже прямые промахи автора, на которые не раз указывала специальная критика. Для тех, кто остановится на книге Папюса, не так важно, что он смешал одну масонскую ложу с другой, а те, кто пойдут в своем изучении дальше, никогда не будут относиться к «Трактату», как к эакопоположительной книге. Для русскаго же читателя книга Папюса является пока единственным обзором оккультного знания в его целом. Жаль только, что перевод сделан с 5-го издания. В 1903 году появилось уже 7-е французское издание (Papus, Traité éléementaire de Science Occulte. 7-me éd. Paul Ollendorff, Paris), значительно дополненное сравнительно с предыдущими: так, автором, кроме мелких пополнений, прибавлено целиком несколько новых глав, воспроизведение редкой брошюры 1615 года «Sur la Secrète Philosophie», очень полезный для начинающих словарь терминов и ряд портретов выдающихся деятелей современного оккультизма: Fabre d'OIivet, Eliphas Lévi, Ch. Fauvety, Louis Lucas, St. de Guaita, Saint-Yves d'Alveydres и др.

БРАМАН ЧАТТЕРДЖИ. Сокровенная религиозная философия Индии. Предисловие и перевод с 3-го французского издания Е. П. Калуга 1906. Ц. 70 к.

Книга предназначена для лиц, совершенно незнакомых с эзотерическим учением браманизма и теософией. Это — ряд публичных лекций, прочитанных в 1898 г., в Брюсселе, браманом Чаттерджи и излагающих элементы учения о планах вселенной, о кальпах или циклических процессах мироздания, о перевоплощении и карме. Индусская философия считает себя наукой экспериментальной и в этом отношении противополагает себя спекулятивной европейской философии. «Это не гипотезы, а наблюдения», «мы опираемся на показания тех, которые не предполагают, а знают, — такие утверждения встречаются в книге несколько раз. Но автор имеет в виду наблюдения «посвященных», лиц, у которых «достаточно развито астральное зрение». Так как развитие в себе такой способности не всем доступно и во всяком случае требует долгого искуса и многолетних упражнений, то для среднего европейского читателя эта философия и представляется основанной не столько на опыте, сколько на схоластическом авторитете. Отметим мысли автора о смертной казни, наводящие на раздумья о нашей современной действительности. «В странах, где существует смертная казнь, — пишет браман Чаттерджи, — преступления не только не уменьшаются, а увеличиваются. Причина такого явления вполне понятна. Человека нельзя убить. Казня убийцу, вы распоряжаетесь только его физическим телом. Он остается живым в самых низших сферах невидимого мира, со всей своей ненавистью и со всеми своими страстями. С быстротою мысли он переносится из одного места в другое, овладевая дурной волей, направляя к преступлению тех, которые питают мысли ненависти или мщения. Следовательно, истребляя преступников, вы этим только увеличиваете число преступлений».

Перевод книги исполнен любовно и со знанием дела. Провинциальной типографии мы не можем, однако, не поставить в вину большого числа опечаток и множества букв из другого шрифта, пестрящих страницы.

С. ТУХОЛКА. Оккультизм и магия. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1907. Ц. 1 р.

Ясный и сравнительно обстоятельный обзор явлений, которыми занимаются «оккультные» науки. Однако, многие вопросы разобраны слишком поверхностно и, так сказать, «упрощены», в ущерб их серьезности. Вероятно, это объясняется незначительными размерами сочинения. Во всяком случае, книга г. Тухолки, хотя и короче аналогичного сочинения Папюса (имеющегося в русском переводе: «Первоначальные сведения по оккультизму»), дает начинающему читателю нисколько не меньше. К сожалению, г. Тухолка пользовался исключительно французскими источниками.

БИБЛИОТЕКА ОККУЛЬТНЫХ НАУК. Древняя высшая магия. Теория и практические формулы (P. Piobb. Formulaire de haute magie). Перев. И. Антошевского под ред. И. Свешотна. Изд. И. Куприянова и А. Лаптева. СПб. Ц. 80 р.

Книга принадлежит к числу никому не нужных. Для лиц, знакомых с магией, она бесполезна, так как сообщает только самые элементарные сведения. Для неофитов — она совершенно непонятна, потому что дает, почти без объяснений, голые формулы и перечни имен. По-видимому, составитель книги, г. Пиобб, знаком с предметом лишь поверхностно и просто выписал из классических сочинений (Петра Абанского и др.) или взял из вторых рук несколько мест, которые ему показались особенно интересными. Вот пример той случайности, с какой автор собирал свой материал. В IV-ой книге «De Occulta Phllosophia», приписываемой Агриппе Неттесгеймскому, дана таблица простейших «характеров» (т. е. знаков) светлых и темных демонов. «Характеры» расположены рядами, по три в каждом, напр.: линия перпендикулярная, горизонтальная, косая; буква связанная (inhaerens), соединенная (adhaerens), обособленная (separata); скипетр, меч, бич и т. под. Все это у г. Пиобба заменено двумя табличками, которым по-русски дано нелепое заглавие: «Магические изображения (?) добрых и злых духов» и где без всякой системы даны некоторые из этих знаков, вырванные из своего троичного расположения. Так, в таблице «добрых» духов даны все три формы букв — inhaerens, adhaerens, separata, но безо всякого объяснения; а в таблице «злых» духов, из соответствующих трех форм — recta, retrograda, inversa — даны почему-то лишь две, но зато с подписями, и т. д. При этом о «характерах» демонов автор не говорит вовсе, и неопытному читателю должны показаться совершенно необъяснимыми знаки на талисманах, о которых речь идет в конце книги.

Перевод слаб и обнаруживает плохое знакомство переводчика с предметом. Самое русское заглавие книги — нелепо, потому что она трактует не о «древней» магии.

П. Д. УСПЕНСКИЙ. Символы Таро. Философия оккультизма в рисунках и числах. СПб., 1912 г. Стр. 48. Ц. 70 к.

П. Д. Успенский, автор двух любопытных и содержательных книг — «Четвертое измерение» и «Tertium organum», посвятил небольшую брошюру гадательным картам Таро. К сожалению, эта работа смелого исследователя, сумевшего показать важное значение многих вопросов, к которым у нас «не принято» относиться серьезно, — значительно слабее предыдущих. В сущности, в брошюре г. Успенского заслуживает внимания только ее тема. Карты Таро достоверно известны с XIV века, но предание приписывает изобретение их жрецам древнего Египта. Литература о Таро громадна: в нее входят сочинения Сен-Мартена, Элифаса Леви, де-Гюайта, О. Вирта и др. Исследователи Таро видят в 78 картах этой колоды ключ ко всем тайнам мироздания; они считают, что, вдумываясь в состав этой гадательной колоды и комбинируя символы отдельных карт, можно восстановить все те истины, которые были известны мудрецам погибшей Атлантиды и завещаны ими жрецам Египта. Г. Успенский приводит следующие слова Э. Леви: «Человек, заключенный в тюрьму и не имеющий никаких других книг, кроме Таро, если он будет знать, как с ним обращаться, может в несколько лет приобрести универсальные знания и будет в состоянии говорить на любую тему с недосягаемой эрудицией». Бесспорно, было бы интересно проверить подлинную древность символов Таро, сделать критический свод всех его толкований и на этом прочном основании оценить философское значение этой «гадательной колоды карт». Г. Успенский не пошел этим путем, но, дав весьма краткий исторический очерк Таро, решил, что «ключом к Таро должна являться фантазия». Исходя из такого решения, г. Успенский позволил себе переставлять установленный порядок карт, изменять названия некоторых из них, соединять их в произвольные пары и потом свободно фантазировать на тему о их значении. Для того, чтобы подобная свободная фантазия получила значение серьезное, нужны совершенно исключительные способности к интуиции, которых, на наш взгляд, г. Успенский не обнаружил. Отказавшись от более скромной роли — познакомить русских читателей с историческими судьбами Таро, он дал только ряд домыслов, весьма произвольных и сомнительной философской ценности. Наиболее же интересные мысли, встречающиеся в толкованиях г. Успенского, принадлежат не ему, но заимствованы им из обширной литературы оккультизма.

EDOUARD SCHURÉ. L'Evolution divine du Sphinx au Christ. Librairie academique Perrin et C-ie. Paris, 1913. P. 16 + 444. Pr. 3 fr. 50.

Как известно, вторая половина XIX века ознаменована, между прочим, возрождением так называемого эзотеризма, — круга оккультных наук, известнейшими представителями которых когда-то являлись магия, алхимия, астрология и т. под. Целый ряд ученых, которым нельзя отказать в обширной эрудиции, — Элифас Леви, Станислав де Гуайта, Сент-Ив д'Альвейдр, не говоря о других, — сделали попытки воскресить методы и дисциплины, казалось бы, навсегда похороненные эпохой позитивизма. Среди адептов этого направления, пишущих в наши дни, немалой известностью пользуется и Эд. Шюре, автор книги «Les Grands Initiés», переведенной едва ли не на все европейские языки, в том числе и на русский («Великие посвященные», СПб., 1910 г.). Увлекательность изложения, логичность доказательств, оригинальность выводов — придают книгам Шюре значение выдающееся. Теми же достоинствами обладает и его новый труд, имеющий даже то преимущество, что в нем автор дает меньше простора чистой фантазии, чем в других своих книгах, напр., в «Великих посвященных». Для тех, кто пожелал бы ознакомиться с доктринами современного оккультизма, книгу Шюре можно рекомендовать, как одно из лучших пособий. Реальная же ценность теорий и утверждений оккультистов зависит от того, насколько они правы, утверждая, что традиция «тайных обществ» содержит «истины», неизвестные современной науке. Это приводит к коренному вопросу оккультизма — к его учению о культуре Атлантиды, великого материка, смутные известия о котором сохранили нам Платон и некоторые другие античные писатели. Атлантида, по учению оккультистов, в незапамятные времена достигла расцвета культуры, бесконечно высшей, нежели наша, и после ряда катаклизмов окончательно погибла (была поглощена океаном) в 10-м тысячелетии до Р. Х., успев, однако, заложить начатки цивилизаций в Египте, на Крите, в Индии и, может быть, в первобытной Америке (культура майев). Некоторые доводы, приводимые оккультистами в доказательство существования Атлантиды, не лишены значительности: таковы (кроме геологических) таинственное происхождение «эгейской культуры», носящей черты «декаданса», явный регресс Египта после величия доисторического царства и фараонов первых династий, необъяснимое совпадение некоторых символов и иероглифов египетских, индийских и майских и т. п. Давно уже есть потребность в том, чтобы и положительная наука своими методами расследовала вопрос о существовании Атлантиды.

АГРИППА НЕТТЕСГЕЙМСКИЙ

(La philosophie occulte ou la Magie de Henri Corneille-Agrippa. Première traduction française complète. Bibliothèque Chacornac. Paris 1910. Tome I. Pp. XXX + 448. — Joseph Orsier. Un adventurier célèbre du XVI siècle: Cornelis Agrippa. La Revue des Idées. 15 septembre 1910).

Потомство оклеветало Агриппу. Изо всех его сочинений оно запомнило лишь одно, трактат «О сокровенной философии», которому он сам не придавал никакого значения. Народная молва сделала из Агриппы чернокнижника, мага, и связала с его именем множество фантастических легенд, одна другой нелепей. Ученые, изучая знаменательную эпоху немецкого Возрождения, как-то сторонятся Агриппы, так как он не принадлежал непосредственно ни к одному из кружков гуманистов. Его образ до сих пор не получил надлежащей оценки, и до сих пор он не занял в истории просвещения того места, на какое имеет право.

Надо сознаться, что сам Агриппа не совсем неповинен в таком к себе отношении. Конец XV и начало XVI века разделили людей, особенно население Германии, резко на два круга: проповедников нового, сторонников Эразма и Рейхлина, «гуманистов», и защитников старого, «темных людей», «обскурантов». Агриппа не сумел или не захотел определенно выбрать свое место в одном из двух лагерей. Многими чертами своего характера и своей деятельности он примыкал к гуманистам. Свои профессорские чтения он начал с толкования одного сочинения Рейхлина. С Эразмом он был в переписке и отзывался о нем с величайшим почтением. Всю жизнь он боролся с монахами, естественными защитниками всякого обскурантизма, и не раз подвергался преследованиям с их стороны. При всем том Агриппа был хорошо и разносторонне образован, хорошо знал древних, легко и правильно писал по-латыни. Но много было в Агриппе и «от старого». Он никогда не мог освободиться от старой, чисто схоластической манеры излагать свои мысли. Он как-то чуждался тех тем, которые привлекали особое внимание гуманистов. Предметом его первого большого сочинения была магия. Само по себе это еще не могло восстановить против Агриппы сторонников нового; в силу магии верили многие образованнейшие умы того времени: Пико де Мирандола написал сочинение, доказывающее существование ведьм, Гемистос Плето изъяснял природу демонов и т. д. Но трактат Агриппы был весь основан на старых сочинениях такого рода, не был свободным исследованием магических явлений, но был переполнен изложением отживших взглядов и суждений. Второе большое сочинение Агриппы трактовало о недостоверности познания, тогда как гуманисты выше всего ставили имен-

но просвещение и науку. В жизни Агриппа, замкнутый и суровый, держался особняком и не хотел признавать над собой никаких авторитетов. Он писал к Эразму как равный к равному и требовал к себе отношения как к учителю, magister, а гуманисты по многим причинам не считали его притязания оправданными. Все это отделяло, обособляло его от «новых людей».

В жизни Агриппа был типический представитель людей Возрождения. Как все выдающиеся люди той эпохи, он обладал познаниями энциклопедическими, брался за все, от военного дела до магии, от должности инженера до места историографа, был то юристом, то медиком, то теологом, и, не имея на то никаких официальных прав, писал на заглавии своих книг после своего имени «доктор обоих прав и медицины». Непоседливый, тоже как все люди Возрождения, он не мог ужиться подолгу ни в одном городе, исколесил всю Европу в поисках счастья, поочередно избирал местами своей деятельности то Италию, то Францию, то Англию, то Швейцарию, то разные города Германии. Родившись в сентябре 1486 года, в Кельне, он рано вступил на военную службу, в австрийскую армию, совершил походы в Испанию, Италию и Голландию. Потом слушал лекции в Париже, вновь участвовал в испанском походе, а в 1509 году уже сам выступил как профессор в университете в Доле. В эпоху, когда Меланхтон читал лекции 17 лет от роду, это вовсе не было рано. Вскоре Агриппе, по обвинению в ереси, пришлось укрываться в Англии; затем он был профессором теологии в Кельне, придворным в свите императора Максимилиана в Италии, участником церковного собора в Пизе, вновь профессором в Павии и в Турине. Несколько спокойных лет провел он в Меце, на службе у города, как синдик, адвокат и оратор. От преследований монахов ему пришлось укрыться в Женеве; после того он с успехом практиковал как врач в Фрибурге, перешел на службу к французскому двору и был лейб-медиком королевы-матери в Лионе, в то же время занимаясь изобретением каких-то военных машин; оставив государственную службу, вновь практиковал как частный врач в Антверпене, но был принужден отказаться от медицинской практики за неимением соответствующего диплома. Получив звание придворного историографа императора Карла V, он поселился в Милане, но должен был вскоре бежать из этого города. Потеряв почти всех своих покровителей, он вел после того довольно несчастное существование, дважды был брошен в тюрьму кредиторами, в Брюсселе и в Лионе, и умер, почти одиноким, в Гренобле, в 1535 году. За все время этой тревожной, походной жизни он не переставал учиться и писать, издавал и маленькие памфлеты и большие ученые трактаты, вел огромную переписку со всеми видными людьми своего времени и был постоянно окружен группой учеников, которым расточал свои многообразные познания. Остается добавить, что не бедна была и личная жизнь Агриппы: он был трижды женат, имел несколько человек детей, испытал и в семейной жизни немало тяжелых огорчений.

Сочинения Агриппы столь же разнообразны, как и его жизнь. В собрании его сочинений, вышедшем после его смерти в Лионе, в двух больших томах очень убористой печати, мы находим трактаты по магии, демонологии, каббале, рассуждения теологические (о таинстве брака, о первородном грехе и т. п.), историческое исследование о коронации Карла V, книгу о пиромахии (огнестрельном оружии), маленький, парадоксальный «опыт» о превосходстве женского пола над мужским, комментарии к сочинениям Раймонда Люлдия, комментарии к сочинениям Плиния младшего, немало других «маленьких трактатов» (так их озаглавил сам Агриппа) и, наконец, сочинение «О недостоверности познания», в котором разбираются и критикуются положительно все отрасли знания того времени. В сущности говоря, большинство из них не что иное, как остроумно развитые парадоксы. Бесспорный парадокс — сочинение о превосходстве женского пола (между прочим, имевшее наибольший успех среди всех сочинений Агриппы и много раз переведенное на разные языки в течение XVI-XVII веков), парадоксы и многие «маленькие трактаты»; но так же парадоксальны и два основных сочинения Агриппы: «О сокровенной философии» и «О недостоверности познания». Дело в том, что в обоих этих сочинениях Агриппа защищал тезисы, которые сам не разделял. Он, как это видно по его позднейшим письмам, разочаровался в силах магии, считал веру в возможность овладеть силами демонов — предрассудком, а магические церемонии — шарлатанством[1]. Это не помешало ему написать подробное изложение всех знаний, связанных с магией, и постараться привести их в стройную систему, строго по методам науки своего времени. Изложению предпослан род философского вступления, излагающего предпосылки оккультного знания (те самые, на которые, с малыми изменениями, опираются и современные оккультисты). С другой стороны, Агриппа был убежден, как сам говорит в письме к Эразму, в пользе и высоком значении науки. Однако он постарался добросовестно выискать все доводы, какие только мог найти, против знания вообще и против каждой науки в частности. Его занимала в этом деле борьба с очевидностью, как бы некоторый tour de force ума и остроумия. И надо сознаться, что иные доводы Агриппы (к сожалению, далеко не все) берут вопрос глубоко и подготовляют почву для будущего критицизма.

Бесспорно, личность Агриппы, его сочинения, его взгляды заслуживают внимания историков культуры и историков философии. Между тем, последнее сколько-нибудь основательное исследование жизни и трудов Агриппы появилось уже тридцать лет тому назад: это двухтомное сочинение Auguste

---

[1] Одним из благороднейших эпизодов в жизни Агриппы является, между прочим, его защита одной бедной женщины из деревни Войпи, обвиненной в 1519 году в колдовстве. Агриппа взял на себя вести ее процесс, выиграл его и в полном смысле слова спас несчастную из рук инквизитора, может быть, от костра.

Prost, Corneille Agrippa, sa vie et ses oeuvres, Champion libraire, Paris 1882. Биографический очерк, заглавие которого выписано выше, помещенный минувшей осенью в журнале La Revue des Idées и принадлежащий перу молодого ученого Жозефа Орсье, не имеет притязаний на всестороннюю оценку личности Агриппы. Это — просто биографический очерк, хотя прекрасно написанный, живой и обстоятельный, основанный на самостоятельном изучении переписки Агриппы. Орсье разъясняет некоторые темные пункты биографии Агриппы, выставляет несколько остроумных догадок, дает яркую и, при всей сжатости очерка, последовательную картину его жизни, но не задается целью ни охарактеризовать научные и философские взгляды Агриппы, ни определить его место в ходе развития его эпохи. Для этого, как, впрочем, и для более основательного исследования самой биографии Агриппы, необходимо привлечь более разнообразный материал и, вероятно, не только печатный, но и архивный. Необходимо также более детальное изучение сочинений самого Агриппы.

Этому последнему может содействовать новое издание французского перевода знаменитейшего сочинения Агриппы, предпринятое фирмой Шакорнак, специально издающей книги по магии и оккультизму. Издания оригиналов сочинений Агриппы не было с XVI века. Издания переводов различных его сочинений прекратились в XVIII веке. Все эти издания, конечно, давно стали книжными редкостями. В XIX веке вышел лишь немецкий перевод магических сочинений Агриппы: Agrippa von Nettesheim, Magische Werke, einzige deutsche Uebersetzung, Verlag von J. Scheible, Stutgart 1855-1856. Новое французское издание не есть новый перевод: это «обновление», как выражаются издатели, старого перевода А. Левассера, вышедшего в Гааге в 1727 году. Сколько мы могли проверить, перевод верен, хотя местами слишком свободен и позволяет понять мысль автора иначе, чем она выражена в подлиннике. Это особенно относится к наиболее ответственной части сочинения, его первой части, где Агриппа излагает философию оккультизма: учение о всемирном соответствии, связывающем между собой все явления вселенной и позволяющем через самое малое влиять на самое великое.

Как мы уже говорили, сам Агриппа не придавал большого значения своему трактату «О сокровенной философии», предпочитая ему другие свои сочинения. В предисловии, которое, к сожалению, французскими издателями опущено, Агриппа настаивал на том, что это — его юношеское сочинение, что он не стал бы его печатать, если бы оно не распространилось уже в списках неверных и с искажениями, за которые автор не может взять на себя ответственность, и что, наконец, вся цель его была не доказать те или иные положения, а только изложить существующие взгляды (non probo, sed narro). Говоря о разных искажениях, которые делали в его сочинениях переписчики, Агриппа, вероятно, еще не мог иметь в виду так называемую

«четвертую часть» трактата «О сокровенной философии», так как эта часть, по-видимому (это, впрочем, не доказано), появилась уже после его смерти. Написанная совсем другим языком и в другой манере, нежели все сочинение, эта четвертая часть содержит в себе практические наставления о вызывании и заклинании демонов, составлении «магических кругов» и т. п. Все это было решительно чуждо Агриппе, интересовавшемуся исключительно научной, отвлеченной стороной вопроса. Между тем эта «четвертая часть» занимает свое место в новом французском издании трактата, так же как и сходные с ней по содержанию сочинения Петра Абанского, издавна присоединяемые к сочинениям Агриппы. Это показывает, что французские издатели преследовали цели не научные, а только стремились удовлетворить спрос на книги по магии и оккультным знаниям, который вновь возник в европейском обществе в конце XIX века и за последние годы перекинулся и к нам.

ЛЕГЕНДА О АГРИППЕ

Современники знали Агриппу преимущественно как чародея. С ранней юности за ним утвердилось имя «мага», и надо сказать, что он и сам не старался разрушить такого представления. Хотя в своих серьезных сочинениях он решительно восставал против «оперативной магии», но эти его книги были мало кому доступны. Большинство продолжало считать его чародеем, и даже короли обращались к нему с просьбами о предсказаниях. Изданием «Сокровенной философии», в истинный смысл которой нелегко было проникнуть, окончательно было утверждено такое мнение.

Это обстоятельство, в связи с особенностями жизни Агриппы, замкнутой, непоседливой, исполненной самыми разнообразными приключениями, повело к тому, что личность Агриппы оказалась окруженной целым роем самых фантастических легенд. Об нем рассказывали удивительные вещи, к нему относили басни, сложенные про всех других чернокнижников, и не было такой нелепой истории, которой не дали бы веры, если она была применена к Агриппе. Агриппа, в народном представлении, долгое время оставался олицетворением чародея, и только слава Фауста (бывшего, кстати сказать, младшим современником Агриппы) несколько поколебала авторитет Агриппы как мага.

Старые биографы Агриппы заполняли свои сочинения преимущественно этими фантастическими легендами, приурочивая их, с большей или меньшей возможностью, к различным эпохам жизни философа.

Вот некоторые из этих рассказов:

Генрих Говард, граф Шерри, даровитый поэт, придворный Генриха VIII, короля английского, оплакивал смерть своей горячо любимой жены, прекрасной Жиральдины, дочери лорда Кильдара. Говард обратился к Агриппе с просьбой вызвать ему дух умершей. Чародей не отказался и показал Говарду лик его жены в магическом зеркале[1].

Во время испанского похода Антонио де Лейва Агриппа, участвуя в его войске, чародейством способствовал будто бы успеху всех предприятий имперской армии. Антонио де Лейва после того представил Агриппу Карлу V, и чародей осмелился предложить императору снабдить его большими средствами с помощью магических операций. Конечно, Карл V с негодованием отверг это предложение, и Агриппа должен был спастись бегством от справедливого гнева императора.

Часто, во время своих переездов, Агриппа расплачивался в гостиницах деньгами, которые имели все признаки подлинных. Конечно, по отъезде

---

[1] Вальтер-Скотт воспользовался этой легендой в своей балладе «The Lay of the Last Minstrel».

философа монеты превращались в навоз. Одной женщине Агриппа подарил корзину золотых монет; на другой день с этими монетами произошло то же самое: корзина оказалась наполненной лошадиным навозом[1].

Во время пребывания Агриппы в Лувене, один из учеников философа проник, с помощью его жены, в его кабинет. Там, пользуясь книгой магических заклинаний, он вызвал демона. Но ученик не имел никакой власти над демоном, и тот в ярости бросился на юношу и задушил его. В эту самую минуту Агриппа вернулся. Поняв, что ему грозит обвинение в убийстве юноши, Агриппа немедленно приказал демону войти в тело убитого и, выйдя из дому, отправиться на людную площадь. Там демон покинул тело ученика, и оно пало на землю бездыханным. Многочисленные же свидетели этого явления могли подтвердить с полным убеждением, что бедный юноша умер скоропостижно и что Агриппа в его смерти не повинен[2].

Рассказывали, что однажды Агриппа читал лекцию во Фрейбурге в 10 час. утра, и в тот же самый час он же начал чтение другой лекции в Понт-а-Муссоне (Pont-a-Mousson, в латинизированной форме Pontimussi), на расстоянии многих миль[3].

Агриппе приписывали способность вычитывать на диске луны о событиях, совершавшихся на всех концах света, или получать об них сведения через своих домашних демонов. Жан Вир, ученик Агриппы, объясняет эту осведомленность гораздо проще: обширной перепиской, которую вел Агриппа с учеными всех стран. Смерть Агриппы также окружена легендой. Павел Иовий рассказывал, что у Агриппы была собака с кличкой Monsieur, которая была не что иное, как демон, обращенный чародеем в образ собаки. Чувствуя приближение смерти, Агриппа подозвал собаку к своей постели, снял с нее ошейник, на котором были каббалистические знаки, и сказал: «Поди прочь, проклятое животное, из-за тебя я погиб!» Собака тотчас выбежала из дома, бросилась в реку и утонула. Вир объясняет, что Monsieur был самым обыкновенным псом, так же как и другая любимая собака Агриппы с кличкой Madame.

О смерти Агриппы исторические известия современников расходятся. Есть, напр., совершенно недостоверное известие (Thévet), будто он умер в Лионе. Оно опровергается категорическим свидетельством Вира. Другие биографы Агриппы (Jovius) говорят, что он умер в Гренобле, в гостинице.

---

[1] Все эти истории передает Del Rio, «Disquisitionum magicarum libri sex», lib. II, sec. I, quaestio XXIX. (Цитируем по изд. 1640, Venetiis; первое изд. книги появилось в 1599 г.

[2] Поводом к этой легенде послужил случай с Жаном Виром (см. выше, наше примечание к гл. XIII < :«Учеником Агриппы Вир был еще в очень молодых годах (в 1533 г., т. е. лет 18). Вир сам рассказывает, что однажды — будучи, конечно, убежден, как большинство, что его учитель занимается заклинанием демонов, — похитил тайно у Агриппы “Стеганографию” Тритгейма и списал оттуда формулы заклинаний».>

[3] Это сообщает Thévet; в книге «Les vrais portraits» он же повторяет многие рассказы Дель-Рио.

Согласно исследованиям Ги Аллара (Guy Allard, р. в 1645 г., ум. 1716 г.) Агриппа умер (с чем согласен и Орсье) в Гренобле, в доме Франсуа де Вашона. По исследованиям же некоего Шорье, жившего одновременно с Алларом, Агриппа скончался в Гренобле, но в другом доме, на улице des Clercs, принадлежавшем тогда члену парламента Феррану, где в 1457 г. умер известный юрист Ги Пап[1].

Легенда об Агриппе с течением лет все разрасталась. Рабле изобразил своего современника в злой карикатуре, в лице шарлатана Her Trippa. Сирано де Бержерак, в одном из своих писем, заставлял даже дух Агриппы творить чудеса[2]. Отголоски этих сказаний доходят до начала XIX века.

Благодаря трудам новых историков, личность Агриппы начинает выходить из тумана долго окружавшей его легенды. Прочтя хотя бы биографический очерк Орсье, уже нельзя видеть в Агриппе ни чародея, всю жизнь проведшего в общении с нечистой силой, ни только шарлатана, тридцать лет морочившего и простой народ, и королей хитрыми проделками и искусными фокусами. Мы знаем теперь не того Агриппу, которым пугали детей в XVI веке, не чернокнижника, водящего на привязи дьявола в виде собаки, но Агриппу, неутомимого трудолюбца, энциклопедически образованного ученого, бесстрашного и честного мыслителя, прекрасного стилиста и язвительного памфлетиста. Агриппа не был чужд предрассудков своего времени, — но кто же в силах вполне от них освободиться? Агриппа вел жизнь искателя приключений, был неуживчив, надменен, любил споры и не уступал своим противникам ни в чем, — но таков был дух эпохи, той славной эпохи, когда конквистадоры завоевывали Новый Свет, когда создавались новые империи, когда жили Кортец и Бенвенуто Челлини. Желчность Агриппы, непримиримость его ненависти искупались его нежной любовью к жене, к «ангелоподобной» Жанне-Луизе, и к семье; некоторое лицемерие, которое случалось проявлять Агриппе, его некоторая неразборчивость в выборе покровителей, оправдывается тяжелыми условиями его жизни, постоянной нуждой, доходившей порой до нищеты, гонениями со стороны сильных врагов, черной неблагодарностью, какой ему платили люди, пользовавшиеся его услугами. А все «чародейства» Агриппы, право, искуплены его беспощадной критикой шарлатанства современных ему магов и тем благородством, с каким он, рискуя собственным благополучием, — а, может быть, и жизнью, — бросился на защиту бедной крестьянки из деревни Войпи, обвиненной в колдовстве.

---

[1] Aug. Prost, «Corneille Agrippa», II, 404-6.
[2] Приведено у Collin de Plancy, «Dictionnaire Infernal», I, 41-46.

СОЧИНЕНИЯ АГРИППЫ И ИСТОЧНИКИ ЕГО БИОГРАФИИ

Агриппа был одним из наиболее видных писателей своего времени. Его книги, еще при жизни автора, появились в нескольких изданиях и постоянно переиздавались после его смерти. Большинство его сочинений было вскоре после их появлений переведено на все европейские языки. В течение трех столетий Агриппа почитался непререкаемым авторитетом, и длинный ряд поколений искал в его сочинениях ответа на величайшие вопросы человеческого ума.

При жизни Агриппы были изданы следующие его сочинения, один перечень которых показывает, как разносторонни и всеобъемлющи были его понятия и интересы[1]:

1) О таинстве брака (латинский текст и французский перевод, сделанный самим автором.) Брошюра в 36 стр. Лион, 1526 г.

2) Астрологические предсказания. Брошюра. Лион, 1526 г.

3) Собрание маленьких трактатов: I) О благородстве и превосходстве женского пола; II) О чудодейственном слове (De verbo mirifico); III) О таинстве брака (2-е изд.); IV) О троичном пути к постижению Божества; V) Опровержение языческого богословия; VI) О первородном грехе; VII) Против вредных учений. 84 стр. Антверпен 1529. — Второе издание: Кельн 1532 г. В нем к перечисленным сочинениям были присоединены: VIII) Две речи о монашеском житии.

4) Коронование Карла V. Антверпен 1530. — Второе издание: Кельн 1535 г. Во 2 изд. описание коронования распространено и прибавлены стихотворные эпиграммы Агриппы.

5) О недостоверности и тщете наук и искусств. Книга в 170 стр. Антверпен 1530. — Следующие издания в 1531 (6 изданий в один год), 1532 (2 издания) и около 1533-34 (2 издания).

6) Сокровенная философия. В 3 книгах. Антверпен и Париж 1531 г. (первая книга). Кельн 1533 г. (все три книги). Том в 362 стр.

7) Надгробное слово Маргарите Австрийской. Антверпен 1531 г.

8) Комментарий на Ars Brevis Раймунда Люллия. Кельн 1531 г. — Второе издание: Кельн 1533 г.

9) Апология и жалоба против Лувэнских богословов. Кельн 1533 г.

10) О единобрачии пресвятой Анны. 1534 г.

11) Апологетическое письмо к кельнскому сенату. Страсбург 1535.

[1] Подлинные латинские заглавия большинства из них (с библиографическими данными), а также указания на переводы этих сочинений даны нами выше, в примечаниях.

Всего, при жизни Агриппы, появилось, — считая и переиздания, — двадцать шесть книг с его именем: число немалое и для современного писателя.

Вскоре по смерти Агриппы было приступлено к изданию полного собрания его сочинений. Но, по-видимому, впервые[1] это издание появилось лишь 15 лет спустя смерти философа, в 1550 г., в Лионе, у издателей братьев Годефруа и Марселя Берингов:

Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheim, armatae militiae equitus aurati et iurius utruisque ac medicinae doctoris — Opera — in duos tomos. Lugduni, per Beringos fratres. 1550.

Это издание было повторено в 1565 г. и после того издавалось еще несколько раз, но проследить все его издания затруднительно, так как издатели большею частью не помечали таких книг определенными датами.

В это «Полное собрание» было включено многое из сочинений Агриппы, что при его жизни не было напечатано, а начиная с издания 1565 г., в него вошли также как подложные сочинения Агриппы (напр., IV книга «Сокровенной философии»), так и значительное число сочинений его современников, писавших о магии, в том числе — Петра Абанского, Пиктория Виллиндген, фон Герарда Кремонского, аббата Тритгейма и др.

Из сочинений, безусловно принадлежащих Агриппе, в «Собрании сочинений» мы находим, кроме 11 перечисленных выше, следующие:

12) Вступительная лекция о «Пимандре» Гермеса Трисмегиста (1515 г.).

13) Речь о «Пире» Платона (1515 г.).

14) Вступление к диалогу о человеке, как подобии Божием (1515 г.).

15-18) Четыре речи, произнесенные по разным поводам в Меце (1518-1519 г.).

19) Антидот против чумы (1518-1519 г.).

20) Речь, обращенная к одному из родственников, по поводу его вступления в число парижских профессоров (1528).

21) Послание к Максимилиану Трансильвану по поводу трактата о превосходстве женского пола (1529 г.).

22) Речь о Иоанне Датском (1530 г.).

23) Начало истории Итальянской войны (1531 г.).

24) Мемуары, посланные Марии Венгерской (1532-33 г.).

25) Полемический трактат против братьев-проповедников (1533 г.)

26) Предисловие к сочинениям Годешалка Монкордия (1533 г.).

27) О монашеском житии (год составления неизвестен).

[1] Существуют издания Полного собрания сочинений Агриппы с датами 1531 и даже 1510 г., но эти даты — фиктивны. Сомнительно также издание, помеченное 1535 г., годом смерти Агриппы. См. A. Prost, op. cit., II, 517-519.

28) Рассуждение об обретении останков святого Антония (тоже).

29) Рассуждение о праве (тоже).

30) Несколько прошений, поданных Агриппою властям и судьям по поводу своих дел (1531-1534).

К этому списку надо присоединить многие предисловия и посвятительные письма, которыми Агриппа сопровождал свои сочинения и которые часто являются самостоятельными трактатами. Некоторые письма Агриппы также в сущности являются маленькими трактатами по различным научным вопросам. Наконец, мы достоверно знаем, что некоторые сочинения Агриппы не дошли до нас[1] и мы имеем лишь упоминания об них в переписке философа.

Среди сомнительных сочинений, с большей или меньшей вероятностью, Агриппе могут быть приписаны:

31) Трактат о геомантии.

32) Сокращенная таблица к Ars Brevis Раймонда Люллия.

33) Комментарий к сочинению Плиния младшего о естественной истории мира.

Огюст Про, включая в число сочинений Агриппы все, о которых сохранились известия и принимая за отдельные сочинения предисловия и посвятительные письма, а также его эпиграммы, насчитывает восемьдесят произведений, написанных философом за его сравнительно короткую жизнь (он не дожил до 50 лет).

«Собрание сочинений» прибавляет к этим трудам Агриппы драгоценнейшее дополнение в виде собрания писем Агриппы и к Агриппе, разделенное на 7 книг: Epistolarum ad familiares et eorum ad ipsum libri septem.

В это собрание входило свыше 450 писем, дающих материал исключительной важности для знакомства с жизнью Агриппы, его воззрениями, его современниками и его эпохой. Эти письма еще раз показывают нам, каким неутомимым деятелем был Агриппа, в течение всей жизни ведший огромную переписку с десятками людей по самым разнообразным (большею частью научным) вопросам. Разумеется, далеко не все письма Агриппы дош-

---

[1] Таковы, напр.: Комментарии на послание апостола Павла к римлянам (1510 г.); речь о богословии (1510 г.); комментарий к Сокровенной философии (1515 г.); Диалог о человеке, как подобии Божием (1516 г. — сохранилось только вступление); комментарий к «Пимандру» Гермеса Трисмегиста (1516 г. — сохранилось только вступление); речи в честь графа Савойского (1518 г.); Пиромахия, трактат об огнестрельном оружии (1526 г.); история войны с турками (1532 г .— сочинение, по-видимому, было только начато); трактат о добывании металлов; история царств (Regnorum omniam initia); рассуждения на богословские темы (Placita theologica quae quodlibeta dicuntur) и др.

ли до нас и в действительности его переписка была еще обширнее (некоторые полагают, что сохранились только письма, писанные по-латыни, а писанные по-французски и по-немецки были исключены из собрания).

Таков «литературный багаж» великого чародея XVI века.

Первыми биографами Агриппы были его злейшие враги, постаравшиеся все-таки очернить его память. Таково писание об Агриппе известного инквизитора, похвалявшегося, что он сжег на своем веку несколько сотен людей, Дель Рио. Жан Вир тщетно защищал память своего учителя. В 1577 г. появилась книга Павла Иовия[1], в которой впервые была дана биография Агриппы и собраны все легенды о нем. Несколько позже появилась книга А. Тевэ[2], повторившая их с новыми дополнениями.

Защиту Агриппы, после Вира, взял на себя Г. Нодэ, издавший в начале XVII века книгу, в которой хотел оправдать великих людей от обвинения в чародействе[3]. Но Г. Нодэ, желая защитить Агриппу, выставляет его ловким мошенником, обманщиком и шарлатаном, пользовавшимся легковерием современников. Гораздо серьезнее защита Л. Фреера[4], опровергшего многие из легенд, сложившихся вокруг имени Агриппы. Наконец, с решительным опровержением ходячего представления об Агриппе выступил «великий скептик» Бэйль[5].

Исследованиями, касающимися отдельных сторон жизни Агриппы, в XVII веке занимались еще Ги Аллар и Шорье[6] и др. В XVIII веке появилось два стоящих внимания сочинений об Агриппе: одно Равиуса, другое анонимное[7]. Оба не содержат ни новых материалов, ни особенно новых точек зрения. В XIX веке Агриппе посвятили статьи: Гизо, Гофер, А. Даге, Л. Шарвэ, Шпренгель и Теннеман, Монэн, Кизеветтер и др., разъяснившие немало спорных вопросов в биографии философа[8].

Наконец, в XIX веке, появились два капитальных труда, разработавших биографию Агриппы согласно со всеми новейшими требованиями исторической науки, один в середине века — английский, другой, в конце века — французский:

---

[1] Pauli Jovii Novocomensis episcopi Nucerini. Elogia virorum litteris illustrium. 1577.
[2] A. Thévet. Les vrais portraits et vies des hommes illustres, 1584.
[3] G. Naudé. Apologie pour tous les grands personnages qui ont été faussement soupsonés de magie. 1625.
[4] Pauli Freheri. Theatrum virorum eruditione clarorum. 1688.
[5] P. Bayle, Dictionnaire historique et critique. 1697.
[6] См. выше «Легенда о Агриппе».
[7] Ravius. Dissertatio de H. C. Agrippae eruditione portenti, vita, fatis et scriptis. Wittemb. 1726. — Agrippaeana oder H. C. Agrippa's merkwürdiges Leben und Schriften. S. 1. 1722.
[8] Другие библиографические указания можно найти в известном труде Эттингера: Oettinger, Bibliograhie biographique universelle. См. также Aug. Prost, op. cit., II, 535-36.

H. Morley. The Life of H. C. Agrippa von Nettesheim. London 1856. 2 vol.

Aug. Prost. Corneille Agrippa, sa vie et ses oeuvres. Paris 1881. 2 vol.

Особенно ценным мы считаем второе сочинение, дающее, кроме жизнеописания Агриппы, подробное изложение его идей и ряд экскурсов по различным вопросам, связанным с биографией философа.

Статья Жозефа Орсье, появившаяся в «La Revue des Idées» 1910 г., дополняет эти исследования рядом мелких деталей. Она основана почти исключительно на переписке Агриппы, но местами автор пользовался и неизданными архивными материалами (Лилля, Парижа и др. городов).

На русском языке мы не знаем никаких работ о Агриппе, если не считать краткого биографического очерка, принадлежащего перу пишущего эти строки и помещенного в «Новом Энциклопедическом Словаре» Брокгауз-Эфрона.

Нельзя, однако, сказать, чтобы жизнь и характер Агриппы были теперь выяснены окончательно. В биографии философа осталось еще немало эпизодов, разъясненных недостаточно; свидетельства современников об Агриппе еще никем не были разобраны во всей полноте; из самих сочинений Агриппы еще можно извлечь немало данных, объясняющих различные события его жизни. Еще больше остается сделать для характеристики Агриппы. Замкнутый в себе, не любивший излишней откровенности, порой сознательно высказывавший мысли, которых он не разделял, Агриппа задал историкам трудную загадку, над разъяснением которой еще предстоит потрудиться. Наконец, учение Агриппы, в своей полноте, может быть понято только из сопоставления его с учением оккультистов всех времен, с преданиями древнего Египта (сохранившими для нас традиции Атлантиды), с эзотерическим учением орфиков, с книгами Гермеса Трисмегиста, с идеями неоплатоников, Прокла и их единомышленников, с указаниями, рассыпанными у Горация, Овидия, Апулея, с сочинениями современников Агриппы, напр. аббата Тритгейма и Парацельса, наконец, с новыми трудами XVIII века, каковы сочинения Клода де Сен Мартена, Сен-Виктора и др. и XIX века, каковы труды Фабра д'Оливэ, Станислава де Гуайта, Элифаса Леви, Мишеля Фиганьера, Сент Ива д'Альвейдра и др. Эта работа еще предстоит будущему, когда современная наука (а это неизбежно) своими путями и методами подойдет к вопросам, занимавшим всех этих исследователей, и поймет, как неосторожно она поступала, смешивая их с шарлатанами и чародеями и целые столетия пренебрегая их открытиями.

ПРОРОЧЕСТВА НОСТРАДАМА О СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

I

Имя Нострадама или Нострадамуса знакомо, вероятно, всем читателям хотя бы потому, что в 1-й сцене «Фауста» Гете упоминается —

geheimnisvolle Buch
Von Nostradamus eigner Hand.

Большинству известно также, что Нострадам был ученый XVI века, прославившийся своими предсказаниями, из которых некоторые сбылись еще при его жизни. Напротив, вряд ли многие знают, что пророчества Нострадама шли гораздо далее его эпохи, — по скромному его признанию, не более и не менее, как до конца мира, до дня Страшного Суда, — и что иные из них, судя по всему, имеют в виду именно наше время: великую европейскую войну, развивающуюся пред нашими глазами.

Не будем поднимать вопроса, возможно ли, вообще, предвидеть будущее, тем более вперед на несколько столетий. Напомним только, что в биографиях знаменитых прорицателей древнего и нового миров Нострадама, Сведенборга, Аполлония Тианского, Блэка и др. сохранились примеры предвидений, оправдавшихся с поразительной точностью. И, как бы мы ни объясняли эти факты, — еще неисследованной способностью человеческого духа, случайными совпадениями или искусной мистификацией, — не лишены своего интереса предсказания такого авторитета в «пророческом деле», как Нострадам, о таких близких нам событиях, как современная война.

Прежде всего, надо отметить, что Михаил Нострадам Салонский (он жил и погребен в городке Salon de Craux) вовсе не был предсказателем или гадальщиком по профессии. Он родился (14-го декабря 1503 года в Сен-Реми, в Провансе) в очень интеллигентной семье; его дед по отцу был видным математиком, дед по матери — придворным медиком, отец — нотариусом (звание в ту эпоху более значительное, чем теперь). Нострадам учился в Авиньоне, потом слушал лекции в университете в Монпелье, занимался специально медициной и получил степень доктора. С предсказаниями он стал выступать только в 40-х годах, и свое основное сочинение решился издать только в 1555 году. После того, как некоторые из пророчеств сбылись, Нострадам приобрел широкую известность во всей Европе; к нему стали обращаться за советами и частные лица, и государи; короли Генрих II и Карл IX ласкали его, и последний дал ему звание лейб-медика. Нострадам, однако,

отказался от жизни при дворе, в Париже, предпочитая свой провансальский городок Салон, где и скончался 2-го июля 15 66 года.

Главное сочинение Нострадама озаглавлено: «Les Prophêties de M. Michel Nostradamus» (т. е. «Пророчества»), но за ним утвердилось название «Центурии», «Сотни» (les Centuries), потому что оно разделено на 10 частей, из которых каждая состоит из ста четверостиший. К десяти «Сотням» (из коих VII неполная) присоединяются посвящения, также содержащие пророчества, особые «Предвещания», 58 шестистиший и т. п. Первое издание «Центурий» в Лионе в 1555 г., второе (обычная в ту эпоху контрафакция) — в Авиньоне, в 1556 г. До наших дней не дошло ни одного экземпляра этих двух изданий. Поэтому за editio princeps считается то, которое вышло в 1558 г. в Лионе у издателя Pierre Rigand, и экземпляры которого имеются в Парижской Национальной и др. публичных библиотеках. После того до нашего времени библиографы насчитывают около 100 изданий «Пророчеств». Велико также число комментариев к ним: они начали появляться тотчас после издания самого сочинения и постоянно пополняются новыми. Последними по времени были: Э. Бареста (1840 г.), А. Ле-Пеллетье (1867 г.) и Шарля Никулло (1914 г.). Из книги Никулло (Charles Nicoullaud, «Nostradamus», Librairie academique Perrin et C-ie, Paris, 1914) мы и заимствуем большинство сообщаемых нами фактов.

Необходимость в комментариях объясняется трудностью «Центурий» для понимания. Написаны они рифмованными стихами, по-французски, конечно, на языке своего времени, для нас чувствительно устаревшем, но вдобавок с крайним пренебрежением к правилам грамматики. Нострадам произвольно изменяет слова (употребляет, например, много латинских слов во французской форме: pugne — pugna, nave — navus, translaté — translatum, etc.), расставляет их сообразно со своими особыми целями, нисколько не считаясь с требованиями синтаксиса, а главное — постоянно делает самые смелые эллипсы, опуская не только союзы и предлоги, но зачастую и глаголы и предоставляя читателю угадывать взаимоотношение между поставленным рядом существительными.

Кроме того, Нострадам охотно пользуется анаграммами, т. е. словами, составленными из тех же букв, как те, которые действительно имеются в виду. Наконец, расположены четверостишия не в хронологическом порядке, а можно сказать, без всякого порядка, словно кто-то нарочно перетасовал их или словно ветер спутал порядок отдельных листков, как случилось, по рассказу Вергилия, с пророчествами Сибиллы Кумской.

К этому надо добавить, что предсказания Нострадама выражены не в форме отвлеченных суждений, а образно, что еще затрудняет их понимание. Такая форма, впрочем, естественна для интуитивных угадываний, в которых должна проявляться деятельность не рассудка, мысли, а особой способности, близкой к творческой. Если когда-нибудь будет разработана п с и-

хология предвидения, найдут, вероятно, что она родственна психологии сновидений, в которых, как известно, все мысли также обращаются в образы. Шиллер верно отметил эту особенность предчувствий, когда заставил свою Кассандру так пророчить о близкой смерти своего жениха:

Вижу, грозно между нами
Тень стигийская стоит.

Понятно, что трудность понимания «Центурий» отвращала от них читателей. Кроме того, лишь незначительная часть предсказаний Нострадама относилась к его эпохе; большинство имело к виду события грядущих столетий. Современники Нострадама могли видеть исполнение лишь малой части из его пророчеств, и это, естественно, подрывало веру в них. Многие в XVI в. смотрели на «Центурии», как на рифмованный вздор. До нас дошло немало эпиграмм, заменявших в то время журнальную критику, в которых жестоко высмеивался «Салонский пророк». Наиболее известная, приписываемая Жоделлю, основана на игре латинских слов: Nostradamus — имя, и nostra damus — наше даем, т. е. даем свойственное нам:

Nostra damus, cum falsa damus, nam falleree nostrum est;
Et, cum falsa damus, nil nisi nostra damus.

Читая «nostra damus» в два слова, получаем общую сентенцию:

Наше даем, если ложь говорит, ибо свойственно лгать нам;
И, если ложь говорит, именно наше даем.

Читая «Nostradamus», как собственное имя, получаем злую эпиграмму:

Мы — Нострадам, если ложь говорит, ибо свойственно
лгать нам;
И, если ложь говорит, именно мы — Нострадам.

II

Однако, ошибочно думать, что предсказания Нострадама вообще так темны и неопределенны, что в них ничего нельзя понять или, вернее, что в них можно вычитать все, что угодно, чем и объясняется мнимое исполнение пророчеств. Если освоиться с языком Нострадама и его приемами изложения, окажется, что четверостишия «Центурий» содержат немало ука-

заний совершенно определенных. В них не только описываются события, которые должны произойти, но иногда указываются даты (не только год, но даже месяц), называются местности и города, приводятся даже имена исторических деятелей, которые должны были родиться спустя столетия после опубликования «Центурий». Полнее всего в «Центуриях» изображена история Франции, родной Нострадаму страны; на втором месте стоят Англия и Италия; события в других европейских странах упоминаются лишь мимоходом, большей частью в связи с историей Франции.

При жизни Нострадама наиболее поразило современников его предсказание о смерти королей Генриха II и Генриха III. Относящееся к ним четверостишие гласило:

Le lyon jeune le vieux surmontera,
En champ bellique par singulier duelle;
Dans cage d'or les yeux luy crevera,
Deux classes une, puis mourir, mort cruelle.

То есть: «Лев молодой старого преодолеет, на поле битвенном в необычайном поединке, в золотой клети глаза ему выколет; (из) двух похоронных звонов (classes = glas, от лат. classicum) — (то будет) первая (une) жестокая смерть, (потому что) потом (предстоит) умереть (такой смертью двоим)».

Это было н а п е ч а т а н о в 1555 г. или, если считать два первых издания «Центурий» апокрифическими, по меньшей мере в 1558 г. События же, на которые указывает строфа, совершились 1-го июля 1559 года. Во время празднеств в честь бракосочетания принцессы Маргариты Французской с герцогом Филибертом Эммануилом Савойским был устроен блестящий турнир, на котором граф Монгомери нечаянно ранил Генриха II копьем в глаз, через отверстие золотого шлема, и от этой раны король умер. Вторая «жестокая смерть», на которую намекает четвертый стих, — смерть брата Генриха II, Генриха III, убитого Жаком Клеманом. Второе предсказание выражено очень осторожно, но вряд ли удобно было говорить яснее о предстоявшем цареубийстве.

Позднее огромной известностью пользовалось предсказание Нострадама о славной судьбе Генриха IV.

Au chef du monde le grand Chyren sera...

Т. е.: «Повелителем всего света станет великий Chyren» и т. д. «Chyren» — анаграмма; переставив буквы, получаем имя Henrус, т. е. Генрих (IV). Далее в четверостишии говорится, что этот Генрих будет одними любим, другими ненавидим, что его слава вырастет до небес и что достойным ему

титулом будет один: Победоносный. Генрих IV родился в 1553 году. Когда писались «Центурии», он был младенцем. Возможно предположить, что прорицатель предсказывал блестящее будущее царственному ребенку, желая польстить его родителям… Труднее объяснить, что Нострадам точно определил год смерти Генриха IV в стихах:

Les armes en mains jusques six cents et dix.
Guerres plus loin ne s'estendant sa vie.

Т. е.: «С оружием в руках, до 600 и 10, войне долее не продлить его жизнь». Генрих IV был убит Равайлаком 13-го мая 1610 года (44 года по смерти Нострадама).

Восторженные комментаторы «Центурий» находят, что далее в отдельных четверостишиях ясно говорится о заговоре Сен-Марса (1642 г.), о могуществе Людовика XIV, причем в четверостишии дана точная дата, 1660 г., как время, когда это могущество вполне определилось; верно изображен характер Людовика XV; описана подробно английская революция (Нострадам вообще был особенно прозорлив относительно революций), казнь Карла I (1643 т.), правление Кромвеля и т. д.; наконец, прослежена шаг за шагом великая французская революция, предречены бегство короля (причем назван город Варен, где он был задержан), казнь его и королевы, заточение дофина, эмиграция аристократов, Нантские избиения, осада Лиона, тирания Робеспьера, и т. д., и т. д. Было бы долго пересказывать все эти предсказания, и мы остановимся только на одном примере: на изображении судьбы Наполеона. I.

Впервые образ Наполеона, по мнению комментаторов, появляется в «Центуриях» в следующем четверостишии:

Un Emperour naistra près d'Italie,
Qui à l'Empire sera vendu bien cher;
Diront, avec quels henus il se ralie,
Qu'on trouvera moins prince que boucher.

Т. е.: «Некий император родился близ Италии (на Корсике), который империи будет продан очень задорого (будет дорого стоить Франции); скажут (видя), с какими людьми он сближается, что найдешь (среди них) реже принца, чем мясника». Можно согласиться, что эта строфа достаточно точно характеризует Наполеона.

Далее, по толкованию комментаторов, в «Центуриях» говорится, что Наполеон «своим языком» (речами) будет соблазнять громадные армии» (Par sa langue séduira grande troupe); что «его известность еще больше возрастет в восточном царстве», т. е. в Египте (Son bruit au regne d'Orient plus croistra);

что «каждый будет трепетать пред его грозной славой» (Son apre gloire un chacum la craindra); что он будет «из простых солдат и достигнет императорской власти» (De soldat simple et parviendra en empire); что «тирания его продлится 14 лет», т. е., с 1800 г. по 1814 г. (Par quatorze ans tiendra la tyrannie), и что, наконец, «потом будет побежден, прогнан» (après sera vaincu, chassé).

Более подробное описание падения Наполеона комментаторы видят в следующих предсказаниях: божественное наказание постигнет великого государя вскоре после того, как он сочетается браком», т. е. с Марией-Луизой (Le diven mal Surprendra le grand Prince, — un peu avant aura femma epousé); «орел (орлы Французской армии), теснимый различными знаменами со всех сторон, будет прогнан другими птицами», т. е. знаменами союзных армий (L'aigle poussé en tout de pavillons — Par autres oyse auix d'entour sera chassé).

Далее, усматривают в «Центуриях» и описание «ста дней»: «Пленный государь (находясь) близ (земли) Италийцев (на о-ве Эльбе), побежденный, — Переедет Генуэзский залив, морем, до Марселя, (но) великим усилием чужеземцев (т. е. союзных армий) вновь (будет) побежден». (Le captif Prince aux Itales, vaicu, — Passera Gennes par mer jusqu'a Marseille, Par grand effort des forens survaincu). Наконец, следует четверостишие, в котором находят указание на св. Елену: «Великий Государь высадится подле Ниццы, — Великая империя таким образом нанесет себе смертельный удар, — К антиполярным (т. е. к антиподам) отправит своего пленника — По морю Пилль (англичане?) и все затихнет» (Grand Roy viendra prendre port près de Nice, — Le grand Empire de la mort si en fera, — Aux antipoles posera son genice, — Par mer la Pille, tout esvanouyra). Вычитывают также у Нострадама предсказание, что другого такого государя (как Наполеон) не родится более на земле никогда:

Naistra sur terre aucun aemulateur.

Комментаторы видят в «Центуриях» и всю дальнейшую историю Франции: эпоху реставрации, Людовика XVIII, гр. Шамбора, Людовика-Филиппа, польскую революцию, вторую республику, вторую империю, франко-прусскую войну, осаду Парижа и т. д., вплоть до наших дней. Любопытно упоминание о Седане, который, будто бы, назван в анаграмме. В соответствующем месте «Центурий», где идет речь о Наполеоне III, «тени великого государя», стоят не имеющие смысла слова: «dedans lectoyre»; комментаторы переставляют буквы и получают: «Sedan le décroyt», т. е. «Седан его свергает». Кто из современников мог разгадать эту загадку, заданную в XVI в.?

Слабую сторону предсказаний Нострадама составляло до сих пор то, что исполнение их всегда констатировалось post factum. Все комментаторы ока-

зывались неспособными угадать з а р а н е е, что именно имел в виду Салонский пророк в той или другой, еще необъясненной строфе. Только после того, как историческое событие совершалось, становилось «прешедшим», и поклонники «Центурий» с восторгом и изумлением открывали, что оно было предречено в одном из четверостиший. Так, толкователи XVIII в. не умели объяснить тех строф, в которых теперь видят подробное и ясное изложение судьбы Наполеона I, и искали в них аллегорий. Напротив, толкователи начала и середины XIX в., в том числе Э. Барест и А. Ле-Пеллетье, относили к Наполеону I строфы, которые позднее были признаны предвидениями событий 1870-1871 гг., напр., применяли ко взятию Парижа союзными войсками в 1814 г. стихи, которые считаются теперь «точным» описанием осады Парижа пруссаками в 1870 г. ...

В более счастливом положении находимся сейчас мы, — свидетели великой исторической трагедии, которая уже началась, но еще не закончена. Мы можем выбрать в «Центуриях» те четверостишия, которые только могут относиться к современной войне, и затем сравнивать с совершающимися событиями предсказания провидца. Это, кажется, — впервые представляющийся случай проверить фактами оракулы Нострадама, пользующиеся поныне огромным авторитетом в известных кругах (оккультистов).

III

Как мы говорили, четверостишия «Центурий» расположены не в хронологическом порядке предрекаемых событий. Но там и здесь разбросаны в строфах Нострадама указания на точные хронологические даты, позволяющие до некоторой степени ориентироваться в эпохах, к которым предсказания относятся. Так, определенно на XX век предсказывает Салонский пророк два очень крупных события: во-первых, страшную революцию в Италии, которая по своим ужасам превзойдет великую французскую революцию (эту грядущую итальянскую революцию Нострадам называет: «la libitine» — распутница), и, во-вторых, восстановление монархии во Франции, причем будущий французский государь «явится из Бельгии» и чем-то будет напоминать Фразибула (в «Центуриях» он и обозначается именем «нового Фразибула»). Оба события приурочиваются в предсказаниях, приблизительно, к одному времени, и, как важная для них дата, указывается 1921 г.

В связи с этими событиями стоит в предсказаниях пророчество о какой-то великой войне. Если не ожидать, что на протяжении 6-ти лет, остающихся до 1921 г., произойдет еще одна «великая война», надо предположить, что будущие комментаторы Нострадама (которые, несомненно, еще появятся), должны будут относить это пророчество именно к совре-

менной войне. Впоследствии, когда она так или иначе завершится, толкователи «Центурий» постараются, конечно, доказать, что в ней все, черта за чертой, соответствовало предсказаниям. Пока же мы можем, без всяких предвзятых представлений, читать в стихах Нострадама лишь то, что в них действительно написано. Воспользуемся таким преимуществом и посмотрим, что именно предрекал Салонский пророк о наших днях.

После строфы, в которой говорится о какой-то победоносной войне, которую будет вести Италия (за неимением лучшего, приходится видеть в этом указание на Триполитанскую экспедицию), Нострадам пишет:

Un peu après non point longue intervale,
Par mer et terre sera faict grand tumulte,
Beaucoup plus grande sera pugne navale,
Feux, animaux, qui plus feront d'insulte.

Т. е.: «Немного позже, после вовсе недолгого промежутка (времени), на море и на суше произойдет великое смятение; необычайно великой будет морская битва: огни, животные, которые более не оскорбят никого». Все достаточно ясно в этой строфе, пророчащей великую войну с важным морским боем; непонятно только слово «животные», которые «более не будут оскорблять», если только не видеть в этом выражении брань по адресу немцев, предварившую современные бульварные листки.

Далее читаем:

Le grand empire chacun an devoit estre,
Un sur les autres le viendra obtenir,
Mais peu de temps sera son reigne et estre,
Deux ans naves se pourra soustenir.

Т. е.: «Великая империя (Германия) должна была бы (желала бы) стать (таковой) в один из годов (chacun an); она одна (un) пойдет против ряда других (государств — sur les autres viendra), чтобы этого добиться (le obtenir); но недолгое время продлится ее царствование (или: могущество — son reigne и бытие (estre); (только) два года, при всем старании (naves, стар. слово, — старательный, усердный; лат. — navus), она может продержаться». Согласно этой строфе, европейская война продлится около двух лет; принимая во внимание, что она началась в 1914 г. и длится в 1915, предсказание близко подходит к фактам.

Следующую строфу можно отнести к Вильгельму II.

Premier en Gaule, premier en Roumanie
Par mer et terre aux Anglois et Paris,

Merveilleux faits par celle grand’ mesnie
Violant terax perdra le Norlaris.

Т.е.: «(Чтобы стать) первым в Галлии (Франции) и первым в Романии (Италии), на море и на суше (он пойдет) на англичан и на Париж; изумительные деяния (будут совершены) этим потомком великих предков (mesnie, стар. слово, — знатный род, lignée), (но) яростный вождь (violant terax), он потеряет Norlaris». В этой строфе непонятно только слово Norlaris; оно оказывается анаграммой и перестановка букв дает: Lorrains, т. е. лотарингцев, жителей Лотарингии.

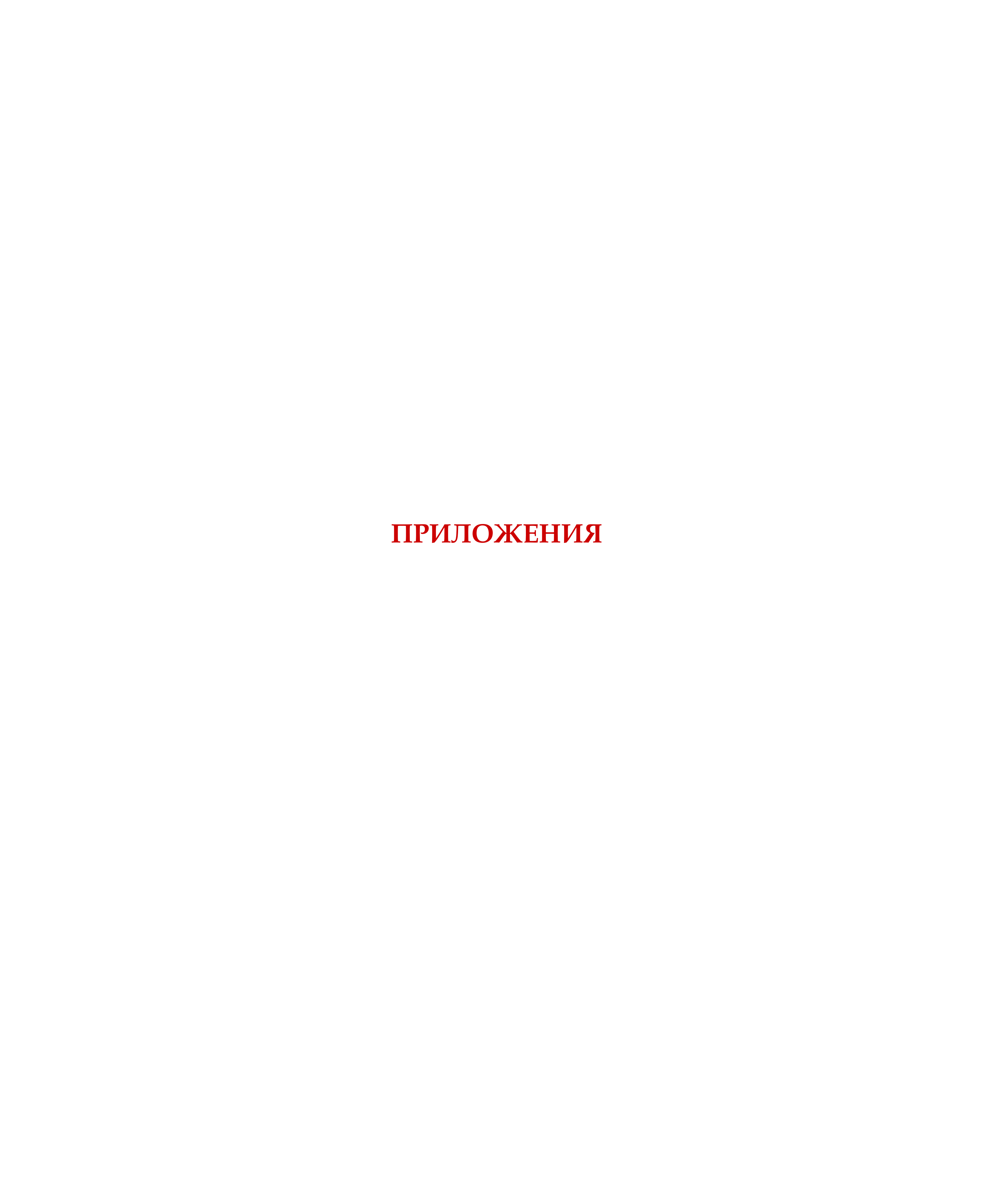
Наконец, четвертое четверостишие имеет в виду судьбы Германии или Австрии:

Le grand empire sera tost translaté
En lieu petit, qui bien tost viendra croistre,
Lieu bien infime d’exigue comté
Ou du milieu viendra poser son sceptre.

То есть: «Великая империя (Германия или Австрия) будет скоро перенесена (или: превращена) в маленькое место, которое (однако) очень скоро (опять) начнет возрастать, место весьма ничтожное, скудного значения, посредине которого он (Вильгельм II?) водрузит свой скипетр». В комментариях строфа не нуждается.

Таковы четыре предсказания Нострадама о современной войне. В наши дни они кажутся довольно правдоподобными, и не было бы ничего удивительного, если бы их сделал наш современник, какая-нибудь г-жа Тэб. Мы знаем, однако, что эти стихи были уже напечатаны в XVI <в.>, когда, например, пророчество о потере в великой войне края лотарингцев не могло иметь того смысла, какой оно приобрело через 300 лет, после 1871 г. Недалекое будущее выяснит, насколько стихи «Центурий» окажутся на этот раз в соответствии с историческими событиями. Если, действительно, мы будем свидетелями некоей «великой морской битвы», действительно, война продлится около двух лет, и Германия потеряет Лотарингию, а вдобавок оправдается пророчество о перенесении империи «в маленькое место», где и будет водружен скипетр (чему может соответствовать, например, переход гегемонии в Германской империи из рук Пруссии в руки какого-нибудь малого германского государства), — можно будет решительно говорить о странном совпадении исторических фактов с видениями провансальского медика XVI века.

Варшава.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Валерий Брюсов

ДЕКАДЕНТ

(Отрывки из повести)

<…>

У Кремневых я был года два тому назад на спирит<ическом> сеансе, и тогда Варе, сестре Нины, было лет 13-14; по всем задаткам из нее должна была выйти самая заурядная барышня.

Между тем Пекарский начал повествовать мне о семье своего предмета. Оказалось, они были страстные спириты и успели обратить даже Пекарск<ого>. «Флюид», «астральное тело», «переспри» — так и посыпалось с его языка. «Это новая жизнь, — говорил он, — новые горизонты науки, возрождение человечества!»

Лежа на диване и слушая восторженные восклицания своего друга, я задумался о себе самом. То был для меня период некоторого утомления. Родители мои еще до моего рождения порешили, что их первенец будет необыкновенный человек, и я с ранних лет привык считать себя гением. В своих детских играх я воображал себя великим изобретателем. Впоследствии, когда ребяческие грезы приняли более определенную окраску, я сознательно сделал себя рабом своего таланта. Было время, когда я заставлял себя мыслить образами, мечтать, слышать в шуме леса ропот упрека. Вообще я жил деланной жизнью: не учился, а запасался сведениями, не влюблялся, не ссорился, а искал впечатлений. Тем заманчивей показалась мне теперь жизнь среди людей, которые мало знают меня, вдали от поклонников и друзей, от всего, что окружало меня за последнее время. Почему не отдохнуть с месяц? Манили меня, конечно, и те явления на сеансах, о которых говорил Пекарский, да хотелось и посмотреть предмет его любви, а после — почему нет? — и отбить его.

Я сообщил Пекарскому, что очень заинтересован спиритизмом и желал бы побывать на сеансах. Мой друг пришел в восторг.

<…>

Добродушные и гостеприимные Кремневы встретили меня как старого знакомого.

За два года общество, собиравшееся на сеансах, почти не изменилось. Были те же <знакомые?> двое старичков-спиритов, <обыкновенно?> молчавшие, но неодобрительно качавшие головами в ответ на мои доводы против духов; та же молодежь, смотревшая на сеансы только как на предлог собирания и смеявшаяся когда-то над моими странностями. Больше других изменился я сам, 20 лет и 22 — разница большая. Я приобрел уверен-

ность в себе и хладнокровие, а за меня был еще сборник моих стихов, недавно появившийся в печати, что для большинства барышень и молодых людей сразу выводило меня из смешного положения непризнанного поэта.

Особенно обрадовалась мне сама Кремнева, Мария Васильевна, как неофиту спиритизма. В первый же вечер я выслушал длинный ряд необыкновенных историй и получил для чтения полный год «Ребуса». Не особенно приветливо встретил меня Бунин, как и два года назад все еще считавшийся женихом Нины, с которым мы и прежде постоянно не ладили.

<…>

Как я впоследствии убедился, Бунин искренно любил Нину, но прежде я этому не верил и думал, что его женитьба на ней — простой расчет: Кремнев оказывает ему какую-то протекцию. Поэтому я порешил, что между Ниной и Буниным не может быть никакого заговора, и если кто устраивает явления — это одна Нина.

Раза два я нарочно садился рядом с ней, но не мог заметить ничего подозрительного. Когда кто-то касался моих волос, я протягивал руку, но хватал только воздух, а рядом раздавался мелодический голос Нины:

— Альвиан Александрович, где ваша рука?

Мои тщетные попытки мне наконец так надоели, что я решился оставить загадку нерешенной и самому пошутить с другими. На одном из сеансов, когда у меня уже вполне было решено исчезнуть с горизонта Кремневых, я нарочно сел около Женички, зная, что она не станет искать мою недостающую руку.

Начал я с того, что сам управлял стуками стола, сперва кто-то оказывал мне сопротивление, потом перестал. Пододвинув столик к ра<с>крытому ломберному столу, где нарочно для сеанса были разложены разные вещи, я положил себе в карман свисток, карандаш и еще что-то. Потом постепенными движениями перевел столик, а за ним и все общество на другой конец комнаты и оттуда бросил карандаш на ломберный стол. Получилось совершенно такое впечатление, как если б кто сбросил карандаш со стола, когда мы были в двух саженях от него.

— Каково! на таком расстоянии! — воскликнула М<ария> В<асильевна>. — Какие явления-то начинаются!

На самом деле всякие явления прекратились, но я с избытком пополнил их. К полному восхищению М<арии> В<асильевн>ой <так!>, я совершенно поднял стол на воздух, опираясь на него руками и придерживая ножку кончиком носка. Ободряемый успехом, я уже решался и на более смелые предприятия, но когда хотел снять какую-то книгу с полки, женская рука поймала мою руку. Впрочем, ее тотчас выпустили, а Нина тихонько засмеялась.

Этот смех и темнота придали мне дерзости. Я взял руку Нины и пожал ее; мне отвечали пожатием. Тогда я обнял Нину за талию и привлек к себе;

навстречу моим губам попались ее губы. Поцелуй был беззвучный, неслышный.

Явления все усиливались; моя дерзость тоже. Мне было жаль, когда Нина прямо шепнула мне: «Довольно». Столик стукнул три раза, что означало: «Прощайте».

Все встали из-за стола, пораженные сильными явлениями. Сам Кремнев тотчас составил вокруг себя кружок из наиболее пожилых участников сеанса и начал им разъяснять значение сегодняшнего вечера.

Стали догадываться, что я обладаю медиумической силой. Меня расспрашивали, нервен ли я и не вижу ли привидений. Я сказал, что страшно нервен, и рассказал два необыкновенных случая из своей жизни, чем я окончательно привел в восторг М<арию> В<асильевну>, и мне стали пророчить будущее Эглинтона и Юма.

За ужином М<ария> В<асильевна> разъясняла мне великое значение спиритизма. Ее теория была очень проста: она везде видела спиритизм. Греческие мифы и русская сказка объяснялись спиритизмом. Одиссей у входа в Аид устраивал сеанс. Аэндарская волшебница была медиумом. Даже в скинии Моисеевой удавалось найти какое-то отношение к спиритизму.

С Ниной мы вели себя прекрасно и после сеанса делали вид, что между нами ничего не произошло.

<...>

На первом свидании Нина была похожа на птичку, вырвавшуюся на волю; она баловалась как дитя, шутила и смеялась. <...> Между нами не было произнесено ни одного слова о любви, хотя целовались мы без конца и под конец стали говорить друг другу «ты». О сеансах Нина избегала заговаривать, но я поставил вопрос прямо.

— Знаешь, — сказала она мне, — я ужасно боюсь, что тебя поймают.

— Не боялась же ты за себя!

— Да разве я делала что-нибудь!

— Не хочешь ли ты меня убедить, что прежде в самом деле духи стучали в стены!

Нина, конечно, приняла выражение сивиллы и устремила взоры вдаль, но я поцелуем закончил объяснение.

Расставаясь, мы назначили новое свидание.

<...>

Для меня началась странная жизнь — то в кабинете ресторана, то в темной комнате за спиритич<еским> столиком — и везде рядом со мной дыхание Нины.

<...>

Всякие занятия были мною заброшены. Для всех друзей я вдруг оказался не дома. <Изредка посещал я лекции> и чаще писал поэмы и сонеты к

Нине, писал так, чтобы она похвали<ла> их, или просто выдумывал новые способы производить спиритич<еские> явления. В этом отношении я понемногу достигал виртуозности. У нас уже появлялись световые фигуры, писалось между запечатанными досками и слышался чей-то голос.

<…>

Иногда мною овладевало такое озлобление против самого себя, что я старался забыться в вине. Я начинал приходить на свидания пьяным, но всякая дерзость исчезала у меня под холодным взглядом Нины. Раз я пришел пьяным и на сеанс. Столик, по выражению Алекс<андра> Алекс<андровича>, осатанел. Он рвался из рук и наконец так сильно ударился, что сломал ножку. В протокол внесли появление злых духов, и М<ария> В<асильевна> стала усерднее креститься, садясь за сеанс.

<…>

Сеансы наши продолжали улучшаться; я превосходил самого себя изобретательностью.

Все явления, происходившие у Евлалии Паладино, были записаны и в наших протоколах. С помощью фосфора я устраивал искры, а видевшие уверяли после, что в воздухе блуждала огненная рука и лились потоки света. Ввиду единогласия так и записывали в протоколе. Столик не раз вырывался и уходил один на другой конец комнаты. Между заклеенными аспидными досками писались ответы по-английски на мысленные вопросы кого-нибудь из присутствовавших. Рояль играла, когда все мы были со столиком на противоположном конце комнаты. В запечатанной коробке появлялись букетики ландышей. Гитара звенела над головами, свисток свистал по всем углам. Впрочем, в темноте трудно угадать направление звука; мне случалось свистать над самым столом, а все клялись, что это у потолка.

Много помогал мне своими видениями Пекарский. В своей простоте он действительно видал перед собой то голову факира, то светящийся меч, то саван. Часто он всех приводил в трепет, говоря замогильным голосом:

— Господа! я чувствую: кто-то стал позади меня.

И всем начинали тоже мерещиться видения, змеи, ленты и руки.

Особенного труда мне стоило писание между запечатанными досками. Прежде их связывали веревкой — тогда я просто развязывал ее и завязывал снова, написав что-нибудь вроде — «Tots is out my way», — опустошая все самоучители английского языка. Когда доски стали заклеивать облаткой, я срывал ее, а в кармане у меня уже была новая. Наконец прибегли к сургучу, но я догадался пользоваться вместо грифеля тонкой пластинкой алюминия, которая проходила между сложенными досками. Иногда на сеансах я шутил: например, бил Бунина кулаком по голове. Он молчал, но, видимо, сердился и подозревал меня.

Некоторые явления требовали больших приготовлений и опытов дома. Хотелось мне устроить полную матерьялизацию, тем более что Ал<ек-

сандр> Ал<ександрович> уже приобрел аппарат для фотографирования духов, но такое сложное явление я не мог произвести один, а Нина упорно отказывалась помогать.

— Я так боюсь, что нас поймают. Подумай, что же будет тогда!

— До меня решалась же ты... Знаю, знаю, что началось это с утешения матери после смерти твоего брата, но все-таки производила же ты явления.

— Никогда.

Вся помощь Нины ограничивалась тем, что она оставляла мне свободной одну руку.

Как два медиума, мы и писали с Ниной с помощью планшетки, но и здесь Нина предоставляла мне полную волю, и я отдавался своей фантазии. Спиритические тетради Кремневых представляют замечательный интерес. Я создал целый мир духов. Каждый из них писал своим почерком и своим слогом; некоторые по-французски, по-итальянски, даже по-санскритски. Духи рассказывали о своей прошлой жизни, клеветали друг на друга, ссорились между собой. Иногда начинал писать один дух, а другой вырывал у него карандаш и продолжал по-своему. Некая Елена растянуто и скучно повествовала о своих победах. Какой-то виконт по-французски рассказывал анекдоты, иной раз достаточно двусмысленные. Астроном Валерьян городил необыкновенную чепуху о жизни на планетах. Солидный Алексеев излагал свою теорию мироздания. Пустынник XIII века писал полууставом и сыпал сентенциями.

Наше общество было подавлено такими успехами. С аспид<ных> досок делали точные снимки на <1 слово нрзб> и намеревались создать таким образом альбом. Ал<ександр> Александрович > начал писать трактат по спиритизму; старичок-спирит не знал что и говорить. На сеансы стало собираться все более и более народу. Приезжали незнакомые — доктора, учителя. Внимание всех было направлено на Нину как на медиума; впрочем, потом стали наблюдать и за мною. Однажды один такой посетитель зажег спичку в самый разгар явлений, и я едва успел бросить вверх картонный рупор, который держал в руках. Рупор упал с потолка, а духи тут же сообщили стуками, что подобные опыты могут повредить и сеансам, и присутствующим. С тех пор новых членов стали предупреждать сидеть смирно.

Были у нас, впрочем, и очень удобные посетители. Одному доктору я написал: «Она тебя обманывает», — он пришел в страшное смущение и, кажется, сразу уверовал в спиритизм. Способствова<ли> успеху сеанса и дамы, являвшиеся с просьбой вызвать дух сына, или брата, или мужа. Они плакали, когда им подавали клочок бумаги, на котором было написано несколько слов утешения. Почерк почему-то всегда оказывался замечательно верным; все бывали поражены и глубоко тронуты.

<...>

Кремневы встретили нас на платформе. Нина шла рядом с Буниным; забывшись, она хотела броситься <ко> мне или сделала вид, что хотела броситься, но одумалась и спокойно подала руку. Я поспешил к М<арии> Васильевной <так!> и еще на дороге к дому завел с ней длиннейший разговор о проницаемости материи для материи.

<...>

Вечером устроили сеанс. Я был в прекрасном настроении духа, шутил, перевертывал картины и даже стащил сапог с Пекарского к его особенному восхищению.

К концу сеанса я сжалился и хотел обнять Нину, но она оттолкнула меня. Я тотчас взял доску и выцарапал там алюминием:

«Медиумическая сила вас покидает».

Затем раздались три удара ножкой — условный знак окончания сеанса.

Стали распаковывать доски и, понятно, были поражены надписью. Мне показалось и, может быть, только показалось, что Нина побледнела.

<...>

Нина уже лежала в гробу, но я только сделал вид, что смотрю на нее. М<ария> В<асильевна> сидела рядом с платком в руках.

— А, это вы, Альвиан Алекс<андрович>...

Я сел возле. Мы молчали.

Надо было наконец что-нибудь сказать, и я начал тихим, дрожащим голосом:

— Мария Васильевна, оставьте, не плачьте, — она нашла успокоение. Я знаю, ей лучше, чем на земле; ей лучше, чем нам, оставшимся в живых. Теперь она где-нибудь около нас, она шепчет: «Полно плакать». Для нас, спиритов, смерти не существует — Нина не умерла, а перешла в лучшую жизнь.

Я нарочно сказал «Нина», а не «Нина Александровна», будто увлеченный своими словами, но М<ария> В<асильевна> не заметила этого и вообще обратила мало внимания на мой монолог. Мне было больно. Неужели они не знают, что это из-за меня она умерла! Оставила же она какую-нибудь записку, или наша тайна остается известной только мне?

Я вдруг перешел к патетическому тону:

— М<ария> В<асильевна>! Позвольте мне говорить с Вами, как сыну. Что если я хоть немного виноват в ее смерти?

Мар<ия> Вас<ильевна> сделала усилие над собой:

— Нет, Альв<иан> Ал<ександрович>, никто из нас не виноват, или, вернее, мы все виноваты.

— Ах, как я осуждаю себя! Зачем! зачем! Пусть она вышла бы замуж за Бунина, только бы она жила!

Здесь М<ария> В<асильевна> заплакала. Вошел Пекарский, посмотрел

на нас и начал утешать М<арию> Василь<е>в<ну>.

<...>

Пекарский сказал мне бросить земли на гроб. Стали засыпать. С Буниным сделался нервный припадок. Рабочие грубо понукали друг друга. Свежая могила! сколько раз твердил я это выражение в своих стихах.

<...>

Бунин подошел ко мне:

— Альвиан Александрович! покойница всегда желала, чтобы мы жили с вами в дружбе. Позвольте же протянуть вам руку.

Он! он мне разъяснял желания Нины!

Я молча протянул руку.

— Эта случайная могила, здесь, на простом сельском кладбище, послужит вечным звеном нашей дружбы. Не так ли?

Я не отвечал.

— Как вы думаете, — продолжал Бунин, — будут у нас продолжаться явления? Будет она являться нам?

Я вынул из кармана свисток, так изумлявший своими звуками на сеансах, и насмешливо засвистал, глядя в лицо Бунину. Он вдруг смешался, хотел что-то сказать, но не нашел и удалился в сторону. И мне было приятно, что все будут знать, как я хохотал над их восхищениями перед явлениями.

<...>

Перед отъездом мы пошли проститься. М<арию> Вас<ильевну> я встретил на террасе. Она смутилась, увидя меня, сказала, что у Ал<ександра> Ал<ександровича> голова болит, когда же я заикнулся о сеансах, она совсем не знала, что говорить.

Пекарский раскланялся и вышел. Я от двери вдруг вернулся назад.

— М<ария> В<асильевна>, вы сердитесь на меня за свистки?

— Ах... разве я... Но Ал<ександр> Ал<ександрович>!.. он действительно рассержен. Ах, Альв<иан> Ал<ександрович>, зачем вы сделали это?

Я упрямо смотрел в сад.

— Зачем! разве я знаю?

— Альв<иан> Ал<ександрович>!.. и неужели все... все было обман!

Эти слова вырвались у нее стоном. После смерти своего маленького сына она нашла утешение в спиритизме и теперь жила только им. Я обернулся к ней.

— Все было обман. О! подумайте, чего это стоило. Не мне, конечно! — я привык к разным мерзостям — но ей! Ее чистая душа... о, как она страдала. Изо дня в день, из году в год!

— Из году в год, — машинально повторила М<ария> В<асильевна>.

— Да. Я говорю вам, потому что все равно скажут другие. Слишком многие знали... М<ария> Вас<ильевна>! но не будем дурно говорить о ней... она не была виновата.

В первый раз после известия о смерти Нины у меня нашлись слезы. Я бросился на колени перед М<арией> В<асильевной> и в слезах положил ей голову на колена.

— Ведь я любил ее, М<ария> В<асильевна>! и она любила меня.

М<ария> В<асильевна> плакала со мной и тихо гладила мои волоса. Но раздался свисток; медлить было нельзя. Я бросился прочь.

У окна сидел Ал<ександр> Ал<ександрович>. Я ему поклонился. Он мне не ответил.

<…>

У Кремневых перестал бывать не только я, но и Пекарский; его приняли так холодно после моих разоблачений, что он не решился повторить визита.

<…>

Впоследствии я оставил даже попытки работать. Пекарский перестал посещать меня. Других знакомых я встречал так, что они больше не возвращались. К ужасу моих родных, я проводил целые дни в своей комнате. Лениво вставал я утром, как бы исполняя обязанность, пил кофе и потом шел к себе мечтать. После обеда мама со слезами умоляла меня идти гулять; я отказывался от общества сестры, шел один в лес или поле, — и там опять являлась мне она — Нина! моя Нина! Вечер приходилось провести в кругу семьи, если же у нас кто бывал, я спешил распростить<ся>, я торопился забыться, надеясь увидать во сне Нину.

Иногда меня охватывало непобедимое желание беседовать с ней, и я — слишком хорошо знавший тайны спиритизма — брал карандаш, бумагу, просиживал с ними целые часы и потом тщательно старался прочитать слова в тех случайных чертах, которые вывела моя усталая рука.

Бывали минуты, когда мною овладевало такое отчаяние, что я как безумный искал хоть минуты утешения. Тогда я бросался на колени перед образом, молился Ему, издавна забытому мною. На уста приходили слова молитвы, глаза затуманивали слезы. На другой день я бывал недоволен собой. Эти часы давали мне облегчение.

В. Станюкович

Отрывок из

«ВОСПОМИНАНИЙ О В. Я. БРЮСОВЕ»

Из бывших одноклассников Брюсов дружил теперь с красивым и разгульным Эйхенвальдом (сыном известного в то время фотографа) и А. Лангом (сыном владельца книжного магазина на Кузнецком мосту) — странным долговязым юношей с темными безумными глазами.

<...>

Как-то раз я зашел к Брюсову вечером. Он торопился к А. Лангу на спиритический сеанс и затащил меня к нему, зная мое отрицательное отношение к этим сеансам. В слабо освещенной комнате с темными портьерами мы нашли длинного, странного, с блестящими глазами Ланга. Он был один и никого не ждал. В торжественной тишине хозяин и Брюсов приступили к священнодействию. На дощечку, сквозь которую проходил карандаш, они положили правые руки, и он тотчас забегал по большому белому листу, разложенному на столе. Как только лист исписывался, он убирался в сторону, а под ним оказывался чистый, готовый к дальнейшим откровениям. Быстро покрывались листы строками, написанными крупным почерком.

Мягкий мрак и тишина кругом, в круге света, падающего из-под низко опущенного абажура, склоненные фигуры над бегающими по белому листу руками. Я сидел в глубоком кресле, мне было уютно, и никакой таинственности я не ощущал. Просидев так около часу, они остановились.

Спириты хотели вовлечь и меня в их мистерию, но я отказался, и мое явное неверие вызвало чрезвычайное раздражение духа. Он начал покрывать очередной лист самыми отборными ругательствами, которыми никогда не осквернялись уста товарищей. Я начал хохотать и разогнал таинственную атмосферу уютной комнаты с мягкими темными драпировками, разомкнул руки товарищей: дух, возмущенный моим присутствием, перестал двигать карандаш, и исписанные листы были приобщены к толстой груде прежних откровений.

Мы возвращались по темной Москве. Брюсов упрекал меня в нетерпимости и неверии. Убеждал меня в том, что дух, а не он, ругал меня. В этом я ему наполовину поверил (их было двое) и обещал никогда более не искушать духа.

Насколько помню, эти общения с «духами», совместно с Лангом, длились долго. Брюсов вообще интересовался областью «тайного знания», а Ланг был убежденный спирит. Брюсов говорил мне, что стихи Ланга напи-

саны не им, а «духами». Возможно, что они писались так, как я видел на памятном сеансе. Но каким образом «духи» лепили скульптуру для Ланга — это мне непонятно. Между тем, много лет спустя, в гостиной московского купца-мецената, странной комнате, полной разных декадентских монстров, я был поражен большой кучей гипса, выкрашенного под бронзу, из которой, с явной претензией на подражание Врубелю, высовывалась голова и конечности какого-то человекоподобного существа. Неизвестно, чему нужно было более удивляться — претенциозности или беспомощности автора. Оказалось, что это скульптура Ланга, вылепленная руками «духов».

М. Волошин

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Из слов А<нны> Р<удольфовны Минцловой>: «Я Вас раньше совсем не знала. Я думала, что Вы страшно увлекающийся, привязчивый и постоянный. Но теперь... теперь, когда я прочла Вас, Вы мне стали гораздо ближе.

Сверхчувственное познание... У Вас есть возможность его развития... Да».

«В Брюсове есть большая сила. Мы с ним не видимся. Но он относится ко мне с большой нежностью. Сила его злая, но это жизнь ее сделала такой. Мы были раз с ним вместе на спиритическом сеансе у Ланга.

Когда Брюсов посмотрел на написанные фразы, то скомкал бумагу и сказал: “Это продолжение того, что они начали вчера говорить”. (Они с Лангом занимались каждый день.) Потом появилась рука и начала медленно спускаться. Он с таким гордым торжеством показал: “Вот, Вы видите”.

Когда его жена начала пугаться и говорить, что она устала, то <он> таким неожиданным, злым, ироническим голосом сказал, показывая на меня: “Вот пусть она прикажет стульям подвинуться”. И я совсем чужим голосом (мне казалось, точно я передразниваю его) приказала стулу — и стул пошел сам к Иоанне Мат<веевне>. Тут с ней истерика, и я велела зажечь свечу».

Этот рассказ я слышал раньше от m-me Брюсовой.

———————

Разговоры Брюсова, который в это время собирал матерьялы для «Огненного Ангела», были сухи, богаты, остры, осведомлены и часто вращались около оккультных тем. Его интерес к оккультизму был не только книжный. Незадолго до этого он сам, по-видимому, пережил оккультный роман.

«Меня интересовало, — рассказывал он, — как спиритические духи, т. е. те существа, с которыми мы разговариваем на спиритических сеансах, сами относятся к нам, как они видят и принимают человеческий мир. Я иногда ставил им вопрос об этом и получал ответы очень неожиданные:

— Так, как будто огонек в поле и около него тени.

В виде огонька они, значит, видят спиритический столик. Я пробовал спрашивать:

— А сколько же нас сидит около огонька?

Но у них не было явно ни восприятия лиц, ни числа. Ответы были самые противоречивые и разные:

— Один, пять — толпа...

Считать они совсем не умели. Мы занимались обыкновенно вдвоем с Лангом (Миропольским, поэма которого “Лествица” напечатана “Скорпионом”). Постепенно у нас составился круг знакомцев, которые с нами беседовали. В этом круге сущностей они являли свои виды и планы на нас — и мы им в чем-то должны были помочь. В чем, так и осталось для меня неясным. Они начали нами руководить и давали нам ряд указаний и формул, носивших характер чисто магический, который часто трудно было исполнить. По смыслу их требований, необходимо было иметь в своем распоряжении обширное пустопорожнее место. Требование, которое трудно было осуществить в условиях городской жизни. Мне показалось, что этому мог бы удовлетворить большой чердак недостроенного дома. Я подал эту мысль, и они одобрили. У меня был на примете такой четырехэтажный, строящийся дом, хозяин которого был знакомым моей семьи. Я отправился к нему просить разрешения, и тут случилась первая странность. Этот человек, уже не молодой и почтенный, принял меня в отдельной комнате, и когда я ему изложил все мое дело и он поднялся со стула, чтобы ответить мне, — он вдруг упал — у него был удар и паралич языка. Ответа я так и не получил.

В другой раз все уже было устроено и разрешение получено — я ждал только Ланга, чтобы идти туда, он должен был зайти за мной. Но он не пришел ко мне, и сеанс не состоялся. Потом выяснилась вещь еще более странная:

Когда он шел по Цветному бульвару, какой-то прохожий, поравнявшись с ним, ударил его по голове тяжелым кирпичом, завернутым в клетчатый платок. Он потерял сознание и очнулся только через два часа в аптеке, куда его отнесли. Так и второй раз наш сеанс не состоялся.

Лишь по третьему разу нам удалось его устроить. Я расставил светильники, как нам было указано, начертил знаки и круг, но когда начал произносить заклинания, то рядом с нами упала тяжесть в несколько десятков тысяч пудов. Светильники наши были разбиты вдребезги и погасли, не понимаю, как чердачные балки вынесли этот удар и как мы сами не пострадали. Очевидно, я сам недостаточно тщательно замкнул круг или сдвинул один из светильников. Словом, эксперимент был неудачен, и наше общение с этой группой духов этим кончилось. Никто из них на сеансах с нами больше не разговаривал. Мы старались узнать о их судьбе, расспрашивая других духов, но ответы были странные, мало понятные. Нам отвечали:

— Их нет, они заперты, — и раз даже — они умерли».

Н. Петровская

ВОСПОМИНАНИЯ

(Отрывки)

За несколько лет до возникновения К-ва «Гриф», еще в зеленой юности, мне пришлось встретиться с Брюсовым, — тогда автором только первых сборников, — в доме известной спиритки и одной из основательниц журнала «Ребус» — А. И. Бобровой.

А. И. Боброва, вся на страже потусторонних, одной ей слышных зовов, поминутно куда-то отлучалась, кто-то собирался читать очередной реферат.

И вот он появился, — в воспетом поэтами двух поколений глухо застегнутом черном сюртуке, нездешний такой и такой земной, преувеличенно корректный, светский. Совершенно не гармонируя со всем обликом, «острым как меч», из-под углевых черных дуг, сурово сросшихся на переносье, сияли золотисто-черные, совсем «собачьи» глаза. Жующие, сонно булькающие чаем с лимоном, старики и старушки съежились точно от сквозняка, заморгали совиными глазами, зашуршали, зашелестели, подняли головы. А. И. [Боброва] почему-то поспешно увела его в свой кабинет (она считала Брюсова сильным медиумом) и, верно, нашлось у них о чем поговорить. И почему-то тоже ушла я, не выслушав реферата, с огорченным сердцем. Я могла бы процитировать ему наизусть два его сборника целиком, а он на меня взглянул мельком, как на стену.

Мы встретились снова только через годы и иначе…

<…>

Вынырнул некий Ланг-Миропольский, — личный, но не литературный друг В. Брюсова, — его полу-тайный сотоварищ и медиум (В. Брюсов, повторяю, в прошлом был убежденным спиритом)

<…>

Спиритизма А. Белый терпеть не мог, но от его «токов», веяний, «наплываний», кажется, и до сих пор не отделался.

В «Воспоминаниях о Блоке» он рассказывал, что ездил даже советоваться к епископу Антонию и к священнику Флоренскому по поводу вечно возникающих вокруг него медиумических явлений: шорохов, стуков, шепотов и т. п.

В наслании всей этой нечисти он подозревал В. Брюсова. Из многих его слов в «Воспоминаниях» это совершенно ясно. «Валерий Брюсов, этот маг, рыщущий по сомнительным оккультическим книжкам, как рысь по лесам, за отысканием приемов весьма подозрительного психологического свойства».

<…>

1905 год приближался, подземные гулы его сотрясали современность и для нас было событием первой важности возникновение «Золотого руна».

В. Брюсов следил издали, как вздувались мыльные пузыри, талантливые или бездарные копии «Скорпиона». Этой осенью мы познакомились ближе.

Меня стали неудержимо манить «спиритические тупики». Прочитав немало спиритических и теософских книг, я хорошо знала, придерживаясь конечно круга принятых идей, к каким отрицательным последствиям ведет бесцельное проковыривание дырок в занавесе, отделяющем потусторонний мир. Прежде всего, конечно, обострится неврастения, а за этим — шепоты, шорохи; налетит всякая нечисть, задует противный потусторонний сквозняк и прочее и прочее…

Но неудавшееся преображение жизни оставалось в душе зияющей дырой. Если не удалось преобразить, может быть уже исказить-то удастся, думала я злорадно.

С. Кречетов весьма интересовался спиритизмом и его терминами жонглировал в гостиных очень искусно. У нас еще при аргонавтах, и словно в пику им, собирался раз в неделю небольшой и замкнутый кружок: Ланг-Миропольский, Саша Койранский, покойный композитор Ребиков, студент Б. Попов и забеглый аргонавт А. Печковский.

В эту осень выбыли Саша Койранский и Ребиков. Думаю, поэтому прекратились и феномены.

Загасят свет, ждем впотьмах час, другой — ничего! Через неделю снова ждем.

В. Брюсов о наших сеансах знал, но как будто ими не интересовался. Однажды, когда С. Кречетов заменял своего брата (нотариуса) в конторе на Варварке, я пошла к нему зачем-то днем. Был обеденный перерыв. Я поднялась наверх в квартиру и поразилась чуть не до столбняка: за чайным столом в мирной беседе с С. Кречетовым сидел В. Брюсов, простой, добродушный, какой-то домашний, новый мне, невиданный, ну, просто невозможный. Навстречу поднялся с пленительной улыбкой:

— Вот и деловым человеком стал, Нина Ивановна. Пришел к Сергею Алексеевичу совершать нотариальный акт.

— Да?

С. Кречетова вызвали.

— Отчего Вы такая печальная? Нет, не печальная, — трагическая… Донна Анна Вы…

Смеялся ли он, что ли? Великая честь быть донной Анной!

Этот разговор на странную тему прервал приход С. Кречетова. Ему было нужно возвращаться в контору. Извинился, предложил нам остаться посидеть.

Но «посидеть» с Брюсовым мне было как-то страшно и неприятно.

— Выйдем вместе? — спросил он.

И в первый раз по-настоящему увидала я его улыбку, прекрасную, лучезарную, меняющую все лицо.

Вышли на Варварку. И хотелось сказать:

— Вам куда, Валерий Яковлевич, направо? А я налево!

Но В. Брюсов, помахивая тросточкой шел рядом и не думал прощаться.

— Почему никогда не приглашаете на сеансы?

— Сеансы? Да могут ли они Вас интересовать?

— Очень! В Москве сейчас кроме вашего нет ни одного спиритического кружка.

— Тогда приходите.

Сказала, и все захолодело внутри. Пророчество А. Белого вспомнилось, да и сеансы-то... ни медиума, ни феноменов. Стыд один. Но светски повторила:

— Пожалуйста, приходите. Все будут счастливы Вас видеть, Валерий Яковлевич.

<...>

С. Кречетов переполошился:

— Брюсов придет? А у нас ни медиума, ни феноменов!

— Устройте. Чего стоит...

Люди собрались с торжественными лицами. Честь-то, честь-то какая! Научный характер будет, конечно, носить сеанс, если и без медиума, то с оракулом.

Но ошиблись. Простой, домашний, какой-то уютный, появился среди нас В. Брюсов, и к тому же не в сюртуке, а в сером пиджаке. Уютно уселся за чайным столом, говорил о спиритизме в тоне популярных брошюр, давая советы, ободряя потерявших мужество. Настал момент сеанса. Выдвинули столик, спустили занавесы, заткнули все щелки от уличного света, погасили огонь, встали цепью. Тьма.

Я знаю и люблю ее. И странно, для меня она никогда не бывает абсолютной, даже в черных альпийских туннелях. Наплывает белый рассеянный туман, виснут белые инеем сверкающие нити, леопардова шкура раскинулась по потолку, пятнистая, противная. Стены упали, открылись черные бездонные провалы под ногами, входы в бесконечные лабиринты, без контуров, без отсветов, без теней.

Все противоречит самым элементарным физическим законам, а потому сладостно страшно и хочется это длить, как в последней еще сознательной стадии какого-то наркоза, когда не отличаешь видения от яви.

Жизнь, погруженная в эти волны, легка, как пушинка, обескровлена, смешна. Что такое «аргонавты»? Замысловатые знаки препинания во вселенной вместе со своим «лжепророком» А. Белым. Что такое скорбь моя?

Черная капля в мировом кубке.

Рука то горит, то стынет, словно в лютый мороз. Наваждение это, что ли? Я не хочу его. Я хочу владеть собою всегда, даже в час смерти, — говорю я себе, — не хочу наваждений!

— Опять Вы размыкаете цепь, — шепчет В. Брюсов.

Глаза участников конфузливо моргали, когда зажгли люстру.

— Это ровно ничего не значит, — утешал В. Брюсов, — для получения феноменов необходимо коллективное напряжение воли. Очевидно, сегодня чья-то противодействовала, здешняя ли, потусторонняя ли, — не знаю.

— Моя! Моя! — злорадно подумала я.

После сеанса и ужина С. Кречетов в приятном настроении учитывал выгоды от неожиданного сближения на спиритической почве с В. Брюсовым.

— Может быть, теперь грызть меня меньше будет? Как ты думаешь. А?

Я этого не думала...

Через дня два-три В.Брюсов позвонил по телефону:

— Когда же у Вас предполагается сеанс?

Объяснила, что сеанса не будет, что мы едем в «непокойный дом» расследовать обстоятельно на месте феномены. Стилистически заинтересовался В. Брюсов.

— Ах, я сам давно жду такого случая. Вы возьмете меня с собою, а? А Вы все в трауре, Донна Анна?

Сурово и отчетливо проговорила я в трубку:

— К Вашим услугам, Валерий Яковлевич. Будем Вас ждать, чтобы ехать на поезд.

В вагоне терзало нелепое сочетание людей, искусственное производство разговоров и ничем не мотивированное присутствие В. Я. Часов в 6, в глубоких сумерках вышли мы из вагона. Ждали экипажи: коляска парой и тряский тарантас, заваленный сеном...

Поехали. Начала разговора — и десятой части его не помню, — весь в полунамеках, как в моде было тогда говорить. <...>

Было странно и нерадостно ехать так рядом с человеком, которого годы и годы хотелось встретить совсем не так, перед которым хотелось стоять ученицей, теребя передник в холодных руках. Ученицей перед мэтром!.. А тут что? Глупая поездка, в чей-то глупый «непокойный дом».

Наконец лают собаки, виднеется серый забор, ворота... Какие-то люди (их было четверо) подошли к нашим экипажам с приветствиями.

Это были туземцы, ожидающие спиритическую комиссию, — старший и младший учителя с женами. Младшие повели нас к себе и начали с места в карьер угощать почетных гостей.

Это были молодожены. Розовая ситцевая бонбоньерка — их комната, начала скоро качаться перед глазами, как корабль в бурю: то все в ней ту-

манилось, то назойливо лезла в глаза каждая деталь — клетка со спящей птицей, альбом с бронзовыми застежками в виде львиных лап. На плюшевой скатерти, длинно-белый унылый нос хозяина жил перед глазами самостоятельной жизнью.

— Ну, так расскажите же, в чем дело. У вас неспокойно в доме? Феномены?

Допрашивал, конечно, Кречетов. Он всегда вывозил на своих плечах людей, не знающих, как себя в некоторых случаях вести...

— Ужасно неспокойно. Жить нельзя! По ночам стуки то в крышу, то в стену, в сенях кто-то шаркает туфлями, в дверь стучатся. А наберешься духу, выглянешь — ни души. Да кому же у нас ночью ходить? Коллега с женой спят, сторож тоже, а кругом лес да поле.

— Гм... Нужно устроить немедленно сеанс, — решили сообща.

Бутылки значительно опустели. Сеанс обещал удачи...

В пустой огромной сельской школе ночью было похоже на церковь. Облака упали за лесом, высоко стояла желтая луна. Черные кресты рам режут пол. Парты словно гроба. Все куда-то разбежались. Постояла одна, вышла, опять вошла и черная узкая тень поднялась из-за парты.

— Вы?

— Я... Сядьте здесь. Пусть он устраивает сеанс. Сядьте же, я очень много хочу Вам сказать. — И ничего не сказал. Мимо нас, натыкаясь на парты, бродил Попов, ощупывал нас за плечи и не узнавал.

Кречетов был вне себя, но, сохраняя престиж, пространно объяснял молодоженам трудность добиться спиритических разъяснений с первого же раза.

Но молодожены во всем сознались сами, когда бутылки опустели совсем: старший учитель метил на их место свою племянницу и попросту выживал их с помощью «потусторонних» вторжений в их скромную жизнь.

Валерий Яковлевич хохотал, как сумасшедший.

<...>

Оккультные интересы в Москве все разгорались. Стали интересоваться спиритическими феноменами, и не на шутку, даже какие-то молодые ученые и университетские приват-доценты, группирующиеся около некоего А. С. Хомякова, — последнего отпрыска знаменитого рода славянофилов Хомяковых.

По его инициативе вскоре выписали в Москву из Варшавы известного профессионального медиума Яна Гузика. Он же любезно предоставил для сеансов помещение в своем особняке на Новинском бульваре.

Я не была в Москве 14 лет и могу ее помнить только прежней, и почему-то этот обломок быта, особняк Хомякова и сам он врезались в память с яркостью воспоминаний детства. Вот звонишь, но это не веселая электри-

ческая трель, а какой-то гулкий, хриплый стон вдали.

Шарканье старческих ног в вестибюле, особенный дряхлый скрип двери, и старик в белом жилете, с лицом министра, с седыми баками, почтительно кланяясь, встает на пороге:

— Барин дома?

— Дома. Пожалуйте-с, они в детской.

Идешь по анфиладе комнат с допотопными люстрами, с унылыми диванами тридцатых годов, обитыми плюшем. В одной из последних комнат, где в горках аккуратно расставлены самые замысловатые игрушки, из-за низенькой парты поднимается «барин» в куцем синем пиджачке с протертыми локтями. Барин, расточительный миллионер, полу-ученый, полу-писатель, владелец колоссального конского завода и бесчисленных угодий по всей России, высокий, прихрамывающий человек, с атласисто черной маленькой змеиной головкой и умными небольшими фиолетовыми глазками.

Наружность совершенно дегенеративная и неприятная и чем-то привлекательная.

В. Брюсов потом очень любил бывать в этом доме и уверял, что в нежилых комнатах мезонина непременно скрыты какие-то тайны в духе Эдгара По.

Инициатива пригласить Яна Гузика исходила из хомяковского особняка. За поездку тот спросил 1200 р[ублей], и участники, человек 18, охотно поделили расходы.

Н. М. Минский, захваченный врасплох настроением умов, непременно пожелал принять участие в первом сеансе.

Ян Гузик появился в гостиной Хомякова перед нарядной публикой, с приятным внутренним щекотанием ожидающей наплыва спиритической жути, совсем как призрак. Более отвратительного существа я в жизни моей не видала.

Небольшой, весь какой-то узкий, с зеленовато-трупным лицом, с зеленоватыми же, словно замершими, глазами, по моему впечатлению даже холодный и сыроватый наощупь, в узко облегающем узкое тело, словно пропитанном плесенью сюртуке, он как-то странно мигал от яркого света и жался к стенам. Н.М. Минский попросил его посадить непременно рядом с медиумом для контроля.

Сели цепью, погасили огни. Только на камине — кроваво-черная лампада.

Около Яна Гузика положили и поставили все необходимые атрибуты: какой-то ящик, вроде клетки, с бубенчиками внутри, ручные колокольчики, карандаш и бумагу и пр.

Звоните, пишите, трясите клетку с бубенчиками, духи! Шарьте по лицам холодными пальцами, убеждайте в существовании загробного мира! Но —

ничего! Ровнехонько ничего! Кто-то негодующе шипел, верно думал: зазря вышвырнул ты денежки!

Но вдруг, как будто что-то началось. Явственно звякнул в клетке бубенчик.

Экспансивный Минский, сразу поняв, что это действует дух самого Яна Гузика, сделал по его адресу какое-то неосторожное замечание. Опять тишина, и вдруг отчаянный крик Минского:

— Ай, ай! Меня бьют. Зажгите же огонь. Черт знает что!

Всполошились. Вспыхнула люстра. Ян Гузик сидел, тяжело дыша, как зеленое изваяние, а Минский отчаянно тер покрасневшую щеку.

— Он, это он меня ударил. Ощущение такое, точно ногой в шерстяном носке.

С Яном Гузиком мы устроили второй сеанс, более интимный и малолюдный, в конторе брата моего мужа на Варварке. Огонь загасили совсем. Мы с В[алерием] Я[ковлевичем] сидели по обе стороны от медиума, держась с ним за руки.

И минут через 15 на этот раз действительно началось нечто очень противное: медиум захрипел как в агонии, и что[-то] стал нашаривать моей рукой за спиной в пустоте, и рука моя прикоснулась к какому-то очень твердому, не то окоченевшему, не то замершему телу, покрытому холодной отсыревшей тканью вроде полотна. Обшаривали мы это тело снизу от пола, но верха не достигали, верно, было оно слишком рослое.

Это удовольствие испытывали все по очереди. Волосы приятно пошевеливались на голове. Потустороннюю пакость одновременно хотелось и длить и прекратить.

Но длить не пришлось. Прекратить же ее немедленно настоял В. Я. Потому что Ян Гузик закатился в конвульсивном нервном припадке.

НА ЗАСЕДАНИЯХ РУССКОГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

<I>

Особенный интерес вызвал краткий отзыв г. *Брюсова* о новой книге Метерлинка «Le mort»; г. *Чистяков* по поводу этой книги и теории Метерлинка напомнил собравшимся об известной теории «радиантного организма» Ломброзо и об опытах последнего времени в Голландии.

В. Я. Брюсов прочитал из латинского сборника Малезиано 1604 г. несколько интересных случаев непокойных домов, почерпнутых у Плиния, Агриноты, Тильдехайма, Сигибера и др.

Собрание закончилось интересным сообщением г. *Чистякова* о деятельности Теософонич. <sic> Общества за последнее время и о происшедшем в этом О-ве расколе.

<II>

Собрание 11 марта с.г. началось сообщением *д-ра Пескова* о необычном поведении его часов в момент смерти его жены; два аналогичных случая приводит г. *А.* и *Б. В. Я. Брюсов* напоминает также о способности зеркал отражать нереальное, особенно в моменты смерти их владельцев, следствием чего явилось обычаем завешивать зеркала на время пребывания покойника в доме.

По поводу зеркал гг. *Ласская* и *А.* и *Б.* приводят случаи своих сверхнормальных видений в зеркалах. Затем *В. Я. Брюсов* сообщает два сделавшиеся ему известными случая: 1) автоматического письма от живого еще лица и 2) непокойных явлений, связанных с обручальным кольцом. По поводу последнего г-жа *Христофорова* приводит случай периодического ночного посещения ее ее отшедшей подругой, а г. *А.* и *Б.* рассказывает о странном медиумизме и снах госпожи Е. Д.

Горячий интерес вызывают переводы г. *Брюсова* из Апулея: 1) о детском ясновидении, из защитительной речи Апулея; 2) из трактата «О демоне Сократа» и 3) из книги «О мире» — «Мысли о Боге». Собрание заканчивается небольшой речью г. *А.* и *Б.* о символизме в предсказаниях.

С. Шаргородский

ТАЙНЫ ОФИЭЛЯ

(Три оккультных эпизода Серебряного века)

I

Arbatel de magia veterum у В. Брюсова и Вяч. Иванова

Фигура немецкого ученого, теолога, медика, философа и эзотерика Генриха Корнелия Агриппы из Неттесгейма (1486-1535) представляется одной из определяющих для оккультного *milieu* так называемого Серебряного века русской литературы.

С Агриппой ассоциировался у современников В. Брюсов, Агриппа стал персонажем его романа «Огненный ангел» (и, соответственно, более поздней оперы С. Прокофьева); наконец, во многих исследованиях и публикациях сообщается, что Брюсов «открыл» Вяч. Иванову тайное учение Агриппы, знакомство с которым вылилось в ряд стихотворений Иванова, отразивших эзотерические воззрения немецкого мыслителя[1].

Однако эти утверждения, основанные — справедливости ради заметим — на высказываниях самого Иванова и приводимой им цитате из некоторого магического трактата, как будет показано ниже, весьма далеки от истины. Быть может, мы имеем здесь дело с недоразумением, возможно (если не вероятно) — с результатом вполне сознательной мистификации со стороны Брюсова.

Поскольку главенствующую роль в курьезной истории с «таинствами Агриппы» играет упомянутый трактат, а именно гримуар XVI в. *Arbatel de magia veterum*, нам понадобится уяснить значение данного сочинения для Брюсова, рассмотрев ключевой вопрос о «магическом» образе поэта и месте практической магии в его жизни.

Широко известно обостренное внимание Брюсова к оккультизму, которое нашло свое выражение как в его сочинениях, так и в занятиях спиритизмом, глубоком интересе к «тайной традиции» и загадочным явлениям психики, прилежном изучении эзотерической литературы от античности и магических трактатов Средневековья и Возрождения до новейших трудов представителей «оккультного Ренессанса» середины XIX-начала XX вв.[2].

В рамках избранной им жизнетворческой модели Брюсов достаточно рано начал конструировать облик «волхва», «мага» и адепта тайных наук, что было отмечено немалым числом мемуаристов, а позднее биографов и

исследователей его творчества. Уже в первой половине 1900-х годов образ Брюсова-мага приобретает канонические черты и становится непременным атрибутом многих посвященных ему поэтических и критических текстов.

Как ранее отмечалось, значительную роль в формировании «магического» образа Брюсова сыграл А. Белый. В 1903-1904 годах Белый именует поэта не иначе как «магом» и посвящает ему два стихотворения под одинаковыми заглавиями «Маг». В первом из них, первоначально названном «Валерию Брюсову» («Я в свисте пламенных потоков»), адресат посвящения изображен был «в венце из звезд застывшим магом», постигшим таинства небес и хода времен[3]. Стихи эти несводимы к гиперболическому или метафорическому приему — в частной переписке тех лет Белый также высказывал уверенность в магических способностях Брюсова[4].

Отождествление Брюсова с Агриппой из Неттесгейма было важнейшей составляющей магического образа поэта; Брюсов и сам, по всей видимости, культивировал эту деталь своего оккультного облика и в размышлениях и текстах постоянно возвращался к сочинениям и личности Агриппы.

«В молодости Брюсова влекли к себе образы Агриппы Неттесгеймского, Парацельса, Сведенборга; у него на столе можно было найти книжки Шюре, Кардека, Дю-Преля», – сообщает Г. Чулков[5]. В мемуарной трилогии Белый вспоминает, как Брюсов «с исступленною страстью изучал <....> средневековые суеверия; ведь в нем роился уже его средневековый роман, “Огненный ангел”; и фигура Агриппы, полушарлатана, полуоккультиста, полугуманиста, из слов вылезала его: “Знак Агриппы... Что думаете об Агриппе?”»[6]. Судя по косвенным данным, роман изначально мыслился именно как повествование об Агриппе: о работе поэта над «большим историческим романом из жизни знаменитого германского мистика Агриппы» сообщал в начале 1905 г. журнал «Искусство»[7].

С публикацией «Огненного ангела» (1907-1908), где «знаменитый мистик» был оттеснен на второй план, оставшись при том весьма важным для героев и автора персонажем, уподобление Брюсова Агриппе получило дальнейшее развитие; особенно последовательно это уподобление проводилось Белым[8]. Хотя Белый считал «лицо Агриппы» всего лишь одной из внешних «масок» Брюсова, для самого поэта, вне сомнения, речь шла о чувстве глубинного внутреннего родства, а интерес к Агриппе отнюдь не был преходящим. Так, Брюсов написал статьи о немецком эзотерике для «Русской мысли» (1911) и «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона (1913), а также выступил инициатором перевода и редактором изданной в 1913 г. биографии Агриппы, снабдив труд Ж. Орсье апологетическими статьями[9]. В образе Агриппы, нарисованном в одной из них, нетрудно распознать автопортрет Брюсова:

> Мы знаем теперь не того Агриппу, которым пугали детей в XVI веке, не чернокнижника, водящего на привязи дьявола в виде собаки, но Агриппу, неутомимого трудолюбца, энциклопедически образованного ученого, бесстрашного и честного мыслителя, прекрасного стилиста и язвительного памфлетиста[10].

Этот аспект личности Брюсова, видевшего себя в качестве рационалиста от оккультизма, эзотерика-просветителя, наследника русского оккультного Просвещения XVIII в., подметила в мемуарном очерке «Герой труда» (1925) еще М. Цветаева: «Брюсов. Брюс. Созвучие не случайное. Рационалисты, принимаемые современниками за чернокнижников. (Просвещенность, превращающаяся на Руси в чернокнижие.)». «Брюсов думал, что можно удачно сочетать оккультные знания и научный метод» – вторит Г. Чулков[11]. Сравним с высказыванием Брюсова, сделанным в августе 1924 г., то есть за считанные месяцы до смерти:

> Как вы можете говорить, что такой науки <оккультизма> нет?! Вы просто не знаете этой науки, и потому не имеете права говорить, что ее нет. Оккультизм есть наука с точными знаниями. Есть много выдающихся людей, которые признают оккультизм наукой, изучают его. Эта наука в своей истории имеет целый ряд доказательств. И я не верю в нее, а знаю, что потусторонний мир существует так же, как наш[12].

Выразителем такого подхода к оккультизму, всю жизнь сохранявшегося у Брюсова (см. «Учители учителей»), выступает Агриппа «Огненного ангела», который определяет магию как «сокровенное знание о природе», подлинную же, всеобъемлющую науку, поглощенную «связью всех вещей» и путями их взаимовлияния — воплощением «совершеннейшей философии» и «истинной магии древних». Но и этот Агриппа, как отмечено исследователями, при всех скептических отзывах о «темных» магических опытах был им не чужд[13]. Уподобляясь Агриппе, обращался к оккультным и в частности магическим практикам и Брюсов.

Здесь следует остановиться и заметить, что некоторым современникам «магия» Брюсова представлялась исключительно «позой» (М. Кузмин) или элементом «“демонической” и всяких других поз» (З. Гиппиус)[14]. «Дальше литературного и салонного оккультного экспериментализма у него дело не шло. В этом было даже что-то ребяческое» — заключает Г. Чулков[15].

Современные исследователи то подхватывают эти версии, то осторожно говорят о знакомстве поэта с магическими практиками, то указывают на его незаурядную начитанность в эзотерической литературе и при этом объявляют его оккультизм «игрой» и т.п.[16]. Вполне очевидно, что подобный разнобой и амбивалентность мнений являются результатом неразличения внешнего и внутреннего, сокрытого, то есть экзотерического и эзотерического планов

оккультизма. *Экзотерическая* деятельность многих видных представителей европейского и в первую очередь французского «оккультного Ренессанса», вдохновлявших Брюсова, включала игровые элементы, театрализацию и даже, если угодно, карнавализацию оккультизма. Это никак не означает, что в ней отсутствовало внутреннее, *эзотерическое* измерение, которое могло также включать развернутую ритуально-магическую практику или ограничиваться в этом плане, как в случае Брюсова, определенными экспериментами.

Ценное и достаточно четкое свидетельство отношения Брюсова к магии оставил В. Ходасевич, близко знавший возлюбленную поэта Н. Петровскую. Брюсов, как указывает Ходасевич, «занимался оккультизмом, спиритизмом, *черною магией*, — не веруя, вероятно, во все это по существу, но веруя в самые занятия, как в жест, выражающий определенное душевное движение» (далее мемуарист упоминает «*магические опыты*» Петровской «под руководством Брюсова»)[17]. Вопреки этой пристрастной оценке, оккультистом «научного» толка Брюсов был и оставался до самой смерти, магию же, олицетворяя себя с романным и историческим Агриппой из Неттесгейма, действительно считал всего только «жестом» *эзотерической работы*.

Характерно, что магический «жест» рассматривался Брюсовым, по всей видимости, как близкий к внешнему, экзотерическому и театрализованному измерению оккультизма. Именно в этом контексте следует воспринимать проявления брюсовской «магии» в достославном мистическом столкновении его с Белым, на котором хотелось бы остановиться чуть подробнее.

Конфликт свой с Брюсовым в 1904 г. Белый, как известно, недвусмысленно расценивал в категориях магической дуэли[18]. В связи с этим астральным поединком порой мельком упоминается прогремевшая в среде оккультистов «битва магов» во Франции конца 1880-начала 1890-х гг. Думается, однако, что данный инцидент достоин более подробного рассмотрения. Участниками его являлись, с одной стороны, лишенный сана аббат Ж.-А. Буллан (1824-1893), известный своими неконвенциональными религиозными практиками и подозреваемый в сатанизме, а также приверженцы аббата и в том числе писатели Жюль Буа (А. А. Жюль-Буа) и Ж. К. Гюисманс, с другой же — основатель «Каббалистического ордена Розы и Креста» Станислас де Гуайта и его секретарь и последователь О. Вирт (1860-1943), которые обвиняли Буллана в распутстве и оккультном шарлатанстве[19].

Не вдаваясь в перипетии конфликта, отметим лишь моменты, имеющие значение для нашего исследования. Через несколько дней после смерти Буллана (4 января 1893 г.) Буа со страниц журнала «Жиль Блас» публично обвинил Гуайту и его сторонников в убийстве аббата. Среди прочего, Буа утверждал, что Гуайта способен подчинять себе духов, тайно изготовляет яды и отправляет их «по воздуху» на большие расстояния и т. д. «Печень и сердце, куда был поражен Буллан, суть точки вхождения астраль-

ных сил <...> Я требую вразумительных объяснений» — бушевал он. В свою очередь, Гюисманс в интервью «Фигаро» заявил, что «мой бедный друг Буллан, не исключено, пал жертвой высшего заклинания». Возмущенный Гуайта ответил издевательским опровержением в «Жиль Бласе» и вызвал Гюисманса и Буа на дуэль. Секунданты сумели предотвратить поединок с Гюисмансом; дуэль Гуайты с Буа все же состоялась — противники обменялись выстрелами, но дело обошлось без крови (дуэль, по рассказу секунданта Буа, сопровождалась всевозможными сверхъестественными происшествиями). Менее пяти лет спустя, в 1897 г., Гуайта скончался; вслед за тем быстро распространились слухи, что к смерти прославленного 36-летнего оккультиста приложили астральную руку его враги[20].

Как ранее декадентство, западный оккультизм проникал на русскую почву путем имитации и подражания: участники «сражения» 1904 г. явственно ориентировались на французский образец, сознательно или неосознанно воспроизводя обстоятельства «битвы магов» девяностых годов (обвинения в чернокнижии и альянсе с дьяволом, астральные воздействия, таинственные знаки — присутствует даже несостоявшаяся дуэль). Такова линия поведения Брюсова с тостами «за тьму», погашенными светильниками, неожиданными исчезновениями и прочими элементами нарочитой профанно-«магической» театральности. Белый, со своей стороны, приписывал Брюсову угрозы «в астрале» и использование гипноза, упоминал о «медиумических явлениях» в собственной квартире (стуки, шепоты, звуки выстрелов и пр.), обвинял мистического противника в пособничестве темным силам и занятиях черной магией. Брюсов, уверял он — «черномаг и отдушник, из которого, как из печки, в дни ужасов кто-то выбрасывает столбы серных паров»[21].

Детали эти дошли до нас, в основном, в изложении Белого, который в период «магической дуэли» находился в надломленном и истерическом душевном состоянии. Что же касается «магических» действий Брюсова, то их практическим воплощением стало угрожающее стихотворение «Бальдеру Локи» (со строкой «лук волшебный наведен»), посланное Белому на листе, свернутом в форме стрелы. Это, разумеется — визуальная отсылка к теме стихотворения и собственно мифу о Локи и Бальдере, с возможным намеком на «аргонавтические» устремления Белого[22]. Трудно сказать, считал ли на самом деле Брюсов подобное деяние магическим — ведь оно подразумевает обращение к самым примитивным формам магии, но в то же время и веру в симпатическую и прогностическую магию поэзии. Скорее, брюсовская стрела отразила ту же театральность оккультной экзотерики; тем не менее, Белый рассудил, что «посылают стрелу по рецептам магическим — “глазить”»[23]. Свое ответное послание «Старинному врагу», направленное противнику в сопровождении цитат из Евангелия и рисунка креста, Белый видел как «заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии — раз и навсегда»[24].

Сохранились и свидетельства более значимых магических упражнений Брюсова, в том числе попыток овладеть церемониальной магией.

Сам Брюсов в письмах и стихах намекал на подобный опыт: «Я въявь и заочно беседую с дьяволами» — писал он в октябре 1900 г. И. Ясинскому[25]. В стихотворении «Последние думы», вошедшем в сборник Брюсова «Me eum esse» (1896, тит. 1897), описывался магический ритуал:

Меня охраняет
Магический круг,

И, тайные знаки
Свершая жезлом,
Стою я во мраке
Бесстрастным волхвом[26].

Еще одно описание ритуала, на сей раз сопровождающегося фаустианским пактом с нечистым, находим в незавершенном стихотворении «Как старый маг…»:

Как старый маг, я продал душу,
И пакт мой с Дьяволом свершен.
Доколь я клятвы не нарушу,
Мне без лукавства служит он.
<…>
И каждый вечер, раб послушный,
Из мира дум, из круга слов
Меня ведет тропой послушной
В страну неповторимых снов[27].

Реальность магии, впрочем, опровергала магическую реальность поэзии. В фрагментарных воспоминаниях М. Волошина сохранился устный рассказ Брюсова об одном из магических опытов, который Брюсов провел вместе со своим другом, поэтом А. Лангом (Миропольским)[28]:

> Постепенно у нас составился круг знакомцев, которые с нами беседовали. В этом круге сущностей они являли свои виды и планы на нас — и мы им в чем-то должны были помочь. В чем, так и осталось для меня неясным. Они начали нами руководить и давали нам ряд указаний и формул, носивших характер чисто магический, который часто трудно было исполнить. По смыслу их требований, необходимо было иметь <…> обширное пустопорожнее место. <…> Лишь по третьему разу нам удалось его устроить. Я расставил светильники, как нам было указано, начертил знаки и круг, но когда начал произносить заклинания, то рядом с нами упала тяжесть в несколько десятков тысяч

пудов. Светильники наши были разбиты вдребезги и погасли, не понимаю, как чердачные балки вынесли этот удар и как мы сами не пострадали. Очевидно, я сам недостаточно тщательно замкнул круг или сдвинул один из светильников. Словом, эксперимент был неудачен, и наше общение с этой группой духов этим кончилось. Никто из них на сеансах с нами больше не разговаривал. Мы старались узнать о их судьбе, расспрашивая других духов, но ответы были странные, мало понятные. Нам отвечали:

— Их нет, они заперты, — и раз даже — они умерли[29].

Конечно, и стихотворения, и письма, и устные рассказы могли быть (и были) частью конструируемого Брюсовым экзотерического «магического» образа. В то же время, опыты церемониальной магии никак не относились к области фантазий, о чем говорит письмо Ланга к Брюсову от 2 августа 1896 г.: «Я поймал на улице голодного больного котенка “совершенно черного” “без единой крапинки”. Мы прежде часто говорили с тобой о подобном коте и наконец я нашел подобное животное. <...> Мой кот настоящее животное черной масти. Надеюсь он тебе понравится. Впрочем мы совсем забыли за последнее время наши *опыты из черной магии*»[30].

Магические эксперименты Брюсова продолжались, очевидно, и после его расхождения с Лангом, хотя мы можем лишь строить предположения об их характере. В примечаниях к «Огненному ангелу» Брюсов приводит немало названий магических трудов, но намеренно затемняет картину — недаром он напоминает тут же о «знаменитом совете» Агриппы последователям: «Sile, cela, occulta, tege, tace, mussa» («Молчи, таи, прячь, прикрывай, не говори, помалкивай»)[31]. Упоминание черного кота в письме Ланга указывает на то, что в 1890-е гг. Брюсов и его друг обращались к «Гримуару Гонория», магической книге XVII в.; в некоторых версиях гримуара описан кровавый ритуал с кошачьей головой или черепом, с помощью которого практик может якобы стать невидимым[32]. Если же счесть описанный в «Огненном ангеле» ритуал определенного рода подсказкой, напрашивается заключение, что в дальнейшем Брюсов практиковал более классическую «соломонову» магию, руководствуясь такими магическими сочинениями, как различные версии «Ключа Соломона» и ряд других гримуаров «соломонова» круга[33].

Исключительно важен был для Брюсова сборник магических трактатов под названием *Henrici Cornelii Agrippae liber quartus de occulta philosophia, seu de cerimoniis magicis* («Четвертая книга Генриха Корнелия Агриппы о сокровенной философии, или о магических церемониях»), что был издан после смерти Агриппы и заклеймен как подделка его учеником И. Вейером. Это безусловно было известно Брюсову, но не менее хорошо осознавал он и разницу между теоретической «Сокровенной философией» Агриппы и гримуаром. Надо полагать, что Брюсов, подобно некоторым совре-

менным ученым, считал книгу псевдо-Агриппы опытом практической реализации построений «Сокровенной философии»[34].

Изображенный в «Огненном ангеле» составной ритуал обнаруживает, среди прочего, явственную зависимость от включенного в «Четвертую книгу» псевдо-Агриппы гримуара *Heptameron, seu elementa magica* («Гептамерон, или магические элементы»), который приписывался итальянскому врачу и философу XIII-XIV вв. Пьетро д'Абано (Петру Абанскому). Многие детали магической церемонии, имена демонов, молитвы и инвокации «Огненного ангела» полностью или частично заимствованы из перечисленных выше источников.

В числе гримуаров и магических наставлений самое пристальное внимание Брюсова привлекло также сочинение *Arbatel de magia veterum* («Арбатель о магии древних»), впервые изданное в Базеле в 1575 г.[35]. О значимости этого трактата для Брюсова свидетельствует уже тот факт, что он зашифровал его название в центральной фразе речи Агриппы в «Огненном ангеле»: «Наука, которая рассматривает и изучает <...> вселенские отношения, которая устанавливает связь всех вещей и пути, которыми они влияют друг на друга, и есть магия, истинная *магия древних*»[36].

Гримуар, в свое время чрезвычайно популярный и влиятельный, излагал в 49 афоризмах или семи «седмицах» основы ангельской магии; рецепты сопровождались множеством духовно-этических поучений, которым должен был следовать адепт (некоторые авторы описывают «Арбатель» как «пример "духовного" подхода к магии»)[37]. Ввиду относительной простоты рецептов «Арбателя» едва ли приходится сомневаться в том, что брюсовские занятия ритуальной магией включали также попытку проникнуть в тайны мироздания при посредстве ангельских сущностей.

Афоризмы «Арбателя», к тому же, будто вторили личностным установкам поэта, твердо верившего в свою избранность — в трактате говорится, что магическое мастерство есть признак божественного предназначения адепта: «Из материнской утробы Магом выходит тот, кто есть истинный маг; другие же, что предаются подобным занятиям, несчастны» (Aph. XVII)[38]. Тем, кому «предопределено овладеть Магией, остальные умения искусства сами откроются» (Aph. XVIII). «Истинный и обращенный к Богу» маг властен над всеми творениями Господа; «посредственным» магам духи повинуются лишь отчасти, тогда как на «ложных магов» насылают дьявольские чары и всевозможные напасти (Aph. XVII).

В третьей седмице трактата повествуется о семи «олимпийских» или планетарных Духах, назначенных Всевышним управлять «всем универсумом и механизмом сего мира. Имена им на горнем наречии по зримым их Звездам суть ARATRON, BETHOR, PHALEG, OCH, HAGITH, OPHIEL, PHUL (Аратрон, Бетор, Фалег, Ох, Хагит, Офиэль, Фил)»; семь ангельских владык повелевают могущественными сонмами подчиненных духов и зримыми облас-

тями небесной тверди (Aph. XVI). Далее приводятся сигилы Духов и говорится, что «магически призывать Семерых верховных властителей не составляет сложности: в подобающее время, день и час зримого и незримого их владычества, называя их по имени и должности, установленной каждому Всевышним, и показывая печати, каковые они утвердили либо даровали» (Aph. XVII).

В «Арбателе» прослеживаются следы влияния различных эзотерических течений от герметизма и неоплатонизма до Парацельса; важным источником для автора гримуара послужило сочинение *De Septem Secundeis* («О Семи Вторичных») аббата Тритемия (1508), где излагается похожая схема деления всемирной истории на эоны, каждому из которых соответствует планета и свой олимпийский дух. Имеются, однако, и существенные отличия не только в именах планетарных духов, но и в порядке чередования эонов и их длительности: у Тритемия ангельская эпоха составляет 354 года и четыре месяца, у автора «Арбателя» — 490 лет.

По этой причине Брюсова крайне заинтересовала последняя часть афоризма XVI. В ней рассказывается, что «в году 60 до рождества Христова началось господство БЕТОРА, и продлилось до года Господа Христа 430. Ему наследовал ФАЛЕГ до года 920. Засим ОХ до года 1410. Далее ХАГИТ до самого года 1900». Брюсов справедливо заключил, что в 1900-м году, как следует из трактата, наступила эра Офиэля, повелителя «сотни тысяч легионов» и дарителя Духов-покровителей.

Словно Агриппа, писавший друзьям о «тайном ключе» к «Сокровенной философии», Брюсов поделился пророчеством с наиболее достойными из своих собеседников. Видимо, с А. Белым — вспомним, с какой настойчивостью повторяется в его стихотворных посвящениях Брюсову мотив *звездных чисел*: «в венце из *звезд* застывший маг», «упорный маг, постигший *числа* / и *звезд* магический узор», вспомним и статью «Семь планетных духов»[38a]. И, уже не гадательно — с Вяч. Ивановым.

Тут и случилось роковое происшествие. Из неизвестных нам соображений Брюсов приписал откровение о наступлении эры Офиэля не безвестному автору магического трактата, но Агриппе. Можно, казалось бы, высказать предположение, что Брюсов искренне считал немецкого философа автором «Арбателя», поскольку познакомился с гримуаром в чьем-либо пересказе или в составе сочинений Агриппы; однако весьма сведущий в оккультной литературе и педантичный в обращении с источниками Брюсов наверняка отлично знал, что «Арбатель» никак не являлся произведением Агриппы[39].

Таким образом, со стороны Брюсова могла иметь место либо оплошность, либо попытка придать особую весомость и значимость своим мистическим прозрениям с помощью ссылки на авторитет Агриппы. Замысел (если то был план) сработал: пророчество Брюсова, этого окруженного ма-

гической аурой адепта, которого и самого уподобляли Агриппе, произвело глубокое впечатление на Иванова. Он был потрясен услышанным — и воспринял откровение «Арбателя» как исходящее непосредственно от Агриппы.

В этом клубке недоразумений — или паутине мистификации — главную роль сыграла суть мистического откровения псевдо-Агриппы, отвечавшая самым сокровенным мыслям Иванова. Понятно, что потрясло его отнюдь не перечисление планетарных владык вкупе с сигилами, не давно знакомая поэту идея небесной иерархии и не описание смены эонов (концепция, прекрасно известная ему по наследию классической античности, теософии, индийским учениям и т.д.).

Главным было то, что Офиэль, как сказано в трактате, есть Дух Меркурия — и, соответственно, Гермеса как изменчивого покровителя трансмутаций и преображений и источника сокровенных знаний. Офиэль «наставляет во всех искусствах и возвышает того, кто благословен его знаком; дарует он силу в мгновение ока обращать ртуть в Философский камень» (Aph. XVII). И потому наступившая эпоха Офиэля означала осуществление напряженных мистических чаяний и исполнение великого творческого делания.

Размышления об олимпийских духах и тайнах Офиэля, сочетавшиеся у Иванова с мыслями о судьбах России, сыграли ключевую роль в возвращении поэта и его жены Л. Д. Зиновьевой-Аннибал из-за границы в 1905 г. «Вот слова Л. Д. по этому поводу: “Мы поняли, что теперь нужно быть здесь”. Эти слова требуют пояснения; существует мистическое, оккультное восприятие мира и течения событий в мире; согласно этому восприятию центр духовных сил в это время был перенесен в Россию; предстояли огромные события, начинающие переходную эпоху к новой эре в истории человечества» — вспоминал друг Иванова С. Троцкий[40]. Даже шуточное новогоднее послание к Брюсову, написанное в первые дни января 1905 г., отразило мистические ожидания Иванова, связанные с «Арбателем» и образом Агриппы: «Тогда, быть может, твой Агриппа / Вещал бы нам, что в новый год / Суждён России дар свобод...»[41].

Иванов вновь вернулся к Агриппе в эссе «Из области современных настроений» (1905):

> Агриппа Неттесгеймский учил, что 1900 год будет одним из великих исторических рубежей, началом нового вселенского периода, одного из тех периодов, длительностью каждый в 490 лет, сроки которых делят всемирную историю на последовательные царствия семи космических демонов. Едва ли кто знал в нашем обществе об этих исчислениях старинных чернокнижников; но несомненно, что как раз на меже новой астральной эры были уловлены чуткими душами как бы некие новые содрогания и вибрации в окружающей нас интерпсихической атмосфере — и восприняты как предвестия какой-то иной, неведомой и грозной эпохи»[41a].

Те же формулировки были сокращенно повторены в статье «О русской идее» (1909). И четверть века спустя Иванов вспоминал о звездных демонах и предсказанной «Агриппой» новой эре в статье «Русская идея» (1930), изначально вышедшей на немецком языке:

> Едва ли кто знал у нас об этих сомнительных исчислениях старинных книжников, кроме двух поэтов, один из которых, узнав об учении неттесгеймского астролога от другого, сочинил сумрачную «carmen saeculare», в которой он провозгласил начало новой эры жесточайших потрясений и приближающееся господство дикого «adamantina proles»[41b].

История с лже-Агриппой, как видим, оказалась судьбоносной. Но этому только предстояло произойти — покамест Иванов, вдохновленный неведомым автором гримуара, пишет стихотворный цикл «Carmen Saeculare», который летом 1904 г. отправляет Брюсову.

«Я написал «Carmen Saeculare» <...>, вышлю с другим письмом. Понравится ли тебе, не знаю. В нем формулировано много внутренне пережитого; но оно может показаться только формулой передуманного. Этим стихотворением обязан опять тебе: это *ты* показал мне у Агриппы, что с 1900 г. судьбами Земли правит новый звездный демон. Текст, пожалуйста, припиши как эпиграф. Вот почему — carmen *saeculare*» — сообщает Иванов[42].

Брюсов просьбу поэта не выполнил и цитату из «Арбателя» эпиграфом не поставил: в альманахе «Северные цветы ассирийские» (1905) цикл был напечатан лишь с посвящением «Валерию Брюсову». Мало того, Брюсов никак не постарался развеять заблуждение Иванова в отношении авторства Агриппы. Это породило дальнейшую путаницу — публикуя окончательный вариант «Carmen Saeculare» в сборнике «Cor Ardens» (1911-12), упорный Иванов искомую цитату обнаружил[43]. Увы, обратился он, судя по всему, к наиболее новому на тот момент и одновременно доступному изданию»[44] — где «Арбатель» все так же приписывался перу Агриппы...

Эпиграф, размещенный в «Cor Ardens», представлял собою достаточно искаженную выжимку из *Arbatel de magia veterum*:

> Есть семь мировых кормчих и семь державств небесных, коим повелел Бог ведать всю сию громаду вселенной; их же светила зримые и имена на языке небесном суть: Аратрон, Бефор, Фалег, Ох, Хагиф, Офиель, Фил. И правительствует каждый лет 490. Владычествовал Бефор от 60 г. до Рождества Слова по 430 г.; ему наследовал Фалег до 920 г.; Фалегу Ох до 1410 г. Хагиф царствует по 1900 г.; оттоле Офиель.
>
> Корнелий Агриппа (Arbatel de Magia, aph. XVI).

Теме «небесных кормчих», управляющих судьбами людей и государств, отведено было значительное место в «Cor Ardens». Сам цикл, написанный в высоком ключе «Carmen Saeculare» Горация[45], открывался стихотворным посвящением, озаглавленным «Строки Валерию Брюсову, открывшему мне эру Офиеля, по учению Агриппы»:

О Тайн ключарь, проникший руны,
Где звезд предначертан устав, —
С моими властно сочетав
Свои магические струны,

Ты стал мне друг и брат. Судьбе
Завет глухой я завещаю,
И музы темной посвящаю
Прозренья — зрящему Тебе[46].

Брюсов, по сложившейся уже традиции, изображается магом, проникшим в тайны небесных законов и «царственные числа» (упоминание «рун» здесь и далее в цикле, как представляется, может быть связано как собственно с рунами, так и с тем, что сигилы или печати олимпийских ангелов внешне несколько схожи с руническим письмом). В планетарных циклах *Arbatel de magia* Иванов прозревает грани алмазного кристалла, «знак звездных числ» и «обрывы тайн», «звездный яд» которых возвещает грядущий век Офиэля — стальной, беспощадный и торжественный. Но тонкий яд звезд, мнится поэту, есть одновременно животворный «астральный ток» герметической трансформации, тинктура алхимического процесса («И в кельях башенных отстоянные яды / Преображают плоть, и претворяют кровь») — обетование философского камня, который преобразит человечество и оденет «звездного демона» Офиэля солнечными ризами Аполлона:

И ты, Возница Солнц, чьей длани предал Землю,
В преемстве звездных Сил, Столетия канун, —
Чьих пламенных вожжей я дрожи первой внемлю,
Доверясь вести мудрых рун, —

Сев Утешителя таи от буйных братий,
Под свод смарагдовый гонимых приютя,
Да — с глаз стерев бельмо последнее заклятий —
Дух в Небо взглянет, как Дитя!

II

Оккультные смыслы «Ночного путешествия» В. Брюсова

Прозаический сборник В. Брюсова «Ночи и дни», вышедший в свет весной 1913 г., включал лаконичный рассказ «Ночное путешествие», впервые опубликованный в № 11 журнала «Весы» за 1908 г. — непосредственно вслед за тем, как в журнале завершилась публикация оккультного романа поэта «Огненный ангел». Публикуя данное сочинение в составе сборника, Брюсов указывал, что «эпизод “Ночное путешествие” служит как бы символическим послесловием к рассказам»[47].

Таким образом, «Ночное путешествие» было представлено в качестве своего рода метатекста, итогового в приложении к малой прозе Брюсова 1908-1912 гг. В то же время, «Ночное путешествие» (на первый взгляд, романтическая фаустианская безделка) разительно отличалось от других включенных в сборник произведений — которые, согласно Брюсову, объединялись цельным замыслом: «всмотреться в особенности психологии женской души»[48]. Можно заключить, что авторская ремарка призвана была указать читателю на особую значимость и «символический», в отличие от психологического реализма, способ написания (и прочтения) рассказа. Очевидная связь «Ночного путешествия» с «Огненным ангелом» (1907-1908) подсказывает, что способ этот находится в плоскости «ключей тайн, мистических ключей»[49] и оккультных исканий, с большею ясностью отразившихся в прозе, нежели в поэтических трудах Брюсова.

Фабула «Ночного путешествия» до чрезвычайности проста — некий маг или мистик, пребывая в астральном облике, совершает в сопровождении Дьявола волшебное космическое путешествие, созерцает ряд фантастических сцен на далекой планете и, не будучи впечатлен этими видениями, вступает в перепалку с бесом, какового изгоняет при помощи заклинания.

«Ночное путешествие», тем самым, воспроизводит традиционный сюжет путешествия с дьяволом, перешедший из мифологических, фольклорных и агиографических источников в легенды о различных чернокнижниках и магах, «народные книги» и пьесы о докторе Фаусте, «Трагическую историю доктора Фауста» К. Марло, «Фауста» И. В. Гете, «Хромого беса» А.-Р. Лесажа, «Путешествие в ад» и «Искушение святого Антония» Г. Флобера и т. д., а в русской литературной традиции разрабатывавшийся прежде всего Н. Гоголем и И. Тургеневым[50]. Сюжет этот хорошо известен и сопровождается у Брюсова текстуальным указанием на то, что рассказ следует одновременно воспринимать и в традиции научно-фантастической литературы (упомянуты имена К. Фламмариона и Г. Уэллса). Таков экзотерический план «Ночного путешествия».

Рис. 1. О. Редон. *Дьявол, уносящий маску* (1876)

В «символической» ипостаси «Ночное путешествие» представляет собой оккультное сочинение, насыщенное эзотерическими смыслами и соотнесенное с богатейшим корпусом мистических текстов — от Иезекииля и Еноха до Платона, мистики Меркавы[51], «Божественной комедии» Данте, видений Э. Сведенборга, теософов и пр. — повествующих о путешествии визионера или адепта в потусторонние миры и космические сферы и / или «восхождении» его к Престолу Всевышнего. Эзотерические сочинения, литературные и биографические аллюзии выступают строительным материалом «Ночного путешествия», этого конструкта оккультного опыта, который не может быть безусловно возведен к непосредственному мистическому явлению — но, на наш взгляд, несет в своей сердцевине психологическую реальность смутных мистических переживаний, изложенных в форме оккульно-

го рассуждения.

«Ночное путешествие» продолжает тему опубликованного лишь посмертно стихотворения Брюсова «Маг» (1906), в котором Дьявол искушает в пустыне мага / волхва, противопоставляя его величавой мудрости идеалы «беспокойных дум» и «яростной борьбы» в мистических безднах:

И в третий месяц странствия в пустыне,
Когда я спал, усталый, под шатром,
Предстал мне Дьявол, древний дух гордыни
И искушал коварным языком.

Он говорил: «Как ты призванью верен,
Ты, бросивший величие дворца!
Твой путь в песках обдуман и размерен,
И ты гордишься ликом мудреца!

Но мудрость только — в беспокойной думе,
Но вера только — в яростной борьбе,
Иди за мной в шумящий вихрь безумий,
Иди за мной, чтоб плакать о себе.

Ты здесь свершаешь подвиг бесполезный,
Чтоб принести свой дар Царю Царей, —
Но лучший дар лежит во глуби бездны:
Сойди туда, его обресть умей![52]

Сцена искушения в «Ночном путешествии» дерзко моделируется по канве искушения Христа, которому дьявол показывает «все царства вселенной во мгновение ока» (Лук. 4:5):

> — *Ты хвалишься напрасно,* — сказал мне Дьявол, — я *покажу тебе миры,* которые вообразить ты не мог бы. Гляди: видишь ты эту звезду *а* в созвездии Ориона?

Эта реплика Дьявола открывает рассказ. Как видим, «Ночное путешествие» начато фигурой умолчания, позволяющей восстановить исходный диалог персонажей — Дьявол отметает претензии мага-художника, считающего себя причастным таинствам, открытым силой творческого воображения и магического инструментария. Фраза же «ты хвалишься напрасно» в устах Дьявола призвана напомнить собеседнику о словах апостола Павла (2 Кор. 12:1-5):

> *Не полезно хвалиться мне*; ибо я приду к *видениям и откровениям* Господним. Знаю человека во Христе, который <…> — *в теле ли* —

не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает, — восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке, — только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает, — Что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которые человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похвалюсь, разве только немощами моими.

Местом познавательной научно-фантастической экскурсии названа одна из «ста сорока планет, не считая астероидов», что обращаются вокруг альфы Ориона (Бетельгейзе) — совершенно произвольный, как может показаться, пункт назначения, буквально выбранный «пальцем в небо» («Я посмотрел, куда указывал мне длинный и чешуйчатый палец»). Но выбор Дьявола отнюдь не случаен.

Путешествие к Ориону предопределено, в первую очередь, упомянутым в тексте К. Фламмарионом (1842-1925), выдающимся астрономом, популяризатором, автором научно-фантастических романов и убежденным спиритуалистом, чью фамилию поклонники толковали как «пламя Ориона» — *Flamme d'Orion*[53]. Несомненно, взгляды К. Фламмариона, провозглашавшего спиритизм «не религией, но наукой, чей алфавит мы лишь начали изучать»[54], импонировали Брюсову, прошедшему через спиритические опыты и устремленномук «рациональному» оккультизму.

«Созвездие Ориона не только самое богатое по числу ярких звезд, но заключает еще в себе *для посвященных* такие сокровища, каких не может представить никакая другая часть неба, так что его по справедливости можно было бы назвать небесной Калифорнией»[55] — писал Фламмарион в своей «Популярной астрономии», выдержавшей с конца XIX в. множество изданий в России. Путешествие к Ориону было сокровенным путешествием души к «Альфе и Омеге» бытия (Откр. 1:8-10, 21:6) и к созвездию, которое в Библии синонимично величию Божества: «Кто сотворил семизвездие и Орион, и претворяет смертную тень в ясное утро, а день делает темным как ночь, призывает воды морские и разливает их по лицу земли? Господь — имя Ему!» (Ам. 5:8)[56].

Заметим также, что созвездие Ориона в расхожем оккультизме конца XIX-начала XX в. прочно связывалось с божественным Престолом. Немалую роль в формировании этих представлений сыграла публикация «папируса Ани», одной из версий древнеегипетской «Книги мертвых», переведенного и откомментированного видным британским ориенталистом и египтологом Э. Уоллисом Баджем (1857-1934). Издание, впервые выпущенное в 1895 г., было далеко не первым переводом «Книги мертвых» — сборника гимнов, молитв и заклинаний, что долженствовал облегчить загробное путешествие мертвого к успокоению в посмертном мире: первый перевод был выполнен прусским египтологом К. Р. Лепсиусом (который и дал

книге такое название) еще в 1843 г., а в 1886 г. вышло критическое издание, подготовленное Э.-А. Навилем[57].

Но именно переводу Баджа, многолетнего куратора восточного отдела Британского музея, плодовитого автора, глубоко увлеченного спиритизмом и оккультными науками, предстояло открыть «Книгу мертвых» широкой публике и стать событием в западной эзотерике. По мнению Баджа, у древних египтян Орион ассоциировался с местом посмертного пребывания «Озириса человека», а именно «всех духовных составляющих человека, собранных в точно напоминающей его форме», и собственно с воплощением страдающего Озириса[58].

Орион как вместилище посмертных форм и воплощение Озириса у Баджа напоминал давние прозрения Э. Леви (А. Констана), видевшего в Орионе олицетворение заимствованной из еврейской мистики Колесницы-Меркавы, т.е. божественного Престола. Французский оккультист изложил эти взгляды в одном из своих главных трудов — книге «Dogme et rituel de la haute magie» («Догма и ритуал высшей магии»), впервые изданной в середине XIX в.:

> Сельский житель увидит в поясе и мече Ориона грабли, в то время как еврейский каббалист, рассматривая знак Ориона в целостности, узрит в нем все тайны Иезекииля, десять сефирот, расположенные на манер триады, центральный треугольник, образованный четырьмя звездами и линию из трех звезд, которые образуют <букву> йод, причем эти две фигуры, рассматриваемые в соединении, выражают тайны Берешит, и наконец четыре звезды, составляющие колеса Меркавы и завершающие божественную колесницу[59].

Помимо этих достаточно очевидных источников, Брюсову также могли быть известны воззрения адвентистов, чьи духовные наставники Д. Бэйтс и Э. Уайт задолго до Леви начали распространять откровения о «звездных вратах» и Престоле Господнем в Орионе, откуда должен просиять Небесный Иерусалим[60]. Так, в конце 1840-х гг. Эллен Уайт было следующее видение: «Темные, тяжелые тучи восстали и столкнулись друг с другом. Воздух разделился и откатился назад; тогда мы смогли взглянуть сквозь открытое пространство в Орионе, откуда доносился до нас глас Господа. Град Божий снизойдет чрез это открытое пространство»[61]. Бэйтс, бывший морской капитан, вдохновленный описаниями астрономических наблюдений туманности M42, воспринял космическую «брешь» в Орионе как апокалиптическую библейскую картину «отверстых небес»[62] — и в 1846 г. сформулировал свои эсхатологические умозаключения в сочинении под названием «The Opening Heavens or, A Connected View of the Testimony of the Prophets and Apostles» («Отверстые небеса, или Связный взгляд на свидетельства проро-

ков и апостолов»). Отметим, что и у Брюсова Орион связывается с характерными апокалиптическими нотами «отверстых небес»:

> Я посмотрел, куда указывал мне длинный и чешуйчатый палец. Дьявол другой рукой приподнимал тяжелую портьеру у окна. *Небо казалось черной бездной, разверстой у ног.*

Идеи пристанища душ, божественного Престола и «звездных врат» в Орионе, испытав определенные трансформации в рамках различных течений западной эзотерики, в том числе воззрениях Н. и Е. Рерих и их последователей (мифологема «камня с Ориона»), научной фантастике и литературе ужасов, в конечном итоге породили крайне разветвленную и хаотичную мифологию Ориона в движении *New Age*. На этом показательном примере можно проследить типологию и некоторые истоки эклектичного, зачастую внутренне противоречивого оккультизма как Брюсова, так и русского Серебряного века в целом[63].

Брюсов предвосхищает не только *New Age*, но и идеи научных фантастов: он рисует инопланетную жизнь, основанную на «нескольких тысячах» полов, а его Дьявол говорит о методе передвижения в космическом пространстве, «минующем» бесконечные расстояния (что с тех пор стало краеугольным камнем фантастики). Способ «телепортации» сочетает спиритизм и оккультизм с наукой — прокол пространства-времени осуществляет не материальное, а астральное тело. Непосредственным источником Брюсова, как можно догадаться, вновь стал К. Фламмарион, а именно фантастический роман «Люмен, история одной души» (1872), трижды издававшийся в России в 1897-1908 годы. Герой Фламмариона Люмен — космический дух, пересекающий вселенную со сверхсветовой скоростью; Люмену открываются невиданные звездные миры и их диковинные обитатели, в том числе жизнь планетной системы одной из звезд Ориона[64].

Любезно-язвительный спутник брюсовского мага, закутанный в плащ, в духе Ж. Верна сопровождает звездное путешествие небольшими лекциями об инопланетной жизни и принципах астральных перемещений. На первых страницах рассказа он едва ли кажется воплощением абсолютного зла, и обнаруживает скорее известную схожесть с близкой Брюсову трактовкой Люцифера в теософской «Тайной доктрине» Е. Блаватской (1888) — то есть выступает как символ познания и интеллектуального скептицизма:

> Нет Дьяволов или созданий полностью растленных, как нет Ангелов абсолютно совершенных, хотя могут быть Духи Света и Тьмы; поэтому ЛЮЦИФЕР — Дух Интеллектуального Просвещения и Свободы Мысли — метафорически является путеводным маяком, помогающим человеку найти путь между скалами и мелями жизни, ибо Люцифер

есть Логос в высшем и «Противник» в низшем своем аспекте — оба из которых отражены в нашем Эго[65].

Рис. 2. О. Редон. *Глаз, как странный воздушный шар, устремляется к вечности* (1882)

Этот Дьявол близок также к вдохновляющей «люциферической энергии» в понимании Вяч. Иванова, который утверждал, что «вся человеческая культура созидается при могущественном и всепроницающем соучастии и содействии Люцифера, что наши творческие, как и наши разрушительные энергии — в значительной части его энергии, что через него мы бываем так красивы смелостью почина, дерзостью самоутверждения, отвагою борьбы — и пусть даже несчастны, но и самим красивым страданием нашим так горделиво упоены»[66].

Демонология Иванова, впитавшая и переосмыслившая теософские представления о Люцифере и антропософскую двойственность зла Р. Штейнера[67], предлагает концепцию триединой сущности Дьявола: гордый Люцифер, замыкающий человека в его «самости» и отъединяющий его от Бога, тлетворный и низменный Ариман, влекущий дух в хаос «косного вещества» и наконец женская ипостась, воплощение Великой Блудницы. Божество зеркально противопоставлено этой троице и, согласно позднему Иванову, являет собой триаду, состоящую из брачного союза Афродиты Небесной и Логоса, овеваемой дыханием Святого Духа. В умозрительных построениях Иванова возникают также триады гармонического Аполлона и оргиастического Диониса, единых в Орфее, Орфей сливается с Логосом[68], триады проецируются на дольнее бытие в виде эротических тройственных браков и мистических троичных союзов[69] (подобная тройственность, как представляется, есть один из основополагающих принципов организации бытового Эроса и Логоса не только Иванова, но и всего Серебряного века). Но для Брюсова принцип троичности неприемлем, бытовой тройственный союз и вовсе оказывается для него мучительным: таковы переживания, связанные сперва с Н. Петровской и А. Белым, затем с нею же и С. Ауслендером[70]. Там, где Иванов мыслит триадами, Брюсов мыслит диадами и дихотомиями, строит бинарные оппозиции и в духе чуть ли не материалистической диалектики синтезирует эти оппозиции в собственном «Я» — отсюда его религиозная амбивалентность и «научный» оккультизм.

Дьявол «Ночного путешествия», в терминах Иванова, по преимуществу «люциферичен», но оборачивается и «Ариманом». Значения Дьявола мерцают, как и его облик: явившись в облике «оперного Дон-Жуана», он сохраняет мохнатые ладони и крючковатые пальцы, становится затем «похож <...> на мечту о прекрасном Люцифере» и претерпевает иные метаморфозы. Молниеносный космический полет с Дьяволом, к примеру, описывается в категориях *Totentanz* («захохотал мне в лицо и рванул меня вперед, словно увлекая в какой-то *бешеный танец*») — и Дьявол, соответственно, напоминает теперь рассказчику «духа Тьмы на гравюре Дюрера»[71].

В системе Бетельгейзе взору астральных путешественников открываются поразительные виды — небеса, полыхающие всеми красками спектра и багровыми молниями, парацельсианские забавы стихийных духов («пьяные игры пылающих, разноцветных, меняющихся хамелеонов и саламандр») и восход четырех разноцветных лун. Внизу, под ними, почва скрыта ковром существ, соединяющих в себе черты растения и животного:

> То были оранжевого цвета стебли, толщиною в человеческую руку, прикрепленные корнем к почве, — с узкими, едва развитыми, чешуйками, вроде листьев, но с большой округлой шапкой, заканчивавшей их, словно чашечка цветка. Эта чашечка была увенчана, тоже едва

развитыми, лепестками, между которыми на месте, где можно было ожидать тычинок, тускло отражало лучи некоторое подобие глаза. И море этих оранжевых, длинных, зрячих стеблей медленно извивалось, вытягивалось, подымалось и опускалось, зыблемое словно не ощутимым для меня ветром.

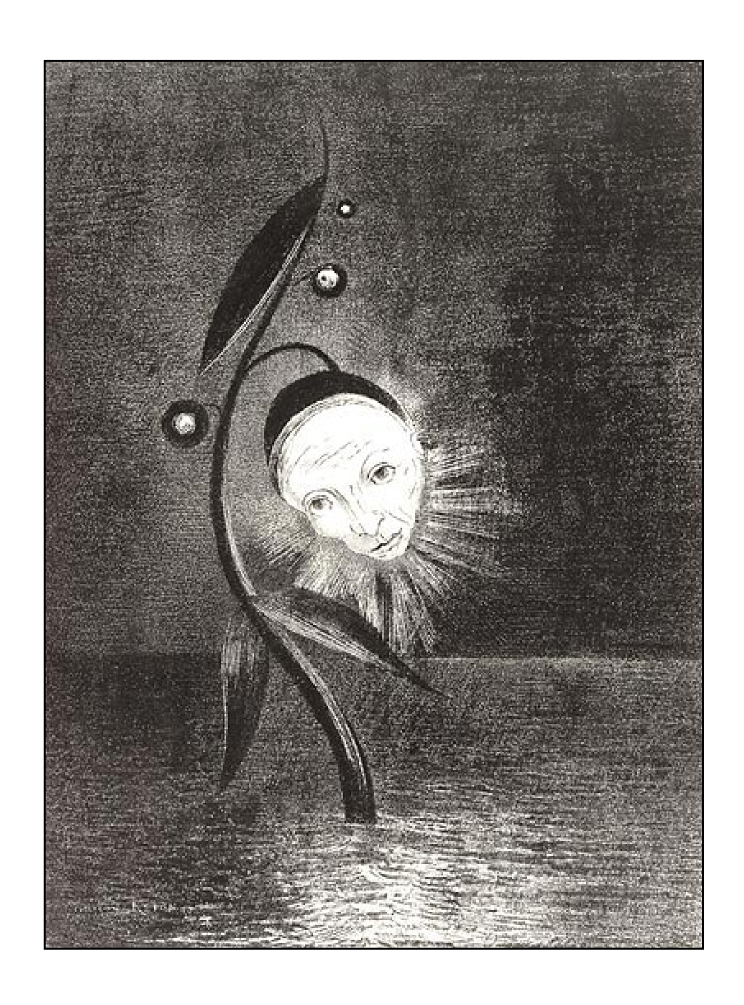

Рис. 3. О. Редон. *Болотный цветок: лицо человеческое и печальное* (1885)

«Зрячие» стебли Брюсова, видимо, опять же восходят к Фламмариону: в «Люмене» система Ориона населена созданиями, которые «не относятся ни к одному из великих царств, растительному или животному» (Фламмарион говорит в связи с этим о «единстве элементарных душ в человеческом теле») и напоминают длинные стебли, увенчанные «канделябром» ветвей[72]. Однако огород межпланетного путешествия в компании Дьявола не

стоило бы и городить, будь его целью простодушное подражание Фламмариону.

Прорастая сквозь текст Фламмариона, корни зрячих растений тянутся к знаменитой «библии декаданса», роману Ж. К. Гюисманса «À rebours» (1884) и сквозь Гюисманса — к французскому художнику-символисту О. Редону (1840-1916), испытавшему немалое влияние Фламмариона[73], равно как и французской оккультной волны второй половины XIX в. в целом. Редон прославляется в романе как создатель «совершенно особой фантастической реальности — мира горячки и бреда». Гюисманс останавливается на таких особенностях манеры художника, как «изображение совершенно безумных глаз вместо лиц», описывает «мертвый пейзаж — потрескавшаяся земля, выжженное поле, вулкан, от которого ввысь устремляются облака пара, бледное застывшее небо; или кошмарное видение, навеянное не то чтением научных фолиантов, не то визионерским проникновением в доисторическое прошлое; или чудовищная растительность на скалах»[74].

Фантастические химеры Редона словно взлетают в космические сферы; огромные глаза их, похожие на сложные оптические устройства, напряженно всматриваются в мистические глубины. Эта «задумчивая, сумрачная, меланхолическая поэтика», отмеченная еще Гюисмансом, сделала художника фигурой чрезвычайно весомой для круга «Весов»: русские символисты, подобно французским собратьям, увидели в Редоне визуальное отражение своих духовных борений и оккультных поисков.

Четвертый номер брюсовского журнала был посвящен Редону — номер открывала статья М. Волошина «Одилон Рэдон», за нею следовала подборка материалов «Рэдон о себе» и «Современники о Рэдоне», подготовленная Волошиным, обложка и все художественные украшения номера также были исполнены Редоном[75]. В статье Волошин, который посещал мастерскую Редона и неустанно пропагандировал его творчество, особо останавливался на восхитившем его «Сатане» из трехчастной сюиты, иллюстрирующей «Искушение святого Антония» Флобера:

> Дьявол уносит Антония за пределы мироздания. Миры в непрерывном течении проходят под их ногами. «Где же цель?» — Нет цели... — отвечает дьявол. И в бледном лице с узким лбом и страдающими глазами бесконечная грусть. «Если б я это создал, то была бы цель...». Никто до Рэдона не видел Дьявола с таким лицом — этого Дьявола чувства, так не похожего на обычного Дьявола разума.

В свое стихотворение «Письмо» (1904) Волошин включил поэтический отзыв о «Сатане» — строки эти и впрямь в чем-то созвучны настроениям рассказа Брюсова, герой которого скрывает под фаустианской бравадой глубокие экзистенциальные сомнения:

Рис. 4. О. Редон. *Сатана* (1896)

Им *мир Рэдона так созвучен*...
В нем крик камней, в нем скорбь земли,
Но саван мысли сер и скучен.
Он змей, свернувшийся в пыли.
Рисунок грубый, неискусный...
Вот Дьявол — кроткий, странный, грустный.
Антоний видит бег планет:
«Но где же цель?»
                — Здесь цели нет...
Струится мрак и шепчет что-то,
Легло молчанье, как кольцо,
Мерцает бледное лицо
Средь ядовитого болота,

И солнце, черное как ночь,
Вбирая свет, уходит прочь.

Другое стихотворение Волошина, написанное в том же году и посвященное Редону, обнаруживает удивительное, вплоть до текстуальных совпадений, сходство с «Ночным путешествием» (ср. у Брюсова описание почвы планеты — «*морщинистая*, сухая, как кожа дряхлого гиппопотама» и падения Люцифера — «стремительнее, чем *летящий болид*, рухнул мой спутник в огненную бездну»):

Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа...
Лишь вечность зыблется ритмичными волнами.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мирозданья,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками *морщинистой* земли[76].

Преломленный сквозь призму восприятия Гюисманса и Волошина, мир Редона превратился в зрячую растительность «Ночного путешествия». Живые цветы Ориона воспроизводят черты рисунков и литографических сюит Редона: головы с громадными глазами и очи, парящие в астральных пространствах, растения с человеческими лицами и цветы с единственным, гротескно увеличенным глазом.

В контексте «Ночного путешествия», Редон был важен для Брюсова не только как иллюстратор «Искушения святого Антония», но и как автор сюиты «Les Origines» («Истоки», 1883), фантастической истории Творения с копошащимися в первозданной тьме химерическими существами. Редон смотрит на них взглядом человека, потрясенного открывшимся в окуляре микроскопа миром и ужасающей тайной зарождения жизни[77]. Редоновский примордиальный ландшафт воплотил для Брюсова оккультный Орион как мир «истоков» Бытия и первых дней Творения — мир «тайны Берешит», по определению Э. Леви.

Путь к началам Бытия постулирует трансформацию Дьявола, который предстает отныне в изначальном облике Денницы: «Образ моего спутника был теперь иным: он похож был на мечту о прекрасном Люцифере, и над его ликом падшего серафима слабо светился венец из неярких алмазов»[78]. Лик планеты, соответственно, становится твердью «безвидной и пустой» (Быт. 1:2) и преображается в космическое яйцо орфиков, над которым вместо божественного Духа парят Люцифер и его спутник: «<...> мы продолжали полет в молчании, окружая планетный шар, который весь был столь

же *плоским, как куриное яйцо, и безнадежно однообразным*, без гор и долин, без рек и морей».

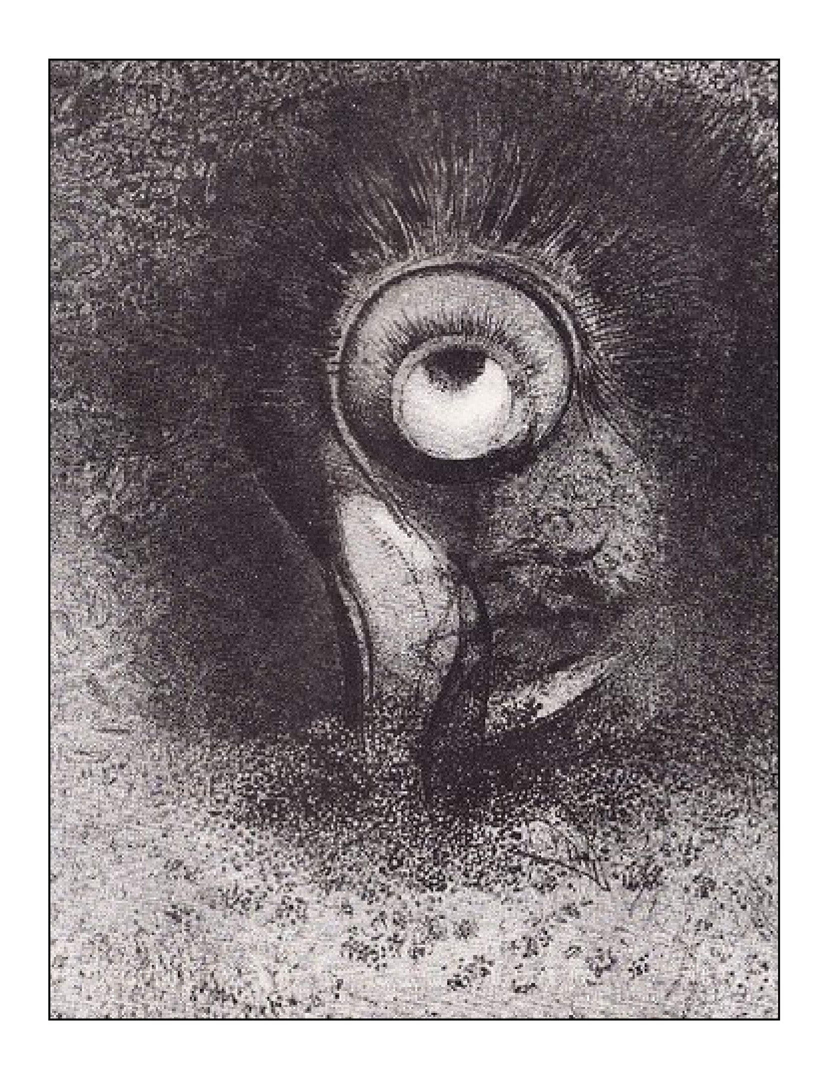

Рис. 5. О. Редон. *Было, возможно, первое видение, испытанное в цветке* (1883)

Брюсов, увлекавшийся трудами Э. Шюре, похоже, спроецировал орфическую космогонию на Орион из пламенной речи Орфея во влиятельной книге этого французского эзотерика и антропософа «Les Grands Initiés. Esquisse de l'histoire secrète des religions» («Великие Посвященные. Очерк тайной истории религий», 1889): «Взгляни на этот блестящий круг созвездий, на который наброшено легкое покрывало Млечного Пути, сверкающая пыль ми-

ров и солнц. Взгляни, как пылает Орион, как переливаются Близнецы и как сияет Лира. Это тело божественной Супруги, которая вращается в гармоническом круговороте под пение Супруга»[79].

Космогония «Ночного путешествия», однако же, ограничивается лишь беглым намеком на яйцо орфической курицы, поскольку внимание мистика отвлечено происходящим внизу — там он созерцает чувственные игры неких триад «мыслящего тростника», обвивающих кадуцей герметической мудрости. В данной картине явственно сказывается влияние алхимической и особенно розенкрейцерской изобразительности[80]. Это никак не случайность, поскольку в алхимической традиции Орион (мифологическое дитя трех богов — Зевса, Посейдона и Гермеса) символизирует так называемый «меркурий философов», «философское дитя» и собственно философский камень. В этом качестве Орион представлен на эмблеме XLIX («Философское Дитя, подобно Ориону, признает трех отцов») и сопутствующей эпиграмме в знаменитом трактате «Atalanta fugiens» («Убегающая Аталанта») врача, алхимика и апологета розенкрейцерства Михаэля Майера (1569-1622):

Легенда гласит: Феб, Вулкан и Гермес
Однажды в бычью шкуру опустили семя;
Великий ОРИОН стал сыном трех отцов.
Наследник мудрости с ним в этом очень схож:
Отец один — то СОЛНЦЕ, другой отец — Вулкан,
А третий — тот, кто преуспел в Искусстве[81].

Вместе с тем, вспоминается ранняя повесть Брюсова «Гора звезды» (1895-1899), в которой космический мир, отчетливо схожий с Орионом «Ночного путешествия», рисовался Элизиумом, где порхали платонические андрогины:

> Я прибавлял вымыслы к истине, говорил о двойных звездах, о зеленой заре, созданной лиловым светом второго светила, о живых растениях, ласкающихся друг к другу, о мире ароматов, о мире вечно блаженных бабочек андрогин[82].

В литературной своей части это видение, несомненно, было навеяно описанием райских кущ в XXX песне «Рая» Данте, которое в «Божественной комедии» предшествует явлению мистической розы: цветы, чудотворная светоносная река и порхающие кругом живые искры-бабочки (*faville vive*), опьяненные дивными ароматами[83]. Но настойчивое перенесение его из текста в текст, неизменность исходной картины, пусть отягощенной «вымыслами», к которой снова и снова возвращается воображение мистика, заставляет думать, что это и есть «истина», сердцевина мистического опыта, по крайней мере в психологической его реальности.

Рис. 6. О. Редон. *Болотный цветок* (1881)

В мире Ориона визионеру открывается истина, лишенная утешительного покрова вымысла. Теургия зрячих, оживших смыслов превращается в оргию змеевидных фаллических стеблей и развороченных вагинальных цветков. Андрогинный пафос единения и преображения[84] оборачивается триадами «тройственных союзов», выказывая одну лишь похоть и неизбежное (в согласии с Платоном) присутствие «третьего пола». Дионисийская мистерия *à la* Вяч. Иванов, проникнутая космическим Эросом — которую Люцифер сопровождает искаженной цитатой из XXX песни «Рая» и ехидной ремаркой: «Здесь наступила пора любви»[85] — завершается слепотой и омертвением:

Охваченные страстным томлением, живые стебли теперь влачились один к другому, *соединяясь в группы по три*, и глаза их под магическим светом четырех разноцветных лун ожили и замерцали огнем вожделения. Я видел, как растения, заплетая шнуром свои стебли и вытягиваясь в высь, как копья, близили чашечки своих цветов, словно змеи на жезле Гермеса свои головы. Я видел, как потом *три чашечки соприкасались*, как глаза их подергивались мутной влагой, как лепестки их спаивались в один безобразный бутон <...> Съединившиеся стебли встали под нами, как стальные прутья, и устремили свои острия прямо в небо; к стеблям тесно прижались их листья-чешуя <...> Потом опять посмотрел я на растения и увидел, что их любовные спазмы кончились. Ослабшие стебли быстро расплетались и один за другим падали ниц, в изнеможении, бессильные. Скоро вся почва под нами была вновь завалена безобразной грудой омертвелых, дряблых растений, с некрасиво развороченными чашечками цветов, откуда бессмысленно и тупо смотрел какой-то невидящий, остановившийся взор.

Искаженная Люцифером цитата ведет к травестийной картине райских кущ, где мелеет река света, осыпаются лепестки *Rosa Mystica* и умирает философское дитя трех богов. Видение Ориона говорит об искаженности ряда мистических путей, неприложимости их к многобразию мира, ощущении их близящегося краха. И здесь Брюсов, как нам кажется, выносит суровый приговор всей «высокой» эротической мистике русского символизма, сводя ее к низменным страстям и *ménage à trois*. «Ты, во всей беспредельности бытия, не нашел ничего лучшего, как показать мне фейерверк, который можно точно воспроизвести синематографом, да блуд цветов — зрелище, от которого меня тошнит», — бросает визионер Дьяволу. Путь замешанного на половой мистике оккультизма не может явить магу-художнику «области духов света и огня, чьи чувства и понятия в миллион раз сложнее и утонченнее моих <...>, вселенные иного измерения, где что-то новое прибавится к мере всех предметов, или <...> вселенные иного времени, где кроме прошедшего, настоящего и будущего окажется нечто четвертое».

«Воображение Фламмариона и Уэльса рисовало миры, гораздо более удивительные», — заключает герой. Угрозы разгневанного Дьявола не страшат волхва: в обличии св. Киприана, искусного некроманта, «некоего философа и знаменитых волхвователя»[86], мистик изгоняет нечистого, который рушится в огненную бездну. Выходом из космической слепоты дьявольского обольщения становится свободное искусство, способное сплавить «рационалистическое познание мира в науке» и «внерассудочное проникновение в его тайны в мистике» в едином *Ars Magna*[87]. Отвергнув искушение мистико-эротической теургии, маг-художник, словно волхв давнего стихотворения, обращается на путь просвещенного оккультизма, вдохновленного нау-

кой и магией слова:

Я вышел из шатра; в померкшем небе
Одна звезда кропила небосклон.
И вдруг я понял, что люблю свой жребий,
Что спор — не нужен, что мой путь — решен!

III

Смрадное подобие, кошачьи уши и другие посмертные приключения В. Брюсова

Магическая и отчасти демоническая аура, над созданием которой много трудился при жизни В. Брюсов, не развеялась и после смерти поэта.

Подверженные видениям мемуаристы описывали встречи с умершим Брюсовым, изображая его в виде вампирического или дьяволоподобного ожившего покойника. Очевидно, что эти рассказы типологически сходны с быличками о бродячих и / или возвращающихся мертвецах (Г III 1а — Г III 1б по указателю сюжетов-мотивов В. Зиновьева[88]) и выступают отражением глубинного слоя народных верований, связанных с образом восстающего из могилы демонического еретика-*колдуна* — категория «заложных покойников» по Д. Зеленину[89]). Вместе с тем, они демонстрируют один из этапов разложения жанра[90], превращения его в «городском фольклоре» образованных слоев в салонный жанр «рассказа о необычайном» и «страшного рассказа», а затем в литературный анекдот, предназначенный для письменного и печатного бытования — что не исключает, как мы увидим в историях о посмертных встречах с Брюсовым, всего спектра вариаций от вероятной фальсификации до искреннего трепета удивления и страха и твердой веры повествователя в реальность явлений из загробья.

В общем массиве историй и споров о привидениях[91] рассказы о встречах с литературными покойниками начинают выделяться уже в пушкинском кругу, подготовленном к восприятию потусторонних гостей масонским мистицизмом XVIII в., влиянием Э. Т. А. Гофмана, «неистовой» романтической словесности и т. п. Широкую известность, к примеру, получила история о визите призрака А. Дельвига в дом семейства Левашовых. По словам К. Левашовой, которые приводятся в книге И. Селиванова «Воспоминания прошедшего» (1868), Дельвиг «любил говорить о загробной жизни, о связи ее с здешнею, об обещаниях, данных при жизни и исполняемых по смер-

ти, и однажды, в видах уяснить себе этот предмет, поверить все рассказы, которые когда-либо читал и слыхал, он взял с меня обещание, обещаясь сам взаимно, явиться после смерти тому, кто останется после другого в живых». Рассказчица сообщает, что ровно через год после смерти, в 12 часов ночи, Дельвиг пришел в кабинет к ее мужу — человеку практическому и деловому, чуждому фантазий[92].

С распространением в России спиритизма и спиритических сеансов в 1850-х гг. и далее учащаются явления духов умерших литераторов, от имени В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Апухтина и многих других публикуются медиумические тексты[93]. Появляются и восставшие мертвецы, в том числе Пушкин. Н. Берг приводит в воспоминаниях следующий рассказ друга Пушкина П. Нащокина:

> У меня собиралось <...> большое общество чуть не всякий день, в течение зимы 1853 и начала 1854 гг. Мы беседовали с духами посредством столиков и тарелок, с укрепленными на них карандашами <...> Довольно часто писали Пушкин, Брюллов и другие близкие мне литераторы и артисты <...>. Однажды, на Страстной неделе Великого поста (1854 г.), мы спросили у Пушкина: «не может ли он нам явиться; мелькнуть хоть тенью?» Он отвечал: «могу; соберитесь также завтра, в четверг и я приду!» Мы повестили всех своих знакомых. Можете себе представить, что это было за сборище! Небольшая наша зала захлебнулась гостями. И в других комнатах сидели и стояли знакомые нам и полузнакомые лица — и ждали Пушкина! Все были бледны. Ничего однако не случилось. Никто не пришел. Опротивело мне это праздное препровождение времени. Когда гости разъехались, я услышал звон колокола, призывавшего к заутрени, оделся и пошел в церковь. Улица была пуста. Только двигался мне навстречу по тротуару какой-то мужичок в нагольном полушубке, по-видимому — пьяненький, и сильно толкнул меня в плечо. Я остановился и посмотрел на него. Он также остановился и посмотрел. Что-то очень знакомое было в чертах его лица. Потом мы пошли каждый в свою сторону. <...> Собрались вечером и стали писать. Первый спрошенный дух «кто пишет?» отвечал: «Пушкин!» — Отчего же ты вчера не пришел? — спросили мы его. «Вы были очень напуганы, — сказал дух Пушкина, — но я толкнул Нащокина на тротуаре, когда он шел к заутрени, и посмотрел ему прямо в глаза: вольно же ему было меня не узнать!» В субботу на Страстной произошло сожжение всего написанного. Нащокин уверил меня, что сделал это честно: не оставил ни единого листка. Сжег даже стихи, написанные духом Пушкина, и рисунок италианского бандита на скале, набросанный духом Брюллова... Потом служили в доме молебен[94].

«Пьяненький» мужичок в нагольном полушубке, нетрудно догадаться,

восходит к Пугачеву «Капитанской дочки». Пушкин является Нащокину в облике своего героя — как позднее Брюсову предстояло явиться в образе дьяволического мага своих сочинений и биографической легенды. К слову сказать, мертвый Пушкин, в отличие от других литературных призраков, до сих пор прогуливается: газеты сообщают о явлениях поэта, а спиритические сеансы с вызыванием его духа остаются распространенной практикой[95].

К традиции пушкинских «явлений» апеллируют записи поэта и прозаика Б. Садовского (1881-1952), искусного литературного мистификатора, который рассказывает о посмертных встречах с Брюсовым в 1920-х гг. в Новодевичьем монастыре:

> Летом в монастыре три раза видел тень Валерия Брюсова. Надо заметить, что на его могиле я так и не был.
>
> Однажды в полдень Надежда Ивановна повезла меня в кресле. Вдруг, недалеко от колокольни, вырастает спиной ко мне какое-то смрадное подобие человека, слегка трепещущее, точно огромный листок. Пролежанные лохмотья, легкая плесень на маковке. Неизвестный поворачивает голову направо, и я узнаю профиль Валерия. Свернув за колокольню, он исчез.
>
> Другой раз сидел я в сумерках у могилы Гилярова-Платонова. Вижу, идет Брюсов с дамой; на нем парусинная блуза, шляпы опять нет. У дамы вместо лица пятно. Не была ли это О. М. Соловьева?
>
> Третий раз Брюсов днем, уже в шляпе и пиджаке, шел в обратном направлении, то есть от ворот к стене (к ограде нового кладбища, где его могила). И в эти оба раза он поворачивал ко мне профиль, но не взглянул на меня. Все эти разы имел он вполне приличный, но уже старческий <вид>[96].

Это, более чем сомнительное, свидетельство мистического опыта — стилизация под прекрасно знакомую Садовскому мемуарную литературу XIX в., ядовитый постскриптум, нацарапанный под всем брюсовским жизнетворческим текстом (далее Садовской пишет о «безвкусной могиле бездарного стихотворца» и с удовольствием сообщает: «Когда на вскрытии вынули ему мозг, у анатомов не оказалось ваты. Кто-то скомкал номер “Известий” и забил Брюсову в череп. С этим номером его и похоронили»). Колдун, похороненный без отпевания («Значит, он без отпевания похоронен?») и еретик, чья вдова «незаметно крестится католическим мелким крестом», обязан стать после смерти бродячим «заложным покойником».

Любопытную запись оставил к тому времени уже, к сожалению, отошедший от дел литературовед С. Гречишкин (1948-2009):

> Валерий Яковлевич был выдающимся оккультистом. В мемурах Андрея Белого и наших публикациях кое-что написано о его «оккультных» проделках с Белым. Я не брежу. В 1970-е годочки я частенько

захаживал в московскую музей-квартиру Брюсова. Это не фокус. А фокус в том, что в нее частенько заходил Валерий Яковлевич. Музеем заведовала очаровательная дама, компаньонка вдовы В. Я. — Жанны (Иоанны) Матвеевны. Видели его разные человечки. Господа-позитивисты! Мир полон демонов и духов. Помню: понадобилась мне машинопись воспоминаний Нины Петровской (возлюбленная Брюсова и Белого, Рената из «Огненного Ангела»). Спросил. Нетути. Вчера Валерий Яковлевич заходил и взял… <…>

Господа, я, сличивший четыре редакции «Огненного Ангела», смею Вас заверить, что все рецепты магические в этом невероятном произведении – подлинные. Все у меня руки не доходят до одной работы… Надо бы опубликовать один текст, так теперь за это деньги не платят. В Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (легендарная Публичка) хранится корректура неопубликованной главы из воспоминаний художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой (да, да, из «Мира искусства»; 1871-1955), жены изобретателя синтетического каучука академика С. В. Лебедева (1874-1934). Ее мемуары вышли в начале 1950-х, а одну главу выкинула цензура. Почему? А вот почему: художница вспоминает о том, как к ней на питерскую квартиру зашел Валерий Яковлевич Брюсов годочков через пять после своей смерти. Зашел, потолковали, попили чайку. Покойник отнюдь не был призраком-видением, в телесной корпулентности, чай пил, печенье кушал. Ради Бога, только ни словечка про двойника. Химик-позитивист после такого рандеву в Господа уверовал истово[97].

Автор не знал, что воспоминания Остроумовой-Лебедевой о Брюсове уже были опубликованы, да и содержание их воспроизводил по памяти — визит Брюсова к художнице был не таким мирным, к тому же явился он в обличии Мефистофеля. Скорее всего, Мефистофеля оперного: явление беса-Брюсова художнице-Маргарите соткано из ткани оперного грима, демонического ореола поэта и традиционного для демонологической иконографии мотива — высунутого языка[98].

После рассказа об уничтоженном в Коктебеле предсмертном портрете Брюсова и попытках исполнить портрет заново Остроумова-Лебедева описывает свое видение:

Впереди меня, около самых моих ног, сейчас за кроватью, я вдруг увидела странную фигуру человека, у которого было очень, очень поразившее меня лицо. В первое мгновение я подумала, что вижу сатану.

Глаза с тяжелыми-тяжелыми веками, черные, упорно-злые, не отрываясь, пристально смотрели на меня. В них была угрюмость и злоба. Длинный, большой нос. Высоко отросшие волосы, когда-то подстриженные ежиком… И вдруг я узнала — да ведь это Брюсов! Но как он страшно изменился! Но он! он! Мне знакома каждая черточка этого

> лица, но какая перемена. Его уши с едва уловимой формой кошачьего уха, с угловато-острой верхней линией, стали как будто гораздо длиннее и острее. А рот. Какой странный рот. Какая широкая нижняя губа. Приглядываюсь и вижу, что это совсем не губа, а острый кончик языка. Он высунут и дразнит меня. Фигура стояла во весь рост, и лицо было чуть больше натуральной величины. Стояла, не шевелясь, совсем реальная, и пристально, злобно-насмешливо смотрела на меня. Так продолжалось две-три минуты.
>
> Потом — чик, и все пропало. Не таяло постепенно, нет, а исчезло вдруг, сразу, точно захлопнулась какая-то заслонка. <...>
>
> Пришел мой муж, и я ему об этом рассказала. И, хотя он скептик и материалист, настоял на том, чтобы я прекратила писать портрет, говоря: «Оставь его в покое, не тревожь»[98].

Завершим этот небольшой обзор посмертных явлений Валерия Брюсова фрагментом из воспоминаний писателя А. Тришатова (А. А. Добровольского, 1866-1964), который цитирует публикатор воспоминаний Остроумовой-Лебедевой В. Молодяков. Тришатов, отличавшийся глубокой православной религиозностью, описывает общину московского храма Николая Чудотворца в Кленниках:

> В это время внимание всех привлекло какое-то оживление и движение за окнами. «Машутка или Марфутка, — сбегай скорей, посмотри, что там на улице». Через минуту влетела испуганная девочка: «Ой, тетеньки, — закричала она, — там гроб несут. А покойник не в гробу лежит, а идет перед гробом. Руки прижатые, а лицо черное, черное...»
>
> В это же время вошел еще кто-то из своих. «Николай Александрович, Коля, голубчик, — раздались взволнованные голоса, — объясни, пожалуйста, что там на улице?» Вошедший ответил: «Там по нашему переулку сейчас проходит похоронная процессия. Хоронят Валерия Брюсова»[100].

Примечания

1. Пайман А., История русского символизма. М., 1998. С. 217; Ханзен-Леве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999, с. 393; [Брюсов В. Я.]. Переписка с Вячеславом Ивановым: 1903-1923. Предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н. В Котрелева и А. В. Лаврова // Валерий Брюсов. М., 1976. (Литературное наследство. Т. 85). С. 454-455; Обатнин Г. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907-1919). М., 2000, с. 180; Иванов Вяч. Собрание сочинений. Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. С введ. и прим. О. Дешарт. Брюссель, 1974. Т. 2, с. 711 и т. д.

2. См. статью «Спиритизм Валерия Брюсова: Материалы и наблюдения» в кн.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999, с. 279-310. Спиритизм у молодого Брюсова, как показывает автор, любопытно сплетался с жизнетворческими и эротическими переживаниями. О некоторых оккультных изысканиях Брюсова см. Белецкий А. Первый исторический роман В. Я. Брюсова // Ученые записки Харьковского пед. ин-та. Харьков, 1940. Т. 3, с. 5-32.

3. Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1903. С. 35. Отметим, что чуть позднее фигура мага в звездном венце, причастного вселенским тайнам, появляется у А. Блока в стих. «Ночь» (1904): «Маг, простерт над миром брений,/ В млечной ленте — голова./ Знаки поздних поколений — / Счастье дольнего волхва».

4. Письмо А. Белого к Э. Метнеру (июль 1903): «Вы все еще вспоминаете мне, что я назвал “магом” Валерия Брюсова, но ведь “магизм” я понимаю в широком смысле, и как чудодейственность силы, употребленной не во славу Божию (как напр<имер> у Лермонтова), так и отблеск того отношения к действительности, которое родит магов в тесном смысле. А если бы Вы ближе узнали Брюсова, то Вы согласились бы, что он истинный маг в потенции — маг, как тип человека, стоящего ступенью ниже теурга, ибо теург — белый маг <...> Конечно, Брюсов среди магов выдающийся, умный, знающий маг, к которому термин “пророк безвременной весны” подходит, ибо надвременность очень характерна в Брюсове. Может быть, это у него только поза, но он великолепный в таком случае актер, когда в обществе “застывше” и “надвременно” относится к окружающему. Кроме того, он донельзя гиератичен в манерах – опять-таки черта магическая...» (курсив авт.). Цит. по: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. I, c. 83.

5. Чулков Г. Валтасарово царство. М., 1998. С. 478.

6. Белый А. Начало века. Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990, с. 313. В мемуарах Белый последовательно отождествляет Брюсова с Агриппой; далее мемуарист продолжает ряд «полушарлатана, полуоккультиста, полугуманиста...» такими характеристиками Брюсова, как «полуспирит /.../ полускептик», вызывающими в памяти пушкинского «полукупца, полумудреца, полуневежду» и т.д. Суть выпада, прежде всего — раздражение интеллектуальной двойственностью и неопределенностью воззрений Брюсова, которое постоянно сквозит в мемуарах.

7. См. Белецкий, op. cit. Об этапах кристаллизации замысла и работы над романом см. таккже Гречишкин С. С., Лавров А. В. О работе Брюсова над романом «Огненный Ангел» // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 121-137.

8. «Брюсов является в своем романе то скептиком, то, наоборот, суеверно верующим оккультистом; из-под маски Локка и Юма выглядывает лицо Агриппы; но едва вы поверите в это лицо, оно становится маской» — писал Белый в рецензии на «Огненного ангела» (Белый А. «Огненный ангел»: О романе В. Я. Брюсова // Весы, № 9, 1909, с. 91-93 (статья вошла затем в кн.: Белый А. Арабески: Книга статей. М., 1911, с. 453-457).

9. Орсье Ж. Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в. Критико-биографический очерк. Пер. Брониславы Рунт. Под ред., с введением и прим. Валерия Брюсова. С прил. трех статей редактора: «Оклеветанный ученый», «Легенда о Агриппе» и «Сочинения Агриппы и источники его биографии». М., 1913. (также переизд.: Агриппа Неттесгеймский: Критико-биографический очерк Ж. Орсье. Томск, 1996). Ранее Брюсов опубликовал рецензию на сочинение Орсье (Русская мысль. 1911. № 2), перевод же был выполнен, явно по настоянию Брюсова, его свояченицей Б. М. Рунт (1885-1983).

10. Брюсов В. Легенда о Агриппе // Орсье Ж. Там же, с. 101.

11. Чулков Г. Валтасарово царство. С. 478.

12. Остроумова-Лебедева А. П. Воспоминания о Валерии Брюсове // Брюсов Валерий. Неизданное и несобранное: Стихотворения. Проза. Венок Брюсову. Воспоминания о Брюсове. Varia. М., 1998. С. 230.

13. См. Пуришев Б. И. Брюсов и немецкая культура XVI века // Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968. С. 455-460.

14. Кузмин М. Брюсов: «То мореплаватель, то плотник...» // Театр. 1923. № 12. 18 декабря. С. 1; Гиппиус З. Н. Одержимый: О Брюсове // Гиппиус З. Н. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. Кн. II. С.41.

15. Чулков, op. cit., с. 478.

16. По мнению Н. Богомолова, «знакомство с оккультными практиками стало конституирующей чертой всего облика “мага”, каким воспринимали Брюсова едва ли не все современники» (Богомолов, op. cit., с. 279, 303); этот же автор указывает, что у молодого Брюсова «пристальное внимание к оккультизму сочеталось с сознательной фальсификацией оккультных явлений» (Богомолов Н. Творческое самосознание в реальном бытии (интеллигентское и антиинтеллигентское начало в русском сознании конца XIX — начала XX вв.) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: Материалы международной конференции. Неаполь, май 1997. М., 1999 (Россия/Russia. Новая серия под ред. Н. Г. Охотина). С. 70. А. Лавров, указывая на «большую компетентность Брюсова в оккультных науках», допускает «реальную возможность гипнотических экспериментов — или хотя бы их более или менее искусную имитацию» в конфликте Брюсова с Белым в 1904 г. (Лавров А. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995, с. 172), но в целом числит брюсовскую магию по ведомству оккультной «позы» поэта. С. Абрамович, напротив, считает, что «магом» Брюсов <...> действительно стремился стать <...> все внимание Брюсова поглотила сфера оккультизма и чернокнижия <...> спиритизм и наркомания были лишь частью прог-

раммы освоения новых духовных горизонтов» (Абрамович С. П. Богоборчество как сквозной мотив творчества В. Я. Брюсова // Брюсовские чтения 1996 года. Ереван, 2001). Н. Прошина объявляет «игрой на публику» весь оккультный «автобиографический миф» Брюсова вкупе с образом «черного мага» (Прошина Н. В. Автобиографический миф Валерия Брюсова // Брюсовские чтения 2006 года. Ереван, 2007. С. 221-231) и т.д.

17. Ходасевич В. Конец Ренаты // Брюсов Валерий. Огненный ангел: Роман. Повести. Рассказы. Сост. и прим. Н. Климова. СПб., 1993. С. 868. Курсив наш.

18. Этапы конфликта, которые Белый называл «мистическими фехтованиями» с Брюсовым, внимательно прослежены в кн.: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995, с. 167-177 и в работе Гречишкин С. С., Лавров А. В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Ново-Басманная 19. М., 1990, с. 530-589 (перепечатка статьи, указанной в прим. 4). Лавров, следуя версии Белого, в своей монографии высказывает мнение, что тот пал жертвой сознательных и циничных психологических манипуляций Брюсова и был вовлечен им в «глубоко продуманный "жизнетворческий эксперимент"», продиктованный желанием не только реализовать на бумаге, но и в духе символистских установок воплотить в жизнь замысел «Огненного ангела» (с. 170-171).

19. «Битва магов» подробно освещена в кн.: McIntosh C. Eliphas Lévi and the French Occult Revival. Albany, 2011 (SUNY Series in Western Esoteric Traditions), с. 177-195 и в статье Bernauw Patrick. The War of the Magicians (http://socyberty.com/paranormal/the-war-of-the-magicians-part-1/ — ссылка верна на октябрь 2011). См. также Baldick R. The Life of J.-K. Huysmans. Oxford, 1955; Bricaud J. J.-K. Huysmans et le Satanisme: D'après des documents inédits. Paris, 1913. Идеализированный образ аббата Буллана и некоторые эпизоды конфликта отражены в романе Гюисманса «Là-Bas» (русский пер. Гюисманс Ж. К. Без дна. Пер. с франц., статья, комм. В. Каспарова. Вступ. статья Ж. К. Фрера и В. Каспарова. Заключ. статья Н. А. Бердяева. М., 2006).

20. Bernauw, op. cit.; McIntosh, op. cit., с. 193-194. Слухи о магических причинах смерти де Гуайты были столь настойчивы, что Вирт специально остановился на них в предисловии к своей книге «Таро магов» («Таро средневековых мастеров», 1927): «Нелепые слухи продолжают распространяться в определенных кругах, где не могут принять того, что человек, который написал "Ключ к черной магии", умер естественной смертью. Иные наглецы доходят до того, что утверждают, будто перед смертью Гуайта произнес: "Я пал жертвой своих трудов!". Я решительно отрицаю эту выдумку, призванную прославить шарлатанов от оккультизма. Гуайта умер в Шато д'Альтвилль в конце 1897 года и никогда не связывал свою болезнь с трудами, предпринятыми задолго до болезни. Люди, которые были рядом с ним в его последние минуты, слышали, как Гуайта прошептал: "Я вижу! Вижу!" — и в этот миг на лице гениального исследователя оккультных сфер проступило выражение счастливого удивления» (Wirth O. The Tarot of the Magicians. York Beach, 1990. С. 12).

21. Письмо к Э. Метнеру (май 1904). РГБ, ф. 167, карт. 1, ед. хр. 35. Цит. по: Лавров. Андрей Белый, с. 170.

22. Скандинавский бог-трикстер Локи хитростью заставил слепого аса Хеда убить светлого бога Бальдера (Бальдра) стрелой, сделанной из омелы, или прутом омелы. Брюсов мог отождествлять «золотую ветвь» омелы с «золотым руном» аргонавтов.

23. [Белый А.]. Андрей Белый о Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 96.

24. Белый А. Начало века. «Берлинская редакция» (1922-1923). ГПБ, ф. 60, ед. хр. 11, л. 69 (цит. по: Лавров, ibid., с. 175).

25. Ясинская З. В. Брюсов и И. Ясинский // Зоя Иеронимовна Ясинская. Ереван, 1994, с. 52.

26. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. М., 1973. Т. 1, с. 129.

27. Брюсов В. Неизданное и несобранное: Стихотворения. Проза. Венок Брюсову. Воспоминания о Брюсове. Varia. М., 1998. С. 23. Публикатор В. Молодяков датирует этот набросок 1909 г.

23. А. Ланг (1872-1917) был гимназическим товарищем Брюсова, участвовал в сб. «Русские символисты», принимал активное участие в спиритических опытах Брюсова начала 1890-х гг. (сохранилась его запись «Мой первый транс»), в начале 1900-х гг. публиковал статьи о спиритизме и мистические рассказы и поэмы («Ведьма», «Лествица»). См. Соболев А. Л. Миропольский А.Л. // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 86-87; Богомолов Н. А. К семантике слова «декадент» у молодого Брюсова // Пятые тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 100-111; он же. Спиритизм Валерия Брюсова: Материалы и наблюдения, с. 279-310.

29. Волошин М. А. «<В. Брюсов: Воспоминания. Фрагменты> // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2 М., 1994 (Литературное наследство. Т. 98). С. 391. Практикам, по рассказу Брюсова, мешали необъяснимые происшествия: хозяина дома, где планировалось совершить магический акт, во время разговора с Брюсовым разбил паралич, а Ланга ударил по голове кирпичом прохожий.

30. РГБ. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 40. Л. 34 об., 35. См. «Летейская библиотека-19», https://lucas-v-leyden.livejournal.com/51591.html — ссылка верна на июль 2020.

31. Брюсов, Огненный ангел, с. 819. Совет не столько Агриппы, сколько повлиявшего на него Иоганна Рейхлина: этим предписанием завершается трактат Рейхлина «De verbo mirifico» («О чудотворном слове», 1494).

32. Gremoire du Pape Honorius, avec un recueil des plus rares secrets. Rome [Paris?], 1800. С. 55-56; Davies O. Grimoires: A History of Magic Books. Oxford, 2009. С. 96.

33. О традиции «соломоновой» магии см.: Butler E. M. Ritual Magic. Cambridge, 1949, с. 47-153; Thorndike L. A History of Magic and Experimental Science During the First Thirteen Centuries of Our Era, vol. II. New York, 1923, с. 279-289; The Lesser Key of Solomon: Lemegeton Clavicula Salomonis: Detailing the Ceremonial Art of Commanding Spirits Both Good and Evil, ed. J. H. Peterson. York Beach, 2001;; Waite A. E. The Book of Ceremonial Magic: The Secret Tradition in Goëtia, Including the Rites and Mysteries of Goëtic Theurgy, Sorcery and Infernal Necroancy. London, 1911; Mathers S. L. M. Key of Solomon the King. London, 1888 и др. Аннотированная библиография изданий соответствующих гримуаров и посвященных им работ приводится в: Karr D. The Study of Solomonic Magic in English. Б.м., 2009 (PDF edition). Детальное изучение источников описанного у Брюсова ритуала не входит сейчас в наши задачи.

34. См. Lehrich C. I. The Language of Demons and Angels: Cornelius Agrippa's Occult Philosophy. Leiden-Boston, 2003 (Brill's Studies in Intellectual History). С. 202-203.

35. Arbatel de magia veterum. Basileae, 1575; русский перевод: Агриппа. Магия Арбателя. Пер. с франц. А. В. Трояновского. СПб., 1912. Ранее перевод был опубликован в журнале «Изида» (№№ 7-9/10, 1912). Рукописные русские переводы трактата (видимо, выполненные в масонских кругах в конце XVIII в.) имеются в российских собраниях, см.: Гилли К. Путь русской гностики // 500 лет гнозиса в Европе: Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах. Амстердам, 1993, с. 24. Относительно слова «Арбатель» мнения исследователей расходятся: это может быть имя ангела, открывшего содержащиеся в трактате таинства, либо форма Тетраграмматона, от ивр. *arba* (четыре) и *El* (Бог) или, наконец, псевдоним автора. В критическом издании «Арбателя» Д. Петерсен приходит к выводу, что трактат был написан не ранее 1536 г., автором же его мог являться ученый юрист, эзотерик-парацельсианец Жак Гохорий (Gohory, 1520-1576) (Arbatel: Concerning the Magic of the Ancients. Original Sourcebook of Angel Magic. Edited and translated by Joseph H. Peterson. Lake Worth, 2009. C. X-XVI). Заметим, что таинственный автор трактата указывает на наличие девяти томов, но в действительности в книге содержится лишь вводная часть.

36. Брюсов В. Огненный ангел. С. 658.

37. Brach J.-P. Magic IV: Renaissance – 17th Century // Dictionary of Gnosis and Western Esoterism. Edited by W. J. Hanegraaff. Leiden-Boston, 2006. C. 736.

38. Здесь и далее перевод наш на основе латинского издания 1575 г. и английского перевода Роберта Тернера в составе издания Agrippa H. C. His Fourth Book of Occult Philosophy. Translated into English by R. Turner. London, 1655.

38a. Spiritus <Белый А.>. Семь планетных духов // Весы. 1909. № 9, сентябрь. С. 68-71.

39. «Арбатель» вошел в состав пятитомного немецкого издания Agrippa von Nettesheim H. C. Magische Werke. Stuttgart, 1855. В статье «Сочинения Агриппы и источники его биографии» (см. прим. 9) Брюсов, особо оговаривая подложность IV книги «Сокровенной философии», не упоминает «Арбатель» даже в числе «сомнительных» сочинений Агриппы.

40. Обатнин Г. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907-1919). М., 2000. С. 180. Цитируя высказывание Троцкого, автор подчеркивает, что возвращение Иванова и его жены в Россию «несомненно, было в значительной степени продиктовано мистическими соображениями», в т. ч. «внимательным отношением» поэта к «мистическим выкладкам Агриппы».

41. [Брюсов В. Я]. Переписка с Вячеславом Ивановым: 1903-1923. Предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Валерий Брюсов. М., 1976 (Литературное наследство. Т. 85). С. 470.

41a. Указано в работе: Петров В. В. Доктринальное содержание и источники доклада Вячеслава Иванова «Евангельский смысл слова “земля”» // Литературный факт. 2018. № 7. С. 267.

41b. Обратный пер. на русский: Иванов Вяч. Русская идея. Пер. с нем М. Кореневой. Прим. Р. Бёрда // Символ. 2008. № 53-54. С. 97-98; цит по. Петров В. В. Там же, с. 267. Adamantina proles — букв. «адамантово племя» (лат.), заглавие III части «Carmen Saeculare». Как поясняет О. Ронен, «Вячеслав Иванов предсказал в “Carmen Saeculare” (1904) пришествие века, когда человек пройдет завещанный Заратустрой Ф. Ницше путь от подъяремного

животного, от “несчастного Атласа” Генриха Гейне, несущего на себе бремя мировой скорби, ко льву и, наконец, к ребенку. У Иванова наступающий век сначала должен быть веком, сочетающим сталь социального насилия и алмаз — магический кристалл поэтического провидения и талисман, дарующий человеческому духу несокрушимую твердость в сопротивлении. <...> В названии третьей <части>, «Adamantina proles», легко опознать классический образец — названия второго и третьего, серебряного (argentea proles) и медного поколения (aenea proles) в “Метаморфозах” Овидия» (Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000. С. 116).

42. [Брюсов В. Я]. Переписка с Вячеславом Ивановым. С. 454-454. Курсив авторский.

43. Как указывает О. Дешарт, «Брюсов просьбы В. И. не исполнил: текста Агриппы не привел и ограничился кратким посвящением — «Валерию Брюсову». Через несколько лет сам В. И., следуя своему первоначальному замыслу, в C<or> A<rdens> поставил в виде эпиграфа цитату из Корнелия Агриппы, указав откуда она взята, и несколько усложнил заглавное посвящение Брюсову» (Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. 2, с. 711).

44. Речь идет о кн.: La magie d'Arbatel. Paris, 1910 с предисл. и прим. М. Хавена (с которой и был сделан русский перевод 1912 г.). «Арбатель» характеризуется в этом издании как редкий трактат Агриппы.

45. «Гимн столетию» Горация был написан к Тарентским играм (17 г. д. н. э.), проведенным императором Августом и посвященным Аполлону и Диане. Гимн был исполнен хором дев и юношей на третий день игр в честь жертвоприношения Аполлону. См. Putnam M. S. J. Horace's Carmen Saeculare: Ritual Magic and the Poet's Art. [New Haven-London], 2000.

46. Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. 2. С. 286-289.

47. Брюсов В. Ночи и дни: Вторая книга рассказов и драматических сцен. М., 1913, с. 131-135. Рассказ был впервые опубликован в журн. Весы, № 11, 1908, с. 19-21, за подписью К. Веригин. См.: Брюсов В. Огненный ангел. С. 876, 882. Далее все цитаты из рассказа даны по этому изданию, с. 183-187. В этой части статьи курсив в цитатах везде наш.

48. Брюсов В. Огненный ангел. С. 876. Включенные в сборник произведения в основном посвящены были проблемам любви, полового влечения, женской эмансипации и проч.

49. В программной статье-лекции «Ключи тайн», открывавшей первый номер «Весов» (1904), Брюсов писал: «Пусть же современные художники сознательно куют свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих человечеству двери из его “голубой тюрьмы” к вечной свободе» (Весы. 1904. № 1. С. 21).

50. См. Легенда о докторе Фаусте, М. 1978 (Литературные памятники); Якушева Г. В. Фауст в искушениях XX века: Гетевский образ в русской и зарубежной литературе. М., 2005; Palmer P. M., More R. P. The Sources of the Faust Tradition: From Simon Magus to Lessing. New York, 1965; Baron F. Doctor Faustus: From History to Legend. Munchen, 1978 (Humanistische Bibliothek) и пр. Брюсов переводил «Фауста» Гете и изобразил исторического Фауста в «Огненном ангеле».

51. Idel M. Ascencions on High in Jewish Mysticism: Pillars, Lines, Ladders. Budapest – N.Y., 2005 (Pasts Incorporated: CEU Studies in the Humanities); Schafer P. Hechalot-Studien. Tubingen, 1988 (Texte und Studien zum Antiken Judentum); Arbel V. D. Beholders of Divine Secrets:

Mysticism and Myth in the Hekhalot and Merkavah Literature. Albany, 2003; Davila J. R. Descenders to the Chariot: the People Behind the Hekhalot Literature. Leiden-Boston-Koln, 2001 (Supplements to the Journal for the Study of Judaism); Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.-Иерусалим, 2004, с. 75-117 и пр.

52. [Брюсов В. Я.]. Из неизданных и несобранных стихотворений. Публ. Р. Л. Щербакова. Предисл. Н. А. Трифонова. // Валерий Брюсов. М., 1976 (Литературное наследство. Т. 85). С. 48. Очевидна отмеченная публикатором связь стихотворения с замыслом оставшейся неоконченной поэмы «Поклонение волхвов» (1906), но та путеводная звезда, о которой говорится финале «Мага», как нам кажется, отнюдь не вифлеемская.

53. «Говорили, что этимология фамилии Фламмарион — от Flamma Orionis (Пламя Ориона), а один просвещенный этимолог возводил ее к старинному слову Flameron – "несущий свет". И то, и другое прекрасно описывает работу ученого» (Quénisset F. La vie et les oeuvres de Camille Flammarion // Ciel et Terre: Bulletin de la Société Belge d'Astronomie. 1925. № 11-12, Novembre-Décembre. С. 199.

54. См. Flammarion C. Discours prononcé sur la tombe de Allan Kardec. Paris, 1869.

55. Фламмарион К. Живописная астрономия: (Astronomie populaire). СПб., 1900. С. 592.

56. Ср. также: «Он один распространяет небеса, и ходит по высотам моря; Сотворил Ас, Кесиль [Орион] и Хима и тайники юга; Делает великое, неисследимое и чудное без числа!» (Иов 9:8-10); «Можешь ли ты связать узел Хима [Плеяд] и разрешить узы Кесиль» (Иов 38:31).

57. Lepsius R. Das Todtenbuch der Ägypter: Nach dem hieroglyphischen Papyrus in Turin mit einem Vorworte zum ersten Male Herausgegeben. Leipzig, 1842; Naville E. Das ägyptische Totenbuch der XVIII. bis XX. Dynastie: Aus verschiedenen urkunden. Berlin, 1886.

58. Wallace Budge E.A. The Book of the Dead: The Papyrus of Ani in the British Museum. The Egyptian Text with Intelinear Transliteration and Translation, a Running Translation, Introduction etc. London, 1895 (reprinted: New York, 1967), с. LXXIII-LXXX. В настоящее время переводы и воззрения Баджа во многом считаются устаревшими, однако книги его все еще широко переиздаются. Здесь и далее в этой части статьи перевод наш, помимо оговоренных случаев.

59. Lévi E. Dogme et rituel de la haute magie. Paris, 1861. Т. 2, с. 258. Берешит — начало, древнееврейское название книги Бытия по первым словам Bereshit («В начале»).

60. Общины адвентистов седьмого дня начали появляться в России в 1890-х гг. К 1901 г., по сведениям Министерства внутренних дел, их насчитывалось уже 37. В 1906 г. адвентисты в согласии с циркуляром П. Столыпина были официально признаны правительством.

61. White A. L. Ellen G. White: The Early Years. Vol. 1: 1827-1862. Hagerstown, 1985, с. 154.

62. См. The Early Life and Later Experience and Labors of Elder Joseph Bates. Battle Creek, 1878, с. 156: «Эта брешь или место в небе несомненно есть то, о чем говорилось в Писании, см. Ин. 1:51 и Откр. 19:11». Бэйтс цитирует следующие библейские стихи: «...истинно, истинно говорю Вам: отныне будете видеть небо отверстым...» и «И увидел я отверстое небо,

и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует».

63. К сходному выводу приходит А. Панченко, именующий Серебряный век «своеобразным New Age в истории русской культуры» (Панченко А. А. Спиритизм и русская литература: Из истории социальной терапии // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 537).

64. Flammarion C. Lumen — Histoire d'un ame: Histoire d'une comete. La vie universelle et éternelle. Paris, 1873 (Récits de l'infini).

65. Blavatsky H. P. The Secret Doctrine: Synthesis of Science, Religion and Philosophy. Vol. 3: Anthropogenesis. Part 1. Madras, 1938 (reprinted: Wheaton, 1952; Whitefish, 2003). C. 169-170.

66. В печати эти взгляды Иванова были высказаны несколько позднее (1916) в статье «Лик и личины России: К исследованию идеологии Достоевского» (см. Иванов Вяч. Собрание сочинений. Брюссель, 1987. Т. 2, с. 445-482).

67. См. Обатнин Г. Иванов-мистик. С. 147-154.

68. В статье «Орфей» (Труды и дни. 1912. № 1, с. 60-63) Иванов задается вопросом: «Кто был для эллинов божественный вождь хора? Одни говорили "Аполлон"; другие: "Дионис". Третьи — младшие сыны древней Эллады — утверждали мистическое единство обоих. "Их двое, но они одно", говорили эти: "нераздельны и неслиянны оба лица дельфийского бога". Но кто же для эллинов был Орфей? Пророк тех обоих и больший пророка: их ипостась на земле, двуликий, таинственный воплотитель обоих /…/ Орфей — движущее мир, творческое слово; и Бога-Слово знаменует он в христианской мистике первых веков» и т. д.

69. О тройственности в качестве мистического принципа организации эротической практики и «эротической утопии» Иванова см. ценную статью: Паперный В. Вяч. Иванов: Между Чернышевским и Беме // Труды по русской и славянской филологии: К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту, 2008. С. 199-218 (Новая серия: Литературоведение. VI); также http://www.ruthenia.ru/document/544193.html — ссылка верна на июль 2020.

70. См. Лавров А. В. Валерий Брюсов и Нина Петровская: Биографическая канва к переписке // Брюсов В., Петровская Н: Переписка 1904-1913. Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и А. В. Лаврова. М., 2004. С. 18-20.

71. Как уже указывалось различными комментаторами, имеется в виду гравюра А. Дюрера «Рыцарь, Смерть и Дьявол» (1513).

72. Описания планет звездной системы Ориона и их обитателей вошли в авторизованный английский перевод: Flammarion C. Lumen. Authorised translation from the French by A. A. M. and R. M. With portions of the last chapter written especially for the English edition. New York, 1897. C. 197-201.

73. См. Sändstrom S. Le monde imaginaire d'Odilon Redon: Etude iconologique. London, 1955. C. 87-88; Larson B. J. The Dark Side of Nature: Science, Society, and the Fantastic in the Work of Odilon Redon. University Park, PA, 2008 и пр.

74. Гюисманс Ж. К. Наоборот // Наоборот: Три символистских романа. М., 1995, с. 50-51. О Гюисмансе и Редоне см.: Grigorian N. Dreams, Nightmares, and Lunacy in *En rade*: Odilon Redon's Pictorial Inspiration in the Writings of J.-K. Huysmans // Comparative Critical Studies. 2008. Vol. 5, Is. 2-3, с. 221-233.

75. Весы. Апрель 1904. № 4, с. 1-16. В № 5 был опубликован материал Аврелия (В. Брюсова) «Одилон Рэдон: (Из статьи Э. Бернара)». №№ 5-6 также вышли с обложками Редона; его графические работы появлялись в данных номерах и в № 12 («Сатана»). См. Волошин М. Лики творчества. Под ред. В. А. Мануйлова, В. П. Купченко, А.В. Лаврова. Комм. К. М. Азадовского. Л., 1988 (Литературные памятники). С. 653-655.

76. Ср. с воспоминаниями М. Волошиной: «Особенно памятен мне один его рисунок углем: голова Сатаны, взгляд, полный сверхчеловеческой печали, устремлен в бесконечную пустоту» (Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея: история одной жизни. Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М., 1993, с. 121). В отличие от Вяч. Иванова, который счел визит в мастерскую Редона и его работы одним из «сильнейших» впечатлений парижских месяцев 1903 г., Брюсов, также побывавший в это время у Редона, был «не очарован» (см. Богомолов Н. К истории вхождения Вяч. Иванова в литературный мир. Статья первая: Парижские лекции» // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 23 http://sites.utoronto.ca/tsq/23/bogomolov1.shtml — ссылка верна на июль 2020). Очевидно, оценка Брюсова изменилась под влиянием Волошина и восприятия Редона в среде французских символистов.

77. О своеобразном отражении в «Les Origins» научных и в частности микробиологических открытий см., к примеру: Gamwell L. Beyond the Visible – Microscopy, Nature, and Art // Science, 2003. № 3, с. 49-50; Lucy M. Into the Primeval Slime: Body and Self in Redon's Evolutionary Universe // Revue d'art canadienne. 2009. Vol. 34, No 1, с. 18-29; Larson B., Evolution and Degeneration in the Early Work of Odilon Redon // Nineteenth Century Art Worldwide. 2003. Vol. 2, Is. 2 (http://www.19thc-artworldwide.org/index.php/spring03/220-excavating-greece-classicism-between-empire-and-nation-in-nineteenth-century-europe — ссылка верна на июль 2020).

78. Полет с Дьяволом, сопровождаемый подобной метаморфозой, видимо, является одним из источников финала «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

79. Schuré É., Les Grands Initiés: Esquisse de l'histoire secrète des religions. Rama — Krishna — Hermès — Moïse — Orphée — Pythagore — Platon — Jésus. Paris, 1921, с. 233 (русский пер. из: Шюре Э. Великие посвященные: Очерки эзотеризма религий. Пер. Е. Писаревой. Калуга, 1914).

80. Не исключено и влияние Леви, который продолжал свое описание Ориона следующим образом: «Глядя иным манером и проведя иные идеальные линии, он увидит над йод отличной формы гимель, которая вместе с йод образует большую перевернутую далет; эта фигура выражает борьбу добра и зла, в которой добро в конце концов одержит решительную победу. По сути, гимель, расположенная над йод, есть триада, порожденная единством, проявление божественного Слова, в то время как перевернутая Далет есть триада, состоящая из дуады зла, умноженной самой собой. Фигура Ориона, рассмотренная таким образом, может быть отождествлена с архангелом Михаилом, сражающимся с драконом, и появление этого знака, видимого в такой форме, станет для каббалиста предзнаменованием победы и счастья» (Lévi, op. cit., с. 258-260).

81. Majer M. Atalanta Fugiens, hoc est Emblemata Nova de Secretis Naturae Chymica <..>. Oppenheim, 1618. Русский пер. по изд.: Майер М. Убегающая Аталанта, или Новые Химические Эмблемы, открывающие Тайны Естества <...> в пер. Глеба Бутузова. М., 2004. С. 263. См. также Pernety A.-J.. Dictionnaire mytho-hermétique: Dans lequel on trouve Les Allegories Fabuleuses des Poetes, les Métaphores, les Énigmes et les Termes Barbares des Philosophes Hermétiques expliqués. Paris, 1758. C. 357.

82. Брюсов В. Огненный ангел. С. 28-29.

83. Paradiso, XXX, 61-70: «Живые искры, взвившись над рекой / Садились на цветы, кругом порхая, / Как яхонты в оправе золотой;/ И, словно хмель в их запахе впивая,/ Вновь погружались в глубь чудесных вод;/ И чуть одна нырнет, взлетит другая» (пер. М. Лозинского).

84. Теме «андрогинного мифа» русского символизма посвящено достаточно много работ, начиная с Matich O. Androgyny and the Russian Silver Age // Pacific Coast Philology. Vol. 14. 1979. c. 42-50; она же, Androgyny and the Russian Religious Renaissance // Western Philosophical Systems in Russian Literature. Ed. Anthony Mlikotin. Berkeley and Los Angeles, 1979. C. 165-175. Из сравнительно недавних можно выделить: Matich O. Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siecle. Madison, 2005; Григорьева Е. К вопросу о топике андрогинизма в русском литературно-философском модернизме: Компаративный взгляд sub specie semiologiae // Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма. Сб. статей под ред. Д. Г. Иоффе. М., 2007. С. 353-381.

85. Дьявол, как отмечали комментаторы, цитирует «Cosi mi circonfulse luce viva» («Так я был осиян ярчайшим светом», Paradiso XXX, 49, пер. М. Лозинского), заменяя «я» на «ты». Не отмечено то, что следующие строки Данте: «Любовь, от века эту твердь храня / Вот так приветствует, в себя приемля» (XXX, 52-53) ведут к иронической реплике Дьявола: «Здесь наступила пора любви».

86. Описание св. Димитрия Ростовского (Четьи-Минеи). Согласно легенде, св. Киприан, языческий чародей, живший в конце III-начале IV вв., обладал невероятными магическими способностями (умел изменять свойства воздуха, вызывать мертвых, насылать бури, владел «бесовскими превращениями», учил «летать по воздуху» и «плавать в ладьях по облакам»), но так и не смог склонить благочестивую христианку Иустину (Юстину) к сожительству со знатным юношей. Осаждаемый дьяволом, Киприан сотворил крестное знамение и тем избегнул сетей Сатаны (отметим, что мистик Брюсова не крестится, а произносит заклятие, «протянув свои астральные руки ладонями вперед»). Киприан и Иустина, к тому времени епископ и игуменья, претерпели мученическую кончину в 304 г. и были причислены к лику святых. В ранних церковных текстах Киприан иногда отождествлялся со св. Киприаном Карфагенским, что считается ошибочным.

87. Брюсов В. О «речи рабской», в защиту поэзии // Брюсов В. Я. Собрание сочинений. М., 1975. Т. 6. С. 178.

88. Зиновьев В. П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири: Исследования и публикации. Новосибирск. 1985. С. 62-76. Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую признательность О. Проскурину и А. Соболеву за библиографические указания к данной части работы.

89. Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки народной мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 61-63.

90. Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 393-400.

91. См. Виницкий И. Нечто о привидениях: Истории о русской литературной мифологии XIX века. М., 1998. С. 55-58 (Ученые записки Московского культурологического лицея. Серия: филология. 1998. № 3-4 (6-7)).

92. [Селиванов И. В.]. Воспоминания прошедшего: Были, рассказы, портреты, очерки и проч. автора «Провинциальных воспоминаний». М., 1868. Вып. 2, С. 19-23. Мы воспользовались изложением Ю. Лотмана, рассматривавшего этот эпизод в заметке «“Задумчивый вампир” и “Влюбленный бес” (Лотман Ю. М. Три заметки о Пушкине // Вторичные моделирующие системы. Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1979. С. 91-106).

93. См. содержательную статью: Виницкий И. Общество мертвых поэтов: Спиритическая поэзия как культурный феномен второй половины 19 века // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 133-165; Панченко А. А. Спиритизм и русская литература: Из истории социальной терапии // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 529-540.

94. Берг Н. В. В. И. Даль и П. В. Нащокин // Русская старина. 1880. Т. 28. № 7. С. 615-616.

95. См. об этих практиках: Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. Сост. А. Ф. Белоусов. М, 1998. С. 12-13 и особенно статью С. Б. Адоньевой «Дух Пушкина» в ее кн. Категория ненастоящего времени: Антропологические очерки. СПб., 2001 (Ethnographica Petrolitana). Приведем ряд публикаций: Амелькина А. Дух Пушкина: «Ваши торжества мне надоели!» // Комсомольская правда. 1999. 21 мая (вызывание духа Пушкина); Утенков Д. Встречи с Пушкиным // Вечерняя Москва. 2005. №170 (24215). 14 сентября (спиритизм, мистические встречи с Пушкиным); Тарасов В. Бомба на блюдечке: Показания очевидца // Солнечное сплетение. 2000. № 14-15. С.. 9-24 (беседы с духом Пушкина, медиумические стихи и рисунок Пушкина); Призрак Пушкина прогнали бомжи // Комсомольская правда. 2005. 20 февраля (призрак Пушкина).

96. Садовской Б. Заметки с кладбища: Из дневника Бориса Садовского. <Публ. С. Шумихина> // Политический журнал. 2006. № 12 (107). 3 апреля (http://www.sadovskoi.ru/article/zametki-s-kladbishcha.html — ссылка верна на июль 2020).

97. Пригодич В. <Гречишкин С. С.>. Нечто и ничто. (http://www.pereplet.ru/kot/87.html#87 — ссылка верна на июль 2020).

98. См. Махов А. Е. Обнаженный язык дьявола как иконографический мотив // Одиссей: Человек в истории. М., 2003. С. 332-367.

99. Остроумова-Лебедева А. П. Op. cit., с. 232. Публикатор указывает, что художница была склонна к мистицизму и визионерству.

100. Там же, с. 321-322.

КОММЕНТАРИИ

Все включенные в книгу тексты, за исключением приведенных в приложениях, публикуются по рукописям либо первоизданиям.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. В дневнике спиритических сеансов 1893 г. и ряде дневниковых записей 1892-99 гг. авторская пунктуация не исправлялась. Во всех текстах сохранено авторское написание имен и фамилий. Общепонятные сокращения в дневниковых записях не расшифровывались. В републикациях безоговорочно исправлены очевидные опечатки.

В комментариях, как правило, без особой надобности не приводятся сведения касательно многочисленных и достаточно известных ученых, литераторов, эзотериков и деятелей спиритизма, упомянутых в текстах В. Я. Брюсова; сведения о большинстве из них читатель может почерпнуть в соответствующих печатных и сетевых справочниках, энциклопедиях и т. п.

С. Ш.

СПИРИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Спиритизм, вопреки утверждениям некоторых мемуаристов (Чулков 1930: 93), отнюдь не являлся для В. Я. Брюсова исключительно «данью молодости» — напротив, в увлеченности спиритизмом (как и эзотеризмом) Брюсов демонстрировал удивительное постоянство и до самой смерти сохранял веру в реальность потустороннего мира (Остроумова-Лебедева 1998:230). Первая запись об участии в спиритическом сеансе появилась в его дневниках осенью 1892 г., однако и 20 с лишним лет спустя мы видим Брюсова на заседаниях Русского спиритуалистического общества; спиритический журнал «Ребус» Брюсов продолжал выписывать вплоть до его закрытия в 1917 г. (Андриенко 2017: 216). Ниже мы приводим краткий очерк спиритической деятельности В. Я. Брюсова.

В январе-мае 1893 г. Брюсов принимал участие в спиритических сеансах, проводившихся в доме его знакомых, Андрея Андреевича Краскова и его жены Марии Ивановны (в первом браке Масловой). В особой тетради он вел протоколы сеансов, фиксируя отдельные моменты и в дневниках; обстановка сеансов живо обрисована Брюсовым также в автобиографической повести «Декадент» (см. в приложении). Сеансам сопутствовал роман с дочерью М. И. Красковой от первого брака Еленой Андреевной, «Лелей», умершей от черной оспы 18 мая 1893 г. Как показал Н. А. Богомолов (Богомолов 1999), спиритизм на этом этапе сплетался у Брюсова и с жизнетворческими, и с любовными чаяниями в «тройственной системе ориентиров»: «Залог успеха для Брюсова определяется соединением декадентст-

ва, спиритизма и любви» (там же, 281).

Судя по «Декаденту» и чрезвычайно откровенным дневникам, Брюсов нередко фальсифицировал спиритические «явления», а сеансы у Красковых использовал, в частности, для сексуальных забав. Подделки паранормальных феноменов частично преследовали развлекательные и любовные цели, тем более что героиня брюсовского романа была в них посвящена. Одновременно, здесь впервые проявилась ярко выраженная у Брюсова склонность к *театрализации оккультизма*, о которой нам уже приходилось писать (см. в приложениях статью Шаргородский 2011) — что никак не исключало для Брюсова признания истинности тех или иных спиритических либо оккультных (магических) явлений. В черновых записях Брюсов утверждал, что за годы занятий спиритизмом наблюдал «все известные <медиумические> явления, кроме полной материализации»[1]. «В спиритических сеансах, — записывал он в дневнике в 1900 г., — испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени “рассудочный”, что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень».

Остается открытым вопрос, воспринимал ли Брюсов ограниченность своих прорывов в инобытие как некую ущербность; напомним, что он видел себя адептом «научного оккультизма» и потому едва ли должен был считать, что исследователь оккультных и спиритических феноменов непременно обязан обладать медиумическими либо визионерскими способностями. Но позиция его, в особенности на фоне распространенной в 1900-1910-х гг. мистико-оккультной экзальтации, очевидно, не казалась современникам убедительной. Сочетание ауры «посвященного» с театрализованным оккультизмом и вместе с тем «рассудочностью» и холодностью мышления заставляло многих из них, а затем и позднейших исследователей, подозревать Брюсова в оккультном позерстве, если не прямом шарлатанстве.

В дневниках сохранились записи о сеансах в других кружках, а также в доме Брюсова и у его друга А. А. Ланга[2].

15 ноября 1896 г. Брюсов сообщал в письме А. А. Курсинскому[3] : «Полмесяца я опять был спиритом и так сошелся с духами, что беседовал у них <sic> в своей комнате, как с милыми знакомыми (так от 24 до 28 часов; такого счета и у Вас нет?» (Курсинский 1991:328). Брюшюру-декларацию 1899 г. «О искусстве» Брюсов завершил словами:

«В наши дни везде предвозвестники и указатели нового. В душе своей мы усматриваем, чего не замечали прежде: вот явления распадения души, двойного

---

[1] ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 59. Ед. хр. 30. Л. 33 об. (цит. по Андриенко 2017:212).

[2] А. А. Ланг (1872-1917) — поэт и прозаик-символист, писавший под псевд. А. Березин и Ал. Миропольский и увлекавшийся спиритизмом (в кот. проявил себя как медиум) и оккультными науками. Участник сборников «Русские символисты», автор кн. «Одинокий труд» (1899), «Лествица» (1903), «Ведьма. Лествица» (1905).

[3] А. А. Курсинский (1873-1919?) — поэт, переводчик, журналист, киносценарист; в 1895 и 1896 гг. репетитор в семье Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, в 1906-1907 гг. зав. литературным отделом журнала «Золотое руно», участник журн. «Весы», автор сб. «Полутени» (1896), «Стихи: (1896-1900)» (1901, обл. 1902), «Сквозь призму души» (1906)..

зрения, внушения; вот воскресающие сокровенные учения средневековья (магия) и попытки сношений с невидимыми (спиритизм). Сознание, видимо, готовится торжествовать еще одну победу. Тогда возникнут новое искусство и новая наука, более совершенно достигающие своих целей. Наши наука и искусство временны, сравнительно с духом смертны. Они прейдут, отживут, станут ненужными. Наши наука и искусство прекрасны и достойны поклонения, но они не высшее, что доступно духу даже в сознании» (Брюсов 1899:29-30).

Спиритические и магические опыты с участием Ланга продолжались как минимум до начала 1900-х гг. В 1900 г. в сеансах у Ланга принимали участие жена Брюсова Иоанна Матвеевна и оккультистка А. Р. Минцлова (1866-1910?), позднее игравшая важную роль в символистских кругах. В приложениях мы приводим ее рассказ об одном из сеансов в изложении М. А. Волошина.

С 1900 г. Брюсов печатался в «Ребусе», где опубликовал целый ряд статей и рецензий на книги по спиритизму (подробней о сотрудничестве Брюсова в журнале см. ниже); несколько рецензий на труды по спиритизму он опубликовал позднее и в журнале «Весы». Предисловие к поэме Ланга «Лествица» (1902, тит. 1903) Брюсов превратил в своего рода «спиритический манифест». В этом предисловии и статьях 1900-1902 гг. Брюсов последовательно утверждал, что спиритизм не должен ограничиваться исключительно изучением и верификацией физических феноменов, поскольку главное в нем — «непосредственное духовное общение» с проявляющимися в ходе сеансов силами. «Спиритические силы, — заявил он однажды в разговоре с В. Ф. Ходасевичем, — со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару и электричеству» (Ходасевич 1997:20).

В январе 1903 г. Брюсов выступил с речью на похоронах виднейшего деятеля спиритического движения А. Н. Аксакова (1832-1903). Смерть Аксакова, финансировавшего издание журнала «Ребус», поставила его редактора-издателя В. И. Прибыткова в трудное финансовое положение, и у Брюсова и Ланга, видимо, возник план купить журнал — перешедший в конце концов в руки московского спиритуалиста, мистика и масона П. А. Чистякова (1867-1924)[1].

В начале 1900-х гг. Брюсов также участвовал в спиритическом кружке Чистякова и А. И. Бобровой (см. о них Раздъяконов, Маклакова 2018; Маклакова 2019; Раздъяконов 2020) и других кружках, в том числе спиритических собраниях у основателя издательства «Гриф» С. А. Соколова-Кречетова (1878-1936) и его жены Н. И. Петровской (см. Петровская 1989). В. Ф. Ходасевич приводит сведения об организованных «по почину Брюсова» спиритических сеансах в помещении нотариальной конторы П. А. Соколова, продолжавшихся до 1905 г. (Ходасевич 1997:20).

Две заметки, опубликованные Н. А. Богомоловым, свидетельствуют об участии Брюсова в собраниях основанного Чистяковым и Бобровой Русского спиритуалистического общества в феврале-марте 1913 г. (Богомолов 1999: 297, 308-309). В мае 1914 г. Брюсов напечатал в «Ребусе» стихотворение «Это — не надежда и не вера...», а в начале октября 1916 г. предлагал А. И. Бобровой для публикации в жур-

---

[1] В письме к Прибыткову П. А. Чистяков указывал в числе претендентов на владение журналом «гаерствующих декадентов» Брюсова и Ланга (ОР РГБ. Ф. 368. Карт. 15. Ед. хр. 23. Л. 8, 10; цит. по Раздъяконов, Маклакова 2018:70).

нале переделанный вариант статьи «Предсказания Нострадама о современной войне» (Даниелян 2005).

Отдельной темой является отражение спиритизма в художественном творчестве Брюсова — от раннего «Декадента» до стихотворений, рассказов, романа «Огненный ангел», драмы «Духовидец» (ок. 1908-1910), сценариев «Жизнь в смерти» (фильм по сценарию В. Брюсова поставлен Е. Ф. Бауэром в 1914 г.), «Карма — перемена судьбы» (1918) и пр. О том, что интерес к спиритизму не оставлял Брюсова и в последние годы жизни, свидетельствует, например, рассказ «Торжество науки: Записки 3-го посещения Теургического института» (1918), где с безусловно спирических позиций опровергаются построения Н. Ф. Федорова. Спиритический «заряд» рассказа курьезно — и полностью противореча содержанию — отметила даже редакция журнала «Техника — молодежи», где произведение Брюсова было впервые опубликовано в 1963 г. под залихватским заглавием «Не воскрешайте меня!»: «Это едкая насмешка ученого-материалиста над бесплодными потугами буржуазных философов, пытающихся протащить под флагом позитивизма всякую оккультную чертовщину. В самом деле, от “воссоздания” мифического апостола по материалам его евангельской “биографии” — один шаг до спиритизма, который в те годы, когда Брюсов писал свой рассказ, пьяным угаром охватил головы неврастеничной интеллигенции, спасавшейся в омуте мракобесия от грохота войн и революций» (Брюсов 1963: 16).

Спиритические сеансы 1893 года

ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 2. Ед. хр. 6. Отдельные фрагменты (с публикаторской пунктуацией) в работах Богомолов 1990 и Богомолов 1999. Полностью публикуется впервые.

Записи содержатся в линованной тетради с указанным загл. Сеансы пронумерованы на полях от 1-2 (8 и 12 января 1893 г.) до 29 (3 мая). Ввиду особой важности нами сохранены некоторые вычеркнутые фрагменты, означенные в тексте зачеркнутым шрифтом.

«Спиритический дневник» В. Я. Брюсова представляет собой стандартные для спиритических кружков протоколы сеансов, вплоть до указания, в последних записях, погодных условий и мест проведения сеансов. Поскольку в одной из первых записей, от 27 января, имеется отсылка к событиям более поздних сеансов, можно заключить, что по крайней мере записи между 27 января и началом марта были сделаны не по непосредственным впечатлениям, а внесены в протоколы с определенным временным отдалением. Не исключено, что Брюсов мог предназначать данные записи для публикации в «Ребусе», куда в начале 1893 г. отправил рассказ «Николай». Смерть «Лели» и изгнание Брюсова из дома Красковых, естественно, свели на нет любые возможные планы такого рода.

Имена постоянных участников сеансов, скрытые в записях под инициалами, ныне расшифрованы: А. А. и М. И. — соответственно, Андрей Андреевич и Мария Ивановна Красковы; Е. А. — Елена Андреевна Краскова[1], возлюбленная Брюсова; М. Е. — ее жених Михаил Евдокимович Бабурин; В. — младшая дочь Красковых Варя, за которой Брюсов изначально пытался ухаживать; С. или Сб. — Сергей Михайлович Саблин, удачливый соперник Брюсова в ухаживании за Варей; В. П. и, видимо, В. Б. — Вера Петровна Биндасова, еще один предмет эротического внимания Брюсова; Л. — Александр Александрович Ланг; Ю. — Юлия (подруга Елены Андреевны?) (см. Гиндин 1991: 618-619, Богомолов 1999).

С. 10. *...5го март.* — ошибочная датировка; позднее в дневниках и протоколах этот сеанс датируется 3 марта. Под 5 марта в дневнике: «Веч<ер> дома».

С. 14. *...quem amo?* — здесь, видимо, искаж. *лат.* «Кого люблю?»

С. 15. *Out of my way* — «Прочь с моего пути» (*англ.*).

С. 18. *...Елена ...Итцы* — имена духов.

С. 22. *...частые прикосновения... поступал так, как сам хотел... диван со мною с силой двигался* — В Богомолов 1990:104 и Богомолов 1999:284 ошибочно «странные прикосновения» и «поступил так...», в Богомолов 1990:105 пропущено «с силой».

С. 25. *Guten Tag... adieu* — соответственно, «Добрый день» (*нем.*) и «прощайте» (*фр.*).

С. 26. *My mind to me a kingdom is* — «Мой разум — царствие мое» (*англ.*). Загл. известного стихотворения (по первой строке), впервые опубликованного в 1588 г. Стихотворение приписывается Э. Дайеру (1543-1607) либо Э. де Веру, 17-му графу Оксфорду (1550-1604), выдвинутому в XX в. на роль одного из возможных авторов шекспировских произведений.

Извлечения из дневников 1892-1903 гг.

ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 12 (записи с 23 окт. 1892 по 28 мая 1893); там же. Ед. хр. 15 (запись за январь 1899 г.); там же. Ед. хр. 16 (запись о Мережковском); Богомолов 1999:296 (запись за сентябрь 1900 г.); Дневники 1927: 93, 115, 129 (записи с октября 1900 по январь 1903 г.). Отдельные фрагменты ранее в Богомолов 2004.

---

[1] Некоторые исследователи предпочитают именовать ее Е. А. Масловой. Рассуждения по этому поводу см. в Молодяков 2010:62-63.

С. 35. ...*«Соврем.<енная> жрица Изиды»* — Книга беллетриста Вс. С. Соловьева (1849-1903), содержащая резкую критику теософии и Е. П. Блаватской. Изначально печаталась как серия статей в журн. «Русский вестник», отдельное изд. 1893.

С. 35. *Корнелий Агриппа... diverses* — Запись интересна, прежде всего, в качестве (вероятно) первого в бумагах Брюсова упоминания об Агриппе Неттесгеймском, которому предстояло стать своеобразным *alter ego* Брюсова. *Magia Adamica — Евг<.> Филалета* — имеется в виду оккультное сочинение «Адамова магия, или древность магии и доказанное нисхождение ее от Адама и далее» (первое изд. Лондон, 1650), которое часто приписывается использовавшему псевдоним «Евгений Филалет» английскому философу и алхимику Т. Вогану (1621-1666). *J E Mirville Des esprits et de leurs manifestations diverses* — точнее, «Pneumatologie: Des Esprits et de leurs manifestations diverses» [«Пневматология: Духи и их различные проявления»], монументальный шеститомный труд (Париж, 1863-1868) автора ряда спиритуалистических книг маркиза Ж. де Мирвилля (1802-1873).

С. 37. ... *я сказал ей много такого, чего говорить не следовало* — Ср. черновик письма Брюсова к М. И. Красковой: «Было время, когда я нуждался в слове утешения, а что дали вы мне. Я молил куска хлеба, а вы протянули камень. Из-за ваших пустых фокусов <?>, которые вы наз<ы>в<аете> сеансами, вы прогнали меня, оторвав от последнего, что мне оставалось: от воспоминаний и обстановки недавнего прошлого, с которой мне тяжело, слишком тяжело было расстаться <...> Может быть, я жесток, но и вы были жестоки» (Гиндин 1991:618).

С. 38. ...*иной раз захожу к Лангу «писать с духами»* — См. в приложениях воспоминания В. К. Станюковича.

С. 38. ...*Ал. Ив. ... А.И.* — А. И. Боброва (урожд. Тулова, 1861-1922), спиритуалистка, соратница П. А. Чистякова.

С. 38. ...*флюид* — В классическом для спиритизма толковании А. Кардека, особый эфирный элемент, соединяющий Дух и материю.

С. 38. ...*Самборовские продевания стульев* — Речь идет о киевском медиуме С. Ф. Самборе (? – 1902), с 1894 г. выступавшем с сеансами в Петербурге, Москве и др. городах. На сеансах Самбора, среди прочего, отмечались феномены «прохождения материи сквозь материю» — стулья надевались друг на друга или на руки спиритов, соединенные в цепь. О Самборе см. Прибытков 1901: 139-141, Petrovo-Solovovo 1899, Petrovo-Solovovo 1937.

С. 39. ...*Прибыткова не застал* — В. И. Прибытков (1837/40-1910) — морской офицер, капитан в отставке, в 1881-1903 гг. редактор-издатель журнала «Ребус», основатель петербургского «Медиумического кружка» (позднее «Кружок для исследований в области психизма»), автор ряда книг и брошюр о спиритизме, которым увлекся после того, как его жена Е. Д. Прибыткова (? – 1896) начала проявлять медиумические способности (Прибытков 1897). В 1901 г. Брюсов участвовал в торже-

ственном ужине в честь Прибыткова, прибывшего в Москву отметить выход юбилейного 1000-го номера «Ребуса», и зачитал спиритическое стихотворное приветствие, позднее опубликованное в № 16 журнала за 1901 г.:

В.И. Прибыткову 2-го апреля

Мы здесь собрались дружным кругом,
Когда весна шумит над югом
И тихо голубеет твердь,
Во дни Христова Воскресенья,
Когда по храмам слышно пенье
О победившем смертью смерть.

Бессильно тают глыбы снега,
Река разламывает лед,
Чтоб к морю полетел с разбега,
В себе качая небосвод,
А по полям цветет, поет
Подснежников святая нега.

Нас не страшат земные зимы,
Мы веснам верим в смене лет!
Не так ли, косностью томимы,
О, смерть! Мы верим в твой обет.
Наш путь далек, мы пилигримы,
Но вдалеке нам блещет свет.

И в бытии мы встретим весны:
За смертью жизнь, и снова смерть.
Дух борется с природой косной,
Лучи пронзают сумрак росный,
И вечно голубеет твердь.

Не только верим мы, но знаем,
Ушедших дальше слышим глас.
Нет, не одни мы здесь встречаем
Святого единенья час!
Мы двадцать одного считаем,
Но верьте мне — здесь больше нас!

За эту веру в возрожденье,
За эту сладость единенья!
За тех, кто ведать их помог,

За их великое служенье!
— На их путях да будет Бог[1].

С. 39. *...На похоронах Аксакова говорил я речь; московских спиритов почти не было* — Журнал «Ребус», напротив, сообщал, что «у могилы Александра Николаевича в день его погребения <в Петербурге> находились многие из московских спиритов. Один из них, г. Брюсов, сказал: «Я не считаю себя вправе говорить об А., как человеке, пред людьми, которые знали его гораздо лучше, чем я; и не время теперь, перед открытой могилой, оценивать его литературные заслуги. Но мне хочется отметить одну черту характера отошедшего. У Пушкина есть прекрасный романс о "бедном рыцаре", который имел "непостижимое уму" видение и после этого, сгорев душою, всю жизнь оставался верен этому мигу. Так и А. Н. Аксаков, уверовав однажды в истину спиритуалистического учения, "сгорел душою и остался верен этому озарению всю свою жизнь *до могилы*". Но я убежден, что если и есть печаль в наших сердцах, когда мы говорим это слово, то она смягчена верой в будущее свидание. Конечно, мы все, здесь стоящие, верим, как верил сам А. Н., что мы встретимся в иной жизни и будем там, как и здесь, его близкими, друзьями и учениками» (Ребус. 1903. № 5. С. 46; цит. по Геворкян 2017: 368-369).

СПИРИТИЗМ: СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ, ЗАМЕТКИ

Значительная часть собранных в данном разделе материалов представляет собой публикации Брюсова в журнале «Ребус» — том самом журнале, годовой комплект которого спириты вручают для чтения автобиографическому герою повести «Декадент». Первые попытки Брюсова напечататься в «Ребусе» относятся к началу 1893 г., когда он отправил в журнал рассказ «Николай» (Дневники 1927:11). Рассказ остался ненапечатанным и сохранился в архиве Брюсова под заглавием «Его любовь». Лишь в июле 1900 г. в «Ребусе» появилась вызвавшая полемику статья Брюсова «Методы медиумизма»; полемику завершила напечатанная в октябре брюсовская статья «Еще о методах медиумизма». В ноябре 1900 г. в журнале был опубликован выполненный Брюсовым перевод рассказа А. Стриндберга «Чудо».

В июне 1901 г. Брюсов писал своей возлюбленной А. А. Шестеркиной: «Стихов моих почти никому не надо, а статей все просят: "Мир искусства", "Ребус", "Ежемесячные сочинения"<...>»; в письме ей же от 7 июля 1901 г. он добавлял: «Дал я обещание к 1-му июля доставить три статьи: в "Ребус", А. Лангу как предисловие к его книге и в "Ежемесячные сочинения"; ни одного из обещаний не исполнил, целые

[1] Впоследствии в сб. «Urbi et orbi» (1903) под загл. «В. И. Прибыткову: Застольная речь» с нек. разночтениями в пунктуации и измененной концовкой — вместо двух последних строф: «Да! этот мир как призрак канет, / Смерть наши узы разорвет. / И новый день нам в душу глянет! / Пусть он нас снова отуманит / И пусть измучит, пусть обманет, / Но только был бы зов — вперед!».

утра все пишу и все неудачно» (Брюсов 1976: 636, 644). В результате в 1901 г. в «Ребусе» был напечатан лишь один материал Брюсова, «Из прошлого» (№ 35-1026).

В феврале-июле 1902 г. Брюсов опубликовал в «Ребусе» большой цикл из пяти статей «Спиритизм до Рочестерских стуков»; отметим, что одновременно (с № 1 за 1902 г.) со сходными материалами о «спиритизме до спиритизма» и переводами из старинных хроник в журнале выступал А. А. Ланг.

Публикации Брюсова в «Ребусе» возобновились в 1904 г.; сохранилось письмо к нему нового редактора-издателя журнала П. А. Чистякова:

«В. Я. Брюсову. Москва, Цветной бульвар, № 24 (свой дом). 13/X. 04.

Так затискан работою и так мало времени, что только теперь еле выбрал буквально одну минуту, чтобы черкнуть Вам свое “спасибо” за присланные статьи. Рассказывать Вам, что ложусь чуть не каждый день в 5-6 ч. утра — не буду, ведь Вы точно в таком же положении, как и я.

Еще раз благодарю за сочувствие.

Признательный П. Чистяков.

P. S. Если что будет еще, высылайте» (ОР РГБ, ф. 386, карт. 86, ед. хр. 10, л. 5; цит. по Андриенко 2017: 215).

Две статьи, упомянутые в письме — «Новости французской литературы» и «Признаки медиумичности» — были напечатаны в «Ребусе», соответственно, в № 26/27 и 35/36 за 1904 г. Как считает А. Андриенко, Брюсову принадлежат также не включенные в библиографию статьи «Кое-что о медиумизме: (Из воспоминаний старого естественника)» (№ 11, 1904) и «Среди журналов» (1905. № 17), подписанные, соответственно, «Б-в» и «Б-ов». По нашему мнению, стиль этих статей имеет весьма мало общего с брюсовским; мало того, первая из них ясно дает понять, что автор — человек старшего поколения («Помню то время, когда только начинали говорить о вертящихся столах и называли это, почему-то очень таинственно, столоверчением», — пишет «старый естественник»).

Как мы уже указывали выше, последней публикацией Брюсова в «Ребусе» стало стихотворение «Это — не надежда и не вера...» (1911. № 11, 4 мая), проникнутое вполне спиритическими ощущениями:

Это — не надежда и не вера,
Не мечтой одетая любовь:
Это — знанье, что за жизнью серой,
В жизни новой, встретимся мы вновь.

Нет, не жду я райского селенья,
Вод живых и золотых цветов,
Вечных хоров ангельского пенья
И блаженством зыблемых часов.

Не страшусь и пламенного ада,
С дьяволами в красных колпаках,

Смол огнекипящих и обряда
Страшного суда на облаках.

Знаю: там, за этой жизнью трудной,
Снова жизнь и снова тяжкий труд;
Нас в простор лазурно-изумрудный
Крылья белые не вознесут.

Но и там, под маской сокровенной,
С новым даром измененных чувств,
Нам останется восторг священный
Подвигов, познаний и искусств.

Там, найдя, кого мы потеряли,
Будем мы, без пламени в крови,
Снова жить всей сладостью печали
И, прошедшей через смерть, любви!

Ко всем, кто ищет

Впервые в кн.: Миропольский А. Л. [Ланг А. А.]. Лествица: Поэма в VII главах. М.: Скорпион, 1902 (тит. 1903), с подзаг. «Как предисловие». Републиковано: Брюсов 1990.

П. А. Чистяков в своем отзыве в «Ребусе» (1903. № 2. С. 21) особо выделил предисловие Брюсова:

«Совершенно самостоятельную часть книги представляет написанное В. Брюсовым предисловие, трактующее о спиритизме нашего времени. Признаемся, нам очень досадно видеть эту статью в виде предисловия "Лествицы", где она ни в коем случае не может произвести того впечатления, которого от нее можно ожидать. Если бы статья эта появилась отдельным изданием, ее следовало бы приветствовать, как одну из наиболее убедительно и талантливо написанных начальных апологий современного спиритизма.

Обнаруживая большую начитанность в области спиритизма и так называемых психических наук, автор развертывает перед нами картину современного спиритического движения и попутно указывает на те запросы человеческой мысли, которые, по его мнению, могут получить ответы в спиритизме. Статейка написана с полным убеждением, горячо и мастерски. Она одинаково может служить начальной ступенью как для спирита, так и для представителей точного знания; последние найдут в ней точные указания на лучшую часть новейшей литературы спиритизма и психизма, а с другой стороны столкнутся с несколькими глубокими вопросами, которые могут открыть глаза и уши "желающим видеть и слышать".

Желаем широкого распространения “Лествицы”, как ради ее самой, так и ради предисловия. Желательно бы, кроме того, увидеть и отдельное издание этого предисловия»

П. А. Флоренского (1882-1937) поэма Ланга с предисловием Брюсова, наряду с «Северной симфонией» А. Белого, подвигла на статью «Спиритизм, как антихристианство: (По поводу двух поэм; “Лествица” А. Л. Миропольского, 1902; А. Белый. Северная симфония (1-ая героическая). 1903» (Новый путь. 1904. № 3)[1]:

«“Лествица” не есть произведение *литературное* в обычном смысле слова; каждая буква в этой удивительной поэме кричит, что она не продукт свободного творчества, а документальное описание ряда видений, проносящихся тяжелым сном. Скажу даже больше, можно предположить, что это *не есть* сочинение Миропольского, а простая запись “под диктовку” духов. Читая поэму, невольно представляешь себе автора, как он с холодным, почти безжизненно-бледным медиумическим лицом, может быть, в трансе, автоматически заносит на бумагу кошмарные нашептывания духов, обращаясь в какой-то телеграфический аппарат; “в его организме, будто лишенном личной души, проходят души умерших”».

Бегло приравняв затем спиритизм к «люциферизму», Флоренский переходит к Брюсову:

«Напрасно Валерий Брюсов так заботится о спиритизме: отрицают не факты; пусть они есть; исследовать их — дело психологов. Факты, если не все, то многие, засвидетельствованы, и с научной точки зрения они очень интересны. Но это не то, не то, и не о фактах идет речь! Нам хотят поднести не факты, даже не теории, а религиозно-философскую систему, спиритическую религию. Мы прекрасно понимаем, к чему она обязывает нас, к каким выводам принуждает и к каким последствиям ведет. Многое можно принять из спиритических теорий, но лишь постольку, поскольку они не выходят из области психологии, физиологии и т. п. Но когда нас хотят незаметно перетащить в область метафизики и мистики, когда вместо научных воззрений нам хотят подсунуть *усовершенствованный позитивизм*, то мы будем упираться и руками, и ногами. Это слишком серьезно, более серьезно, чем думают занимающиеся верчением столов. Признать спиритическую религию есть только первый шаг; а далее покатишься с ереси на ересь и логически, и нравственно, — непременно прикатишься к культу Антихриста. Чтобы делать такой шаг, по меньшей мере приходится задуматься, и то чувство нечистоты, которое остается после сеансов у очень многих, тот мертвенный вид медиума, который указывает на овладение им каких-то, во всяком случае не благих, сил — все это намекает, с чем (или с кем) мы имеем дело. Спиритизм, которым занимаются не научно, в большинстве случаев есть *суеверие*. Что же касается до научного изучения, то нам, чуждым этой специальной ветви психологии или пневматологии, соваться в

[1] Согласно записям Флоренского, заглавие было дано редакцией вместо авторского «Две поэмы» и из статьи было «выкинуто все похвальное в отношении спиритической поэмы “Лествица”» (Флоренский 1994:714). Нелишне напомнить о близости Флоренского к Белому в 1904-1905 гг. и его деятельном участии в «магической дуэли» последнего с «черномагом и отдушником» Брюсовым, а также изображении Брюсова в виде враждебного проповедника спиритизма, «поэта/писателя-пантеры» в поэме Флоренского «Святой Владимир». См. также его неотправленное письмо Брюсову от 5 дек. 1904 г. (Флоренский 2004: 518-534).

исследование так же нелепо, как нелепо было бы, если бы кто, не зная физики и не будучи подготовленным, стал исследовать, например, радиоактивные явления потому только, что они кажутся ему любопытными или важными. Так что в этом смысле зазывания Валерия Брюсова странны, чтобы не сказать более того, и приглашение к дилетантизму едва ли может быть желательным. — “Спиритизм, — говорит он, — для новых мистиков ненавистен, потому что все порывается к опытным наукам”. Это — неправда. К опытным наукам многие из “новых мистиков” стремятся, сами ищут подтверждения и обоснования всюду, и в том числе на спиритических фактах иногда, но “новые мистики” имеют Христа, и никакой спиритизм (как религиозная система, а не факт) не соблазнит их к отпадению и блужданию в туманах и мгле; если приходится порой пробиваться силой через твердыни естественных наук (чтобы убедиться, впрочем, что был прекрасный выход), то неужели мы остановимся перед мглою спиритизма?»

Любопытно остановиться также на рецензии «Наши декаденты», опубликованной в «Московских ведомостях» (1902. № 340, 10 дек.) за подписью «В. Б.». Данный текст долгое время считался мистификацией Брюсова и в качестве такового был включен в библиографию и в изд. Брюсов 1990. Вскоре А. В. Лавров, В. Я. Мордерер и А. Е. Парнис решительно выступили против атрибуции текста Брюсову (Переписка 1991: 545): «Нет <…> никаких реальных оснований из случайного совпадения инициалов (ими подписаны и некоторые другие корреспонденции в «Московских ведомостях» делать столь ответственные заключения: рецензия выдержана в традиционно ретроградном, глумливом стиле, характерном для профиля этой консервативной газеты и ее позиции по отношению к “декадентам”, и не заключает в себе решительно никаких примет, по которым можно было бы заподозрить “мистификацию” Брюсова». Приведем отрывок из рецензии:

«Книгу можно разделить на две части: на предисловие, подписанное Валерием Брюсовым, в котором он не столько старается доказать, сколько убедить читателя, что спиритизм — наука, еще, может быть, не вполне обоснованная, но во всяком случае, имеющая больше цены и значения для людей, чем положительные науки, и на самую поэму г. Миропольского, представляющую символистически-мистическое произведение.

Нельзя не остановиться на содержании предисловия, ввиду его значения как типичного показателя несостоятельности взглядов нашего почтенного спиритуалиста. Надо заметить, что символисты питают ненависть к положительной науке, потому что “они (люди, занимающиеся ею) слепы ко всему, что совершается за пределами их области”. Но, говорит г. Брюсов, “господство положительной науки проходит, ее недавнее торжество было последнею вспышкой пламени, прежде чем угаснуть. Позитивная наука, положительное знание сведены (?) с неправо занятого ими трона, им указано их место *в прихожей и на улице*: пусть они зажигают там электрические лампы и катают вагоны”.

Какое грубое и совершенно лишенное понимания отношение к положительным наукам! И во имя чего все это делается? Во имя познания “инобытия”, “тайн гроба и вечности”, во имя которых г. Брюсов даже относится сочувственно к вере в леших, домовых и пр. Истинная наука — это медиумизм. Сущность медиумических явлений есть проявление некоего духа. Заметьте, что г. Брюсов все время как будто сам не уверен в своей “науке”, он почти всегда добавляет слова: некий, мо-

жет быть, по-видимому и т. д.».

С. 42. ...*«Это неинтересно»* — Брюсов дословно цитирует реплику Д. С. Мережковского (см. с. 39; отмечено Н. А. Богомоловым).

С. 43. *«Вот понеслась и зачертила...»* — искаж. цит. («вдохновенье» вместо «дерзновенье») из стих. А. Ф. Фета «Ласточки» (1884).

С. 44. *«О, как ты бьешься на пороге... тянутся оне»* — цит., соответственно, стих. Ф. И. Тютчева «О, вещая душа моя!» (1855) и А. А. Фета «Заря прощается с землею...» (1858) — вновь с искаж.: «тянутся» вместо «просятся».

С. 45. ...*«о тайнах вечности и гроба»* — Из чернового варианта «Воспоминания» А. С. Пушкина (1828), позднее «вечности» заменено на «счастия». Далее цитируются, в порядке следования, стих. З. Н. Гиппиус «Там» (1900), Д. С. Мережковского «Двойная бездна» (ок. 1895-1899) и Н. М. Минского «Страх».

С. 46. ...*«Рочестерскими стуками»* — Т. наз. «Рочестерские стуки», посредством которых сестры Кейт (1837-1892), Маргарет (1833-1893) и Лия (1814-1890) Фокс общались с предполагаемыми духами сперва в городке Гайдсвилль (штат Нью-Йорк), а затем в Рочестере, стали поворотным моментом в истории развития спиритуализма, и многие спириты считали 1848 г. годом зарождения своего движения. За неимением места мы не станем излагать биографию сестер Фокс, однако укажем, что Кейт и Маргарет, получившие широчайшую известность как медиумы, уже с начала 1850-х гг. неоднократно подозревались в шарлатанстве, что не помешало быстрому распространению спиритизма. В 1888 г. Маргарет публично призналась в обмане, но отреклась от своего признания год спустя.

С. 47. ...*типтографией* — Типтография — общение с духами путем постукиваний.

Спиритизм до Рочестерских стуков

Ребус. 1902. №№ 7-1050 (17 февраля), 11-1054 (17 марта), 14-1057 (7 апреля), 18-1061 (5 мая), 29-1072 (21 июля), за подписью «В». Републикуется впервые.

Цикл статей «Спиритизм до Рочестерских стуков» традиционно проходит мимо внимания исследователей «фантастических мотивов» в прозе Брюсова и интерпретаторов «Огненного ангела», хотя Брюсов прямо указал на него в одном из примечаний к второму изд. романа:

«Автор “Повести”, рассказывая о “стучащих демонах”, не стоит одиноко в литературе своего времени. Уверенность, что существуют “духи”, которые дают о себе знать стуками и с которыми, при помощи этих стуков, можно вступить в разговор и в общение, — не составляет исключительного достояния современных спиритов. В. Я.

Брюсов поместил в “Ребусе” 1902 г. (№№ 7, 11, 14, 18, 29) ряд статей под заглавием “Спиритизм до Рочестерских стуков”, в которых привел несколько примеров чисто “спиритических” явлений, относящихся к XVI, XVII и XVIII векам, причем оказывается, что задолго до знаменитого 1848 г. уже были установлены знаки для сношения со стучащими духами» (Брюсов 1909: 338).

Нет сомнений, что данный цикл статей и в плане содержания, и стилистически должен рассматриваться как предвестие будущего романа.

С. 50. *В 1528 году* — В журн. тексте ошибочно набрано «1828».

С. 52. *Discedite omnes qui operaramini iniquitatem* — «Удалитесь все, делающие беззаконие» (*лат.*), несколько искаженная лат. версия Пс. 6:9 и Мф. 7:23.

Метод медиумизма

Ребус. 1900. № 30-969 (23 июля). Републиковано: Богомолов 1999.

Статья Брюсова вызвала оживленную полемику. В № 32 (6 авг.) против Брюсова выступил дипломат и исследователь спиритических явлений М. М. Петрово-Соловово (1868-1954), с 1890 г. член британского Общества психических исследований. «Нет, что <бы> ни говорил г. Брюсов, в медиумических опытах (по крайней мере, физических) должен стоять на первом плане контроль, контроль разумный, не стеснительный (по мере возможности) для медиума, но строгий, — писал он в реплике “По поводу статьи «Метод медиумизма»”. — Только таким путем можем мы надеяться достичь каких-либо положительных результатов, а главное — привлечь к занятию этими вопросами те элементы, участие которых в нелегком деле исследования всего более желательно» (цит. по Геворкян 2017: 372).

В № 34 к полемике присоединился А. Б., т. е. А. Березин (псевд. А. А. Ланга) со статьей «По поводу возражения г-на Петрово-Соловово г-ну Брюсову». Н. А. Богомолов замечает о ней следующее: «Не имея возможности безоговорочно приписать эту реплику Брюсову, отметим все же, что ее энергичный и иронический стиль производит впечатление заметно отличающегося от вялого стиля Ланга и в ряде случаев сближается со стилем Брюсова того времени» (Богомолов 1999: 297). Противоречие устраняется, если предположить, что Брюсов мог подвергнуть статью Ланга некоторой правке.

«Долго ли мы, спириты, будем, как белки в колесе, вертеться с этими бесконечными узлами на бесконечной веревке и с этими бессмысленными стульями, продетыми один в другой?» — негодовал А. Б. «Компетентные и солидные изыскатели», утверждал он, «взглянут на спиритов, увязывающих медиума, отдавливающих ему ноги, запирающих его в клетку, как на диких варваров, которых — бедных! — учить некому. Мартирология медиумов должна, наконец, отойти в историю и составить собою одну из самых печальных страниц человеческого невежества. Для современной науки имеются более достойные способы для исследования проявлений духа».

Петрово-Солововo ответил статьей «По поводу “возражений” г-на А. Б.» (№ 37), вслед за чем в журнале появилась и статья Брюсова «Еще о методах медиумизма» (№ 41). В № 48 было напечатано письмо д-ра Л. Бетхера «По поводу полемики о "методе медиумизма"», а в № 50 — материал А. Б. «По поводу вопроса о “Методе медиумизма” (Письмо в редакцию)».

С. 71. *...iurant in verba magistri* — здесь: «присягают словам учителя» (*лат.*), по стиху Горация, от кот. произошел и девиз Лондонского королевского общества «Nullius in verba» («Ничто на словах»), т. е. требование экспериментальной проверки любых естественнонаучных утверждений.

Еще о методах медиумизма

Ребус. 1900. № 41-980 (23 июля). Републиковано: Богомолов 1999.

Новости французской литературы

Ребус. 1904. № 26-27, за подп. «Аврелий». Републикуется впервые.

Признаки медиумизма

Ребус. 1904. № 35-36, за подп. «Аврелий». Републикуется впервые.

Рецензии на книги Л. Дени, А. Кардека, К. Дюпреля

Весы. 1904. В порядке следования — №№ 2, 4, 8, все за подп. «В. Б.». Републикуются впервые.

Из прошлого

Ребус. 1901. № 35-1206, 2 сент. Републикуется впервые.

С. 87. *Il ne s’en explique pas* — «Это необъяснимо» (*фр.*).

Отзывы В. С. Соловьева о спиритизме и о Ренане

Русский архив. 1903. № 6.

ЭЗОТЕРИЗМ: РЕЦЕНЗИИ. СТАТЬИ ОБ АГРИППЕ НЕТТЕСГЕЙМСКОМ. ПРОРОЧЕСТВА НОСТРАДАМУСА

Папюс. Первоначальные сведения по оккультизму

Весы. 1905. № 2, февраль, за подп. «Гармодий». Републикуется впервые.

Браман Чаттерджи. Сокровенная религиозная философия Индии

Весы. 1906. № 2, февраль, за подп. «Гармодий». Републикуется впервые.

Переводчица книги, чей исполненный «любовно и со знанием дела» перевод отмечен Брюсовым — видная деятельница теософского движения Е. Ф. Писарева (урожд. Рагозина, 1853-1944), с 1909 председатель Калужского теософского общества, вице-президент теософского общества России (о ней: Carlson 2015:63-64 и по указ.).

С. Тухолка. Оккультизм и магия

Весы. 1907. № 7, июль, за подп. «Аврелий». Републикуется впервые.

Библиотека оккультных наук. Древняя высшая магия

Весы. 1907. № 11, ноябрь, за подп. «Петаур». Републикуется впервые.

П. Д. Успенский. Символы Таро

Русская мысль. 1912. № 7. Републикуется впервые.

E. Schuré. L'Evolution divine du Sphinx au Christ

Русская мысль. 1913. № 5. Републикуется впервые.

Агриппа Неттесгеймский

Русская мысль. 1911. № 2. Позднее с сокращениями и изменениями в статье «Оклеветанный ученый», напечатанной как введение в кн.: Орсье Ж. Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в. Критико-биографический очерк. Пер. Брониславы Рунт. Под ред., с введением и прим. Валерия Брюсова. С прил. трех статей редактора: «Оклеветанный ученый», «Легенда о Агриппе» и «Сочинения Агриппы и источники его биографии». М., 1913. Републикуется впервые.

Появление очерка Ж. Орсье (1910), совпавшее с переизданием французского перевода трудов Агриппы, впервые выпущенного в XVIII в., вновь — уже после журнальной и двух книжных (1908, 1909) публикаций «Огненного ангела» — вернуло Брюсова к размышлениям о немецком ученом и оккультисте[1]. Первыми результатами их стала данная рецензия и статья об Агриппе в «Новом энциклопедическом словаре» (1911). Не приходится сомневаться, что именно по инициативе Брюсова его свояченица Б. М. Рунт (в замуж. Погорелова, 1885-1983) взялась за перевод очерка Орсье, который и вышел в 1913 г. в издательстве «Мусагет». Касательно образа Агриппы у Брюсова, а также значении для Брюсова его личности, см. Белецкий 1940, Пуришев 1974, Шаргородский 2011, Кузьмин 2012.

С. 100. *«О недостоверности познания»* — В статье «Оклеветанный ученый»: «О недостоверности и тщете наук и искусств».

С. 100. *...tour de force* — достижение, демонстрация силы, ловкости (*фр.*).

С. 101. *...будущего критицизма* — Далее тексты рецензии и статьи «Оклеветанный ученый» существенно расходятся; приводим концовку статьи:

«Бесспорно, личность Агриппы, его сочинения, его взгляды заслуживают внимания историков культуры и историков философии. Но долгое время личность Агриппы оставалась не освещенной наукой: историки, как бы унаследовав вражду гуманистов к "чернокнижнику", проходили мимо его характерной и далеко не заурядной личности. Бейль был первым, кто в своем знаменитом "Историческом и критическом словаре" (1696 г.) попытался выставить образ Агриппы в истинном свете. В XIX веке были изданы два больших труда, специально посвященных Агриппе, один английский, другой французский: Г. Морлея (1856 г.) и О. Про (1882 г.), в которых сделаны попытки выяснить действительное значение Агрип-

---

[1] До публикации очерка Орсье Брюсов планировал составить собственный историко-биографический очерк об Агриппе (Белецкий 1930).

пы для своего времени. Но с появления последней из этих работ прошло уже 30 лет, и громадное количество вновь опубликованных с тех пор исторических материалов настоятельно побуждает пересмотреть многие выводы обоих авторов.

Биографический очерк, предлагаемый теперь в переводе вниманию читателей и принадлежащий перу молодого ученого Жозефа Орсье, не имеет притязания исполнить эту работу. Он почти исключительно основан на сохранившейся переписке Агриппы, которую автор считает "истинной автобиографией" великого авантюриста, — хотя Ж. Орсье и привлек к исследованию некоторые архивные материалы. Но все же Орсье дает яркую и, при всей сжатости очерка, полную картину жизни Агриппы, попутно разъясняя многие темные пункты его биографии. Для русского читателя издаваемая книжка окажется единственным источником для знакомства с одним из значительнейших людей знаменательной эпохи: начала Реформации в Германии <…>».

С. 101. *…non probo, sed narro* — фраза Агриппы: букв. «я не одобряю, но излагаю» (*лат.*).

Легенда о Агриппе

Впервые в кн.: Орсье Ж. Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в. <…> М., 1913.

Сочинения Агриппы и источники его биографии

Впервые в указанной выше кн. Ж. Орсье.

Пророчества Нострадама о современной войне

Биржевые ведомости. 1915. № 14841, 14 мая (утренний вып.). Частично републиковано в Даниелян 2005. Впервые полностью републиковано нами в кн. Машина неизвестного старика: Фантастика Серебряного века. Т. XI. Salamandra P.V.V., 2018.

Сохранилось письмо Брюсова к А. И. Бобровой с предложением переработать статью для журнала «Ребус» (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 68, цит. по Даниелян 2005):

3 октября 1916 г.

Дорогая Александра Ивановна!

Мне очень жаль и очень мне стыдно, что за последний год я не мог побывать у

Вас. Причиной было то, что весь год я хворал и, в конце концов, попал в хирургическую лечебницу (П. И. Постникова), откуда выбрался лишь недавно. Поверьте, однако, что я часто поминал Вас, Петра Александровича <Чистякова> и всех Ваших (коим шлю мой сердечный привет) и что меня очень радовали приветы от Вас, которые передавала мне Елена Александровна.

Сознаюсь, что Вы меня огорчили, перестав высылать мне «Ребус» с этого (1916 года). Если я не подписался на него, то это просто рассеянность, которую я исправлю при первой встрече с членами редакции. В желании же моем читать Ваш журнал Вы не должны сомневаться. При этом (больше, чтобы иметь предлог для написания письма) посылаю Вам недавно написанные стихи: не захотите ли взять их для «Ребуса»? И еще одно деловое предложение: год назад я напечатал в «Биржевых ведомостях» статью о предсказаниях Нострадамуса о современной войне, — не хотите ли, чтобы я переработал эту статью для Вашего журнала?

Затем еще раз прошу Вас и Ваших принять мои искренние приветствия и добрые пожелания.

Преданный Вам

Валерий Брюсов

Мы — здесь! Мы — близко! Ты не веришь?
О, бедный, о, незрячий брат!
Ты мир неверной мерой меришь!
Пойми, — чему ты верить рад:
Что бесконечна жизнь, потери ж
Обманывают только взгляд!

Твой взор не видит. Все ж мы близко,
Вот здесь, вот там и близ тебя!
Пусть Смерть глазами василиска
Глядит, мгновенное губя:
Сияньем неземного диска
Любовь горит, всегда любя.

Усни для этой жизни косной:
В твоей руке твой карандаш
Шепнет, что есть иные весны,
И ты узнаешь голос наш.
Дух торжествует светоносный,
Твоя и наша жизнь — все та ж!

Сейчас, вот в этот миг, не в высь ли
Твои возносятся мечты?
То мы подсказываем мысли
Тебе — из тайны темноты;

То наши помыслы нависли
Над сном твоим: им внемлешь ты!

Жить лишь до смерти — слишком мало!
Того не допустил Творец.
Пути безгранны идеала.
Далеки цели и венец.
Смерть! Смерть земли! Твое где жало?
Жизнь! жизнь земли! Твой где конец?

1916»

Ни статья, ни стихотворение — откровенно спиритическое и написанное от лица астральных сущностей — в журнале так и не появились[1], хотя в письме к Брюсову от 24 марта 1917 г., как указывает публикатор, А. И. Боброва благодарила его за «милое письмо, за внимание и за ваши чудесные стихи». Письмо в «Ребус» подтверждает не только «неизменность интереса Брюсова к эзотерическим исканиям» (Даниелян, там же, 230), но и то пристальное внимание символистов к мистико-эзотерической прогностике и эсхатологии, что уже сказалось ранее у Брюсова и Вяч. Иванова в запутанном эпизоде с «пророчеством Агриппы» (см. Шаргородский 2011, Петров 2018); характерно, что вырезка со статьей Брюсова о Нострадамусе сохранилась в бумагах А. А. Блока (Блюмбаум 2017).

Вместе с тем, Брюсов сохранял в «Пророчествах Нострадама» скептический тон, что не позволяет безоговорочно отнести его статью к «агитационной мистике», т. е. потоку публикаций о всевозможных предсказаниях, знамениях, пророчествах и чудесных явлениях на фронте и в тылу, который захлестнул страницы европейской прессы в первые годы войны и функционировал как составная часть военной пропаганды[2]. Поэтому далеко не случайным было появление в «Синем журнале» (№ 22, 1915) статьи К. Наирова «Нострадамус о современной войне», переводящей брюсовский скептицизм в пропагандистский регистр.

«В России, — сообщал автор, — почти единственным комментатором и исследователем Нострадамуса является поэт В. Брюсов, который внимательно изучил его знаменитые “Центурии” и комментирует их в высшей степени легко и удачно». Далее на протяжении журнального листа следовала частью пересказанная, частью процитированная статья Брюсова, снабженная бравурным заключением:

«Как правдоподобны, как ярки эти пророчества... Каким странным, невероятным, даже нелепым кажется то, что они были произнесены 300 лет назад средневековым ученым... <...>

Нострадамус ушел от всего бренного и преходящего своего века. Неизмеримою, мистическою силою духа он открыл завесы будущего.

---

[1] Стих,. под загл. «Перешедшие — оставшимся» и рядом изменений, было впервые опубликовано лишь в «Неизданных стихотворениях» 1935 г.

[2] Некоторые преимущественно русские примеры такого рода собраны в трехтомнике мистическо-агитационной фантастики Первой мировой войны («Кровь ангела», «Тень за окопом», «Таинственное на войне»), выпущенном изд. Salamandra P.V.V. в 2017 г.

События бегут, назревают, разрешаются.

И уже скоро история осуществит и другие пророчества полумифического прорицателя».

С. 111. *...geheimnisvolle Buch... Hand* — У Гёте букв. «таинственная книга, собственноручно написанная Нострадамусом» (*нем.*).

С. 112. *...editio princeps* — первое издание (*лат.*).

С. 113. *Вижу, грозно между нами...* — Цит. из стих. Ф. Шиллера «Кассандра» (1802) в пер. В. А. Жуковского.

С. 117. *...Фразибула* — Фразибул (Фрасибул) — тиран Милета в VII-VI вв. д. н. э., аристократ, захвативший власть.

С. 119. *...г-жа Тэб* — французская хиромантка, предсказательница Анна Викторина Савиньи (1845-1916); ее псевдоним «Madame de Thèbes» букв. означает «Фивская». Держала салон в Париже и регулярно выпускала на Рождество популярные альманахи со своими предсказаниями. «Пророчества» мадам де Тэб также широко публиковались в прессе, особенно в годы Первой мировой войны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. Брюсов. «Декадент» (отрывки из повести)

ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 34. Ед. хр. 17. Данный вариант повести (в черновиках именовавшейся также «Медиум») был впервые опубликован Н. А. Богомоловым (Брюсов 2004). Публикуется по указ. изд.

Прототипы героев повести очевидны: Мария Васильевна и Александр Александрович Кремневы — А. А. и М. И. Красковы, Нина — Е. А. Краскова, Пекарский — А. А. Ланг, Женичка — В. П. Биндасова, Бунин — М. Е. Бабурин (см. выше коммент. к «Спиритическим сеансам 1893 г.»).

С. 121. *...переспри* — также периспри, в спиритизме полуматериальная оболочка духа, астральное тело.

С. 123. *...Эглинтона и Юма* — У. Эглинтон (Eglinton, Eglington, 1857-1933) — британский медиум; среди прочего демонстрировал материализацию и «непосредственное» письмо на грифельных досках и был предметом громких разоблачений. Д. Д. Юм (Хьюм, Хоум, Home 1833-1886) — известнейший британский медиум второй пол. XIX в.; в 1858-1884 гг. шесть раз побывал в России, состоял в тесных отношениях с семьей Романовых и высшей аристократией.

С. 124. ...*Евлалии Паладино* — правильно Евзапия (Эвсапия) Паладино (1854-1918), знаменитая итальянка-медиум; на протяжении своей карьеры постоянно исследовалась учеными и энтузиастами спиритизма, неоднократно изобличалась в шарлатанстве; многие исследователи сообщали, однако, что сталкивались на ее сеансах с явлениями, которым не могли найти объяснения.

В. К. Станюкович. Отрывок из «Воспоминаний о В. Я. Брюсове»

Публикуется по Станюкович 1976.

В. К. Станюкович (1873-1939) — искусствовед, писатель, товарищ В. Я. Брюсова по гимназии Креймана, в 1894-1908 корреспондент Брюсова. Описываемый эпизод, видимо, относится к 1892-1893 гг.

С. 130. ...*«духи» лепили скульптуру для Ланга* — Ср. в воспоминаниях актрисы Л. Д. Рындиной (1883-1964), второй (после Н. И. Петровской) жены поэта и основателя изд-ва «Гриф» С. А. Соколова-Кречетова:

«Многие тогда говорили, что Валерий Брюсов сатанист. Насколько знаю, это не так, но тяготение к этому у него было. Он был большой эрудит по оккультным вопросам и занимался какими-то вызываниями, с литератором Миропольским. <...> Кроме литературы, Миропольский занимался еще скульптурой. Две свои вещи, которые, по его словам, он лепил в ясновидческом трансе, он подарил Грифу <Соколову>. Сделаны они были неплохо, но я их не любила, от них веяло жутью. Этот Миропольский вдруг начал уверять, что его преследует какой-то дух, — чтобы спастись, он бросил все и уехал из Москвы, куда-то в глухую деревню. Что было дальше с ним, я не знаю, в Москве он больше не появлялся» (Рындина 1961:301).

М. Волошин. Фрагменты из воспоминаний

Первый фрагмент (из дневника М. А. Волошина, озаглавленного «История моей души»), публикуется по: Волошин М. Собрание сочинений. Т. 7. Кн. первая: Журнал путешествия. Дневник 1901-1903. История моей души. М., 2006.

Второй фрагмент публикуется по: Волошин М. А. <Брюсов. Воспоминания. Фрагменты> (Прил. 2 к публ.: [Брюсов В. Я.]. Переписка с М. А. Волошиным: (1903-1917). Вступ. статья, публ. и коммент. К. М. Азадовского и А. В. Лаврова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994 (Литературное наследство. Т. 98).

Н. Петровская. Воспоминания (Отрывки)

Публикуется по: Петровская 1989.

Поскольку воспоминания Н. И. Петровской (1879-1928), писательницы, переводчицы и возлюбленной ряда литераторов «Серебряного века», прежде всего В. Брюсова и А. Белого, достаточно известны, мы приводим лишь фрагменты, касающиеся спиритизма.

Н. А. Богомолов отводит спиритизму немалую роль в первых этапах сближения Брюсова и Петровской:

«Сама Петровская вряд ли подозревала, что эта связь спиритизма с чувственными переживаниями была частью интимного опыта Брюсова: в 1892-1893 годах именно во время сеансов разгорался первый его серьезный роман с девушкой своего круга, грезившейся ему сподвижницей в деле соединения декадентства со спиритизмом, из чего должно было получиться некое новое движение, опережающее свое время. Вряд ли возможно сказать, было ли в его душе что-то подобное 12 лет спустя, но само совпадение поразительно. И Петровская, конечно, была, несомненно, гораздо более подходящей претенденткой на роль мистической подруги черного мага, чем простодушная Елена Маслова» (Богомолов 2004а: 48).

Первые сеансы с участием Брюсова, судя по пригласительным письмам С. А. Соколова-Кречетова, состоялись в кружке «Грифа» 11, 28 и 28 сентября (там же, 48). Не исключено, что письмо Брюсова к Петровской от 15 октября 1904 г. с припиской «А что поездка в Петровское-Разумовское? Состоится ли? <...> Не завтра ли?» и т. д. имеет отношение к упомянутой в воспоминаниях поездке для исследования «непокойного дома».

Описанные далее сеансы польского медиума Яна («Янека») Гузика (Guzyk, 1875-1928) проходили в Москве 4-27 января 1905 г. К тому времени Гузик был весьма хорошо известен в спиритических кругах и после смерти С. Ф. Самбора (см. выше) считался единственным в Российской империи профессиональным медиумом. В воспоминаниях Петровская настаивает, повторяя дважды, что инициатором приглашения Гузика был А. С. Хомяков; возможно, причина в том, что к середине 1920-х гг., когда писались мемуары, репутация Гузика была уже серьезно подмочена. Между тем, в отчетах и сообщениях журнала «Ребус» (подробный свод их см. в Богомолов 1999: 513-514) говорится, что пригласил Гузика Соколов. Об этом же свидетельствует Л. Д. Рындина:

«Магия и оккультизм интересовали и волновали тогда многих. Гриф <Соколов> тоже очень интересовался спиритизмом, дружил с издателями спиритического журнала «Ребус», выписал даже модного тогда медиума Гузика. Я никогда не любила спиритизма и держалась от сеансов в стороне. Живое участие в них принимали Валерий Брюсов, Нина Петровская и еще кое-кто из литераторов. Сеансы с Гузиком часто бывали безрезультатными, иной раз, чтобы спасти свою репутацию сильного медиума, он пытался жулить. Но эти занятия спиритизмом еще далеки от сатанизма. Думаю, что Брюсова занимало внешнее: кутаться в тогу “чернома-га”, вообще играть роль темного начала — и считать Белого символом начала светлого» (Рындина 1961:301).

В 1911 г. Н. Петровская опубликовала мемуарный очерк о сеансах Гузика (Что это было? (На сеансах Яна Гузика) // Московская газета. 1911. № 130, 12 окт.).

На собраниях Русского спиритуалистического общества

I — Ребус. 1913. № 10, 17 марта (описывается заседание 25 фераля); II — Ребус. 1913. № 11, 31 марта. Публикуется по: Богомолов 1999.

С. 140. *...А. и Б.* — А. И. Боброва (см. выше).

Шаргородский С. Тайны Офиэля

Публикуется (с некоторыми исправлениями и дополнениями) по: Шаргородский 2011.

Библиография

Андриенко 2017 — Андриенко А. Мистицизм и вера // Современная драматургия. 2017. № 3, июль-сентябрь. С. 210-222.

Белецкий 1940 — Белецкий А. Первый исторический роман В. Я. Брюсова // Ученые записки Харьковского пед. ин-та. Т. 3. Харьков, 1940. С. 5-32.

Блюмбаум 2017 — Блюмбаум А. Musica mundana и русская общественность: Цикл статей о творчестве Александра Блока. М., 2017.

Богомолов 1990 — Богомолов Н. А. К семантике слова «декадент» у молодого Брюсова // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 100-111.

Богомолов 1999 — Богомолов Н. А. Спиритизм Валерия Брюсова: Материалы и наблюдения // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 279-310, 511-512 (прим.).

Богомолов 2004 — Из дневника Валерия Брюсова 1892-1893 гг. Подг. текста, вступ. статья и прим. Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 185-207.

Богомолов 2004а — Богомолов Н. А. Заметки к тексту переписки // Брюсов В., Петровская Н. Переписка 1904-1913. Вступ. статьи, подг. текста и коммент. Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова. М., 2004. С. 42-56.

Брюсов 1899 — Брюсов В. О искусстве. М., 1899.

Брюсов 1909 — Брюсов В. Огненный ангел: Повесть в XVI главах. Изд. второе, испр. и доп. примечаниями. М., 1909.

Брюсов 1963 — Брюсов В. Не воскрешайте меня!: Научно-фантастический рассказ-памфлет // Техника — молодежи. 1963. № 12. С. 16-18.

Брюсов 1976 — [Брюсов В. Я.]. Письма к А. А. Шестеркиной: 1900-1913. Предисл. и публикация В. Г. Дмитриева // Валерий Брюсов М., 1976 (Литературное наследство. Т. 85). С. 622-656.

Брюсов 1990 — Брюсов В. Среди стихов 1894-1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. Вступ. статья и комм. Н. А. Богомолова. М., 1990.

Брюсов 2004 — Брюсов В. Декадент. Вступ. статья, публ. и прим. Н. А. Богомоло-

ва // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов (обл.: «Эротизм без границ»). Сост. М. М. Павлова. М., 2004. С. 299-348.

Геворкян 2017 — Геворкян А. В. В. Я. Брюсов на страницах журнала «Ребус» // Брюсовские чтения 2016 года: Сборник статей. Ереван, 2017. С. 364-376.

Гиндин 1991 — [Брюсов В. Я.]. Письма из рабочих тетрадей: (1893-1899). Вступ. статья, публ. и коммент. С. И. Гиндина// Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1991 (Литературное наследство. Т. 98). С. 555-828.

Даниелян 2005 — Даниелян Э. С. Статья В. Брюсова «Предсказания Нострадама о современной войне». 1915. Вступ. заметка, публ. и прим. Э. С. Даниелян // Неизвестный Брюсов: (Публикации и републикации). Ереван, 2005. С. 222-231.

Дневники 1927 — Брюсов В. Дневники 1891-1910. Пригот. к печ. И. М. Брюсова. Прим. Н. С. Ашукина. М., 1927.

Кузьмин 2012 — Кузьмин Е. Фауст и Агриппа в повести В. Брюсова «Огненный ангел» — два образа магии // Вопросы литературы. 2012. № 5, сент.-окт. С. 414-420.

Курсинский 1991 — [Брюсов В. Я.]. Переписка с А. А. Курсинским: 1895–1916. Вступ. статья А. А. Козловского и Р. Л. Щербакова. Публ. и коммент. Р. Л. Щербакова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1991 (Литературное наследство. Т. 98). С. 269-361.

Маклакова 2019 — Маклакова А. А. Образ врага в дискурсе русских спиритуалистов: (На примере материалов Московского спиритического кружка) // Религиоведческие исследования. 1919. № 2 (20). С. 44-66.

Молодяков 2010 — Молодяков В. Э. Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010.

Остроумова-Лебедева 1998 — Остроумова-Лебедева А. П. Воспоминания о Валерии Брюсове // Брюсов В. Неизданное и несобранное <…> Сост., подг. текста и коммент. В. Молодякова. М., 1998. С. 224-232.

Петров 2018 — Петров В. В. Доктринальное содержание и источники доклада Вячеслава Иванова «Евангельский смысл слова “земля” // Литературный факт. 2018. № 7. С. 257-287.

Переписка 1991 — [Брюсов В. Я.]. Переписка с Ив. Коневским: (1898-1901). Вступ. статья А. В. Лаврова/ Публ. и коммент. А. В. Лаврова, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1991 (Литературное наследство. Т. 98). С. 424-554.

Петровская 1989 — Жизнь и смерть Нины Петровской. Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. № 8. Paris, 1989. С. 7-138.

Прибытков 1897 — Прибытков В. Медиумизм Елизаветы Дмитриевны Прибытковой: Воспоминания. СПб., 1897.

Прибытков 1901 — Прибытков В. Спиритизм в России от возникновения его до настоящих дней. СПб., 1901.

Пуришев 1974 — Пуришев Б. И. Брюсов и немецкая культура XVI в. // Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах. Т. 4: «Огненный ангел». М., 1974. С. 328-341.

Раздъяконов 2020 — Раздъяконов В. С. Понятие о «религии» в отечественном эзотеризме конца XIX – начала XX века: (По материалам Московского спиритического кружка // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 89. С. 129-148.

Раздъяконов, Маклакова 2018 — Раздъяконов В. С., Маклакова А. Учение и практики спиритического кружка П. А. Чистякова и А. И. Бобровой // Studia Religiosa Rossica. 2018. № 1. С. 66-83.

Рындина 1961 — Рындина Л. Ушедшее // Мосты. 1961. № 8. С. 295-312.

Станюкович 1976 — Станюкович В. К. Воспоминания о В. Я. Брюсове. Публ. Н. С. Ашукина и Р. Л. Щербакова // Валерий Брюсов М., 1976 (Литературное наследство. Т. 85). С. 713-758.

Флоренский 1994 — Флоренский П., свящ. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1994.

Флоренский 2004 — Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка. Сост., подг. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004.

Ходасевич 1997 — Ходасевич В. Некрополь // Ходасевич В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997.

Чулков 1930 — Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930.

Шаргородский 2011 — Шаргородский С. Тайны Офиэля: Три оккультных эпизода Серебряного века // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 38. P. 59-109.

Carlson 1993 — Carlson M. No Religion Higher Than Truth: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875-1922. Princeton, 1993.

Petrovo-Solovovo 1899 — Petrovo-Solovovo M. Observations et expériences, avec le médium Sambor //Annales des Sciences Psychiques. 1899. № 6, Nov.-Dec.

Petrovo-Solovovo 1937 — Perovsky-Petrovo-Solovovo, count. My Experiments with F. S. Sambor // Journal of the Society for Psychical Research. 1937-1938. Vol. XXX. P. 87-98.

ОГЛАВЛЕНИЕ